

"Влюбиться в лучшего друга"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Галина Куликова

Влюбиться в лучшего друга

* * *

— Витька, я дома! — крикнула Таня, услышав, как в замке повернулся ключ. Дверь громко хлопнула.

— Рад, что ты хорошо долетела, — донесся до нее знакомый голос. А потом на пороге появился и сам Потапов.

У него был удивительно расстроенный, даже сердитый вид, что никак не соответствовало моменту. Таня бросилась ему на шею со всей страстью и нежностью, которые накопились в ее сердце, но он ограничился совершенно не романтичным поцелуем в щеку. Ненадолго прижал ее к себе и отпустил со странным равнодушием.

— Ничего себе, порядочек в доме! — воскликнул Виктор, бросая на стол свой пижонский портфель. — Ты до сих пор даже вещи не разобрала.

На полу лежал открытый чемодан, шкаф был распахнут, куча одежды громоздилась на диване.

— Меня не было дома полтора года, — напомнила сбитая с толку Таня. — Разве это не повод затеять генеральную уборку?

Она все еще улыбалась, но в улыбке появилась неуверенность.

— Ну, ты же прилетала время от времени на побывку, — возразил Виктор, с неудовольствием оглядывая комнату.

— Всего-то раз в месяц на выходные! Это не считается. Сейчас мне хочется все как следует тут разобрать, выбросить ненужное барахло, проветрить шкафы...

— Можно подумать, без тебя я жил в хаосе! — недовольно бросил Виктор. — Я вообще не люблю, когда нарушается порядок, к которому я привык.

— Вить, ты чего? — Таня удивленно посмотрела на него. — Ты мне совсем не рад?

— Не знаю. — Он посмотрел ей прямо в глаза и сказал: — Тебя так долго не было, за это время многое изменилось. Я изменился! И сейчас я не очень хорошо понимаю, зачем нам снова селиться вместе. С тех пор как ты уехала, столько воды утекло...

У Тани был ошарашенный вид.

— Какой воды? — спросила она непонимающим тоном. — Я приезжала месяц назад, и ты радовался как ребенок!

— Я вообще большой ребенок, — с досадой ответил Потапов. — Я боялся этого разговора и тянул до последнего. Дети именно так и делают. Но если честно, Танюха, я не думаю, что нам нужно продолжать наш роман...

— Наш роман? — Таня все никак не могла постичь, что Виктор не шутит и что это начало разговора, по большому счету. — Витенька, да ты что?! Очнись, это же я! Я вернулась домой!

Она шагнула к нему и снова попыталась поцеловать в губы, но он отстранился, резко мотнув головой.

Таня растерялась. До сих пор ей и в голову не приходило, что долгая рабочая командировка может разрушить их отношения с Виктором... Нет, не с Виктором, а с Витькой Потаповым, которого она знала еще в те времена, когда он носил трусы, разрисованные зайцами. С ним была связана вся ее жизнь, все ее помыслы и устремления! Он не приехал в аэропорт, отговорившись важными делами. Она решила, что он просто не хочет встречаться с ее боссом. Потому что ревнует! По крайней мере, она расценила это именно так.

— Тебе не кажется, что мы перестали друг друга волновать? — спросил Виктор, посмотрев на нее в упор своим фирменным взглядом, который Таня про себя называла «апперкот Потапова».

— Ты меня очень волнуешь, — ответила она внезапно помертвевшими губами.

Она стояла и смотрела на Виктора во все глаза. На одну секунду он вдруг показался ей неприятным. Напористый, крупный, капельку шумный, он краснел, когда злился, и мог наорать на незнакомого человека по самому пустячному поводу. Но он же умел быть нежным и страстным, находил такие слова, от которых Таня сладко вздрагивала, чувствуя себя желанной и прекрасной.

Однако сейчас Потапов не собирался говорить ничего приятного. Вместо этого он прошелся по комнате, стащил с себя галстук и безапелляционно заявил:

— Ох, нельзя было заводить роман с подружкой детства.

— Почему же это? — спросила Таня каменным голосом.

Она все никак не могла принять того, что Виктор обрушился на нее с подобным разговором, что называется, без объявления войны. Да еще после долгой разлуки! Она-то воображала, что он ее ждет, страдает от одиночества...

— Любовь между друзьями детства похожа на изможденную лошадь, навьюченную старыми воспоминаниями, — ответил Виктор. — Нас с тобой слишком многое связывает.

— А по-моему, чем больше у мужа и жены общих воспоминаний, тем крепче узы.

— Узы! Надо же, как тебя разобрало. Я у тебя, Волгина, раньше никогда не замечал матримониальных наклонностей.

По фамилии он называл ее только тогда, когда сильно злился. На самом деле они не были женаты, но Таня надеялась, что рано или поздно Виктор наденет на ее палец обручальное кольцо. И вот теперь выяснилось, что надеялась она напрасно.

— Если ты не хочешь жениться, то и черт с тобой, — ответила она звенящим голосом. — Как-нибудь обойдусь. Разве я тебя тащу под венец?

— Да не в этом же дело! — Во взгляде Виктора читалась странная смесь неудовольствия и сожаления. — Речь не об оформлении отношений, а о самих отношениях.

— Ты хочешь меня бросить? — спросила Таня, убрав руки за спину и больно ущипнув себя за запястье. Обычно подобный фокус помогал ей мобилизоваться.

— Хм, бросить... Уж эти твои формулировочки! Я решил, что нам нужно разойтись.

— Но почему?! — Таня почувствовала, как земля уходит у нее из-под ног. — Почему это мы вдруг должны расходиться? — повторила она, чувствуя приближение паники.

— Честно?

Таня смотрела на него молча, ожидая продолжения. Да она и не смогла бы сейчас ничего сказать, потому что горло сжалось от боли.

— Мне с тобой скучно, — заявил Виктор таким тоном, словно говорил это уже сто раз. Словно Таня уже привыкла к подобным выпадам. — Не обижайся, но ты предсказуема, как поезд «Сапсан». Во столько-то отбываешь из дому, во столько-то прибываешь. Одни и те же заезженные шутки, одни и те же мысли, обкатанные, как морская галька. Одни и те же рассказы об одних и тех же людях... Невыносимо. С тех пор как я тебя знаю, примерно лет с шести, ты не меняешься. Только растешь, как гриб. А в тебе самой, в твоей душе ничего не происходит. Мне с тобой даже не хочется делиться впечатлениями, потому что я и так могу сказать, что ты ответишь. Я знаю все наперед. И даже твоя поездка в Париж ничего не изменила. Когда ты прилетала на выходные и я встречал тебя в аэропорту, такую свеженькую, нарядную, оживленную, я честно ждал каких-то новых реакций, новой тебя! Но нет, ничего не изменилось, — с сожалением добавил он и даже махнул рукой, показывая, насколько все безнадежно. — Ты та же прежняя Танька Волгина, несмотря на супер-дрюпер стрижку и французские духи. Привычная, как стоптанные тапки.

Виктор продолжал ходить по комнате из конца в конец, постепенно разоблачаясь — повесил на спинку стула пиджак, расстегнул рубашку. На его поросшей рыжими волосками груди блестели капли пота. Таня готова была биться об заклад, что вспотел он потому, что ему было банально жарко, а не из-за того, что волнуется.

— И давно ты в себе это копил? — спросила она ничего не выражающим тоном, хотя все в ней дрожало мелкой противной дрожью.

— Ну... Если честно, я не хотел вываливать на тебя информацию прямо сразу, но ты тут затеяла всякие уборки-перестановки, а это совершенно ни к чему! Прости, если нагрубил, но сегодня жутко жарко, и у меня неприятности на работе, и вообще...

Таня по привычке хотела спросить, какие у него неприятности, но прикусила язык. Кажется, теперь это не ее дело. До сих пор было ее, а теперь его собственное, потаповское. Черт побери, почему она не чувствовала, что он собирается ее бросить?! Даже сомнение ни разу не закралось в ее сердце.

— У тебя кто-то есть? — не удержалась она от вопроса.

Конечно, надо было удержаться, но это было слишком важно, чтобы пойти на поводу у своей гордости.

— Какая разница? Все это имеет отношение только к нам двоим — к тебе и ко мне.

— Если у тебя никого нет, наверное, можно попытаться что-то изменить, — выдавила из себя Таня. Слова приходилось с силой выталкивать из себя, потому что произносить их стало невероятно тяжело.

— Что изменить? — сердито откликнулся Виктор. — Ничего уже не изменится! Если мы сейчас

все замнем, ты начнешь суетиться, как насадка возле кладки. Накупишь ароматических свечей, как советуют твои дурацкие журнальчики, будешь готовить мне пенные ванны и надевать перед моим приходом шелковые халатики... Я точно знаю, Волгина, сколько у тебя халатов. Три штуки. Даже если ты купишь еще три, их хватит только на неделю. А потом мне снова все надоест. Кроме того, ты ведь поняла, что дело не в этом. В постели у нас с тобой все нормально.

— Тогда в чем не нормально? — Таня не сводила глаз с Виктора, который остановился возле окна.

Впервые в жизни она смотрела на него как на постороннего мужчину. Крепкий, уверенный в себе, с богатой мимикой и дерзкой улыбкой. У него были широко расставленные светло-зеленые глаза, взгляд которых сейчас ранил ее так жестоко.

— Я тебе все уже объяснил. Мы устали друг от друга, нашим отношениям не хватает воздуха. Я с тобой под одной крышей просто задыхаюсь!

— И что же ты предлагаешь? — спросила Таня, не веря, что вот сейчас он снова повторит слова, которые разрушат все. Но он действительно их повторил.

— Разъехаться, — пожал плечами Виктор. — Расстаться. Разойтись. Не понимаю, что тебе непонятно. И, кстати, да — у меня кто-то есть.

Таня вздрогнула. Острая боль вошла в ее сердце холодной иглой. Тысячами игл! Несколько секунд сердце висело в пустоте, замерев, словно новорожденный, которому предстоит осваиваться в незнакомом мире. Скоро оно закричит — громко и испуганно.

— Ты разозлился на то, что я уехала? И стал изменять просто мне назло?

Таня все еще пыталась нащупать почву под ногами. Но почвы не было. Была лишь бесконечная топь, и всякая спасительная кочка подло ускользала, проваливалась в бездну.

— Чушь какая! — фыркнул Виктор. — Я никогда ничего не делаю назло. Ты же знаешь меня как облупленного.

Это было правдой. Таня действительно знала его как облупленного. Друзья детства — особая каста. Но если сейчас они разойдутся, их дружбе тоже конец!

— А Олегу ты сказал?

— Да никому я ничего не сказал! — в сердцах бросил Виктор. — И что мне было говорить до нашего с тобой объяснения?!

Олег Скворцов был одной из составляющих их неразлучной троицы. То, что касалось одного из них, касалось и двух остальных... До тех пор, пока речь не зашла о любви. В тот момент, когда Потапов на первом курсе института сделал свое признание, Олег впервые за все эти годы неожиданно сделался третьим лишним.

Самое забавное состояло в том, что именно Олег с детства был тайно и безоглядно влюблен в Таню. Она это довольно быстро поняла и относилась к его симпатии благосклонно. Однако тот держал чувства при себе. Ни бурных ухаживаний, ни комплиментов, ни вымоленных поцелуев — ничего не было! Тане же, как всякой женщине, хотелось эмоций, да так, чтобы через край. Но — увы! — поклонник ей попался замкнутый и чертовски безынициативный. Потапов же до

самого института флиртовал направо и налево, ни разу не попытавшись приударить за лучшей подружкой. Но как только они все втроем поступили на первый курс, он вдруг словно прозрел. Возможно, потому, что Таня стала пользоваться популярностью у будущих художников и архитекторов. Как бы то ни было, совершенно неожиданно Потапов начал любовный штурм, который закончился его блистательной победой. В отличие от Олега он был понятен и сразу же открыл свое сердце. Ухаживание оказалось феерическим, клятвы жаркими... Ну как тут было устоять?

Олег же так и остался другом — по-прежнему преданным и по-прежнему сдержанным. Кажется, у него за все пять лет учебы не было ни одного серьезного увлечения. Конечно, из-за Тани! Вот в его-то любви она была совершенно уверена! Но, увы, не Олег интересовал ее, а Виктор. Ей все говорили о его непостоянстве, о том, что он — увлекающаяся натура... Она никого не слушала. Как всякой влюбленной женщине, ей казалось, что уж с ней-то Потапов будет шелковым!

— Ну, и кто же она? — спросила Таня голосом, набрякшим от слез. — Кто-нибудь с твоей работы?

— Тань, ну тебе-то что до этого! — Виктор с опаской посмотрел на нее, вероятно ожидая бурного проявления чувств. — Надеюсь, мы обойдемся без крушения мебели и метания сервизов. Потом, попозже, завтра... Когда мы оба успокоимся... Мы еще поговорим, обещаю. Я отвечу на все твои вопросы.

— Я тебе не клиент, заказывающий проект виллы! — бросила Таня, резко махнув рукой. — Не нужно меня... обволакивать! И вопросов у меня к тебе больше нет!

Опасаясь, что сейчас все-таки разрыдается — громко, бессмысленно и унизительно, — Таня бросилась к шкафу и там, за распахнутой дверцей, лихорадочно натянула на себя брюки и свитер, больно ударившись сначала локтем, а потом плечом. После чего принялась безжалостно выдирать из шкафа одежду, швыряя ее вместе с вешалками на диван.

— Тань, ну что ты делаешь? — устало спросил Виктор.

— Ухожу. Ты ведь этого хотел?!

— Я так и думал.

— Что ты думал?

— Что ты сорвешься и по квартире начнут летать твои шмотки.

— Ну, я же предсказуемая, чего удивляться? — язвительно бросила Таня.

Она специально пыталась разбудить в себе гнев, негодование, злость, но ничего не получалось. Обида была такой сильной, что поглощала все остальные эмоции. Обида и ревность!

— Можешь взять из этой квартиры все, что тебе хочется, — сказал Виктор отвратительным покровительственным тоном. — Вдруг тебе здесь что-то дорого?

Таня в упор посмотрела на него, и он наконец-то смутился. Впрочем, ненадолго.

— Если честно, я надеялся, что мы расстанемся по-человечески. И наша дружба будет продолжаться как раньше. Что ты на это скажешь?

— Скажу, чтобы ты катился к чертовой бабушке! — звонко ответила Таня, резко застегнув «молнию» на чемодане. Та взвизгнула, словно кошка, которой отдавили хвост.

— И куда же ты сейчас рванешь? — спросил Виктор насмешливо. — В твоей квартире даже мебели нет.

— Хочешь посоветовать мне хорошую гостиницу? Или удружишь надувной матрац?

Виктор хмыкнул и прислонился спиной к стене, сложив руки на груди. Таня даже вообразить не могла, что Потапов такой непробиваемый, толстокожий, эгоистичный сукин сын! Она представила, как скажет ему эти самые слова на пороге, перед тем как захлопнуть дверь. Но потом подумала, что он не заслуживает такого пафоса. Черт побери, он разбил ей сердце!

— Только не говори, что я разбил тебе сердце, — вслух сказал Виктор.

Вероятно, он действительно мог читать Танины мысли и предсказывать ее слова. Ужасно.

— Не скажу, — сквозь зубы процедила она, лихорадочно озираясь по сторонам.

Вещи, которые они выбирали и покупали вместе с Потаповым, без него никакой ценности для нее не представляли.

— На самом деле ты сама виновата, — заявил Виктор. — Уехала на полтора года с мужиком, который положил на тебя глаз... Ты таким образом меня унизила! Даже не посоветовалась, махнула хвостом — и была такова.

— Пожидаев — не какой-то там «мужик», а мой начальник! И я уехала не с ним, а с целой группой дизайнеров. Ты же знаешь, на какой грандиозный проект нас пригласили! Если бы тебе подвернулся такой случай, ты бы его точно не упустил!

— Оформление русского выставочного центра — не такой уж грандиозный проект, — презрительно бросил Виктор.

— Ну, конечно! Ты ведь у нас великий архитектор, тебе уже и Париж неинтересен.

— Я просто не люблю идеализировать. А у тебя все проекты грандиозные. Пригласили бы тебя отстраивать деревню Заможайкино, ты бы с радостью рванула на подвиг.

— А чего же ты хотел? Чтобы я дома сидела и пекла блины? Была бы у нас настоящая семья — тогда может быть! А так...

— Ага! — кровожадно воскликнул Виктор, отлепившись от стены и наставив на нее указательный палец. — Значит, ты все-таки злишься на меня за то, что я тебя замуж не позвал. Ты со злости и уехала!

— Думай что хочешь, — дернула плечом Таня, волоча за собой чемодан и не заботясь о том, что он цепляется за все подряд. — Отличную ты мне устроил встречу, ничего не скажешь.

— Какую заслужила, — отрезал Виктор. — Парижи, моя милая, даром не проходят. С другой стороны, мы бы все равно рано или поздно разошлись.

— Я поняла, поняла! Я тебе наскучила! — Веселая ирония в ее голосе не могла бы обмануть даже ребенка. — Кстати, ты храпишь, как бронтозавр, не забудь предупредить свою новую пассию!

— Да ты сама храпишь, — насмешливо заметил Виктор.

Пока Таня надевала туфли, он дышал ей в затылок.

— Я храплю?! — Она так возмутилась, что даже покраснела, мгновенно покрывшись свекольными пятнами.

— Для твоей карьеры это совсем не страшно, — успокоил ее Виктор сладким тоном.

Таня уже набрала полную грудь воздуха, решив высказать все, что она на самом деле о нем думает, но потом поймала его умный, расчетливый взгляд и опомнилась. Он специально раздражил ее, чтобы отвлечь от самого главного — от того, что у него есть другая.

Уйти, не сказав ни слова на прощание, будет гораздо умнее. Менее драматично, да. Но чувство собственного достоинства останется при ней. Таня плотно сжала губы, надела плащ и на чувстве собственного достоинства выволокла на площадку неподъемный чемодан, решительно отвергнув предложение Потапова ей помочь.

Пока она ждала лифта, тот продолжал стоять в дверях, глядя на нее с откровенной жалостью. Тане хотелось развернуться и дать ему в нос. Вместо этого она изо всех сил удерживала на лице выражение гордого презрения. И лишь очутившись на улице, позволила себе расслабиться. Остановилась и растерянно огляделась по сторонам. Мир показался ей удивительно резким. Таким видит его близорукий человек, впервые надевший очки. Множество удивительных деталей бросилось ей в глаза. Мелких и обычно незаметных, но делавших пейзаж невероятно насыщенным и выпуклым. Она заметила конфетный фантик, застрявший в решетке водостока, треснувшую молочную лампу под крышей подъезда, стеклянную дождевую пыль на носках своих замшевых туфель...

В детстве они с Витькой и Олегом играли, взбираясь на гаражи, и однажды Таня, весело и легко перелетавшая с одной крыши на другую, внезапно сорвалась и рухнула вниз. Земля тогда прыгнула ей навстречу — огромная и тяжелая. Таня на некоторое время оглохла и долго лежала не шевелясь. Перед ее глазами качалась травинка, по которой бежал янтарный муравей. Россыпь песчинок блестела и переливалась, словно бисер на маминой театральной сумочке.

Сейчас Таня чувствовала себя примерно так же, как после удара о землю. Звуки отдалились, проходя к ней словно сквозь вату, и она видела себя со стороны — одиноко стоявшую на ступенях подъезда с шикарным чемоданом, который она так долго выбирала в дорогом магазине. В тот момент это казалось ей чрезвычайно важным делом...

— Таня! — окликнул ее кто-то.

Знакомый голос вывел девушку из оцепенения. Она повернула голову и увидела собственную мать, торопливо шагавшую по дорожке к дому. Это было неожиданно и неприятно.

— Мама?! Что ты здесь делаешь? — ошарашенно спросила Таня, спускаясь по ступенькам.

Ее мать была все еще красивой женщиной с унылым лицом и неприкаянным взглядом, который подолгу ни на чем не задерживался. Возможно, такое выражение появлялось у нее лишь в обществе дочери, а в другом окружении она была прежней — искрящейся, легкой, смешливой...

— Вот, заехала повидаться! — сказала та, хмуря брови. — Завтра отправляемся на дачу — надо

там все на зиму позакрывать. Хозяйство... сама понимаешь. Вот я и решила заглянуть. А то полтора года не виделись — мне даже перед Колей неудобно...

— Что тебе неудобно? — спросила Таня опасно звенящим голосом. — Когда ты меня бросила на произвол судьбы ради своего Коли, тебе было удобно! И ему тоже было очень даже удобно!

— Это что, выговор? — поджала губы мать.

— Да, выговор! Должна же я когда-нибудь высказаться! Не представляю, как ты могла спать спокойно, зная, что я одна на другом конце города в пустой квартире... Как ты посмела быть счастливой, оставив собственного ребенка?!

Раньше она никогда так не разговаривала с матерью. Ей всегда удавалось держать себя в руках, контролировать эмоции. Скрывать то, что в ее сердце живет страшная, обжигающая обида. Эта обида была ее личным чудовищем, которую, как какую-нибудь собаку Баскервилей, приходилось скрывать ото всех на свете... Но, кажется, сейчас чудовище готово было вырваться на свободу.

— Нашла виноватую! — неожиданно рассердилась мать, сурово сдвинув брови. — Не знала я, что ты такая злопамятная. Сколько лет прошло! И кроме того, тебе не на меня надо злиться, а на своего папашу. Он во всем виноват! Сбежал, как трус с поля боя. Ты была тогда совсем маленькой, а у нас, между прочим, ни бабушек, ни дедушек... Я пять лет подъезды ради тебя мыла! Про личную жизнь даже и не думала! А теперь ты меня обвиняешь?!

— Ага! — иронически воскликнула Таня. — И чем, интересно, ты лучше папочки? Он меня бросил, когда я в пеленках лежала, а ты дотерпела до совершеннолетия! Конечно, тебя это оправдывает!

— Если ты подзабыла, тебе тогда уже исполнилось семнадцать лет, — продолжала кипятиться мать. — И я, между прочим, тебе квартиру оставила! Родовое гнездо!

— Родовое гнездо! — возмутилась Таня. — Ты говоришь так, как будто речь идет о замке в Шотландии, а не об «однушке» на окраине.

— Еще неизвестно, что дороже стоит — замок в Шотландии или «однушка» в Москве, — парировала мать. — Да ведь девчонки в семнадцать лет о таком только мечтать могут! Одна, ни от кого не зависишь, творишь что хочется...

— Я мечтала жить с тобой!

— Знаю, знаю... — Мать немного сбавила обороты. — Но что я могла поделать? Я, между прочим, ребенка ждала. У меня новая жизнь начиналась! Неужели ты не можешь меня понять?! У нас с Колей такая любовь закрутилась!

— Да что это за любовь, ради которой можно выбросить из жизни собственную дочь?! — Таня почувствовала, как ее губы поехали вниз, а нос набряк от слез. Она пнула ногой чемодан, повалившийся набок. — Это не любовь, а какое-то уродство! У тебя с отцом были уродские отношения, и с Колей тоже — такие же уродские! У меня из-за тебя вся жизнь наперекосяк!

И Таня разрыдалась, не в силах больше справиться с болью, которая разрывала ее изнутри. Мать испуганно посмотрела на нее, но не рискнула сунуться с утешениями — только стиснула руки. Таня вообще не помнила, чтобы эта женщина обнимала или ласкала ее. Когда она видела, как чужие матери целуют своих малышей в макушку, в щечки, в ладошки, на нее

нападала звериная тоска.

Она подумала, что ненавидит Виктора еще и за то, что он не хотел ребенка.

— Таня, перестань истерить, люди смотрят! — сдавленным голосом сказала мать, нервно озираясь по сторонам. Пошел мелкий морозящий дождь, и от этого дождя волосы вокруг ее лица завились мелкими колечками, сделал ее моложе и свежее.

— А плевать я хотела на твоих людей! — заявила Таня, вытирая нос платком, завалявшимся в кармане. — Ненавижу эту твою игру на публику! Образцовая мамаша на свидании с дочерью!

— А почему это ты с вещами? — спросила мать, пропустив ее шпильку мимо ушей и глядя на раздутый чемодан. — Ты что, съезжаешь от своего Потапова?

— Да, съезжаю! — язвительно ответила Таня. Слезы оставили на ее щеках жгучие следы, и теперь щеки пылали. — Если бы у вас с отцом была нормальная семья, я бы знала, как строятся отношения. Но вы меня ничему не научили! Особенно ты!

— Да неужели? — язвительно возразила мать. Выражение ее лица неожиданно изменилось. Она даже глаз прищурила, приготовившись от души высказаться. — Разве я не предупреждала, что Потапов рано или поздно от тебя сбежит?

— Ты не предупреждала, а просто каркала! Из вредности! — огрызнулась Таня.

В душе же она вынуждена была признать, что мать действительно высказывала некие опасения. Но Таня, разумеется, махнула на них рукой.

— Любить ее не научили! Да разве тебя научишь? Ты любовь у себя под носом не замечаешь! Про Олега своего вспомни. Сколько лет ты над ним издевалась? Настоящая мымра! Парень по тебе с ума сходил. Как он был в тебя влюблен! У меня сердце кровью обливалось. А ты? Ты его просто растоптала.

— Я не топтала! — горячо возразила Таня.

Как это ни странно, она никогда не смотрела на свои отношения с Олегом с такой точки зрения. То есть не считала его пострадавшей стороной. Возможно, потому, что он всегда был сдержанным, и это сбивало ее с толку.

— Да? А что ты выкинула на выпускном вечере? — продолжала насесть мать. — Мальчик хотел признаться тебе в любви, а ты заявила, что собираешься замуж за своего спортивного тренера.

— Я действительно собиралась замуж за спортивного тренера. Хотела тебе отомстить!

— Но я-то не видела, как ты целовалась с этим тренером перед школой. А Олежек видел!

— Откуда ты знаешь?

— От верблюда. Не такая уж я бесчувственная, как ты хочешь представить.

Мать вскинула руку и посмотрела на часы.

— Беги, беги, а то Коля устроит тебе семейную сцену, — насмешливо воскликнула Таня. — Сколько он выделил тебе времени на общение со старшей дочерью? Как всегда — двадцать

минут?

— Ты настоящая мымра, — с чувством повторила мать. — На месте Олега я бы разочаровалась в тебе еще в пятом классе. Конечно, я не образцовая родительница, но не такая жестокая и черствая, как ты.

— Спасибо, что навестила, — сказала Таня, раздув ноздри и доставая из сумочки ключи от машины. — Было очень приятно поболтать.

— Олег в курсе, что ты ушла от Потапова?

— Какая разница?

— На твоём месте я бы вцепилась в этого парня обеими руками и не отпускала до конца жизни. Это если тебя интересуют материнские советы...

— Твои — не интересуют, — отрезала Таня и, не оглядываясь, направилась к своей машине. Чемодан послушно покатился за ней, подскакивая на выбоинах.

* * *

Олег любил приезжать на дачу осенью. Зимой в поселке было мрачно, уныло и жутковато. Казалось, время здесь остановилось навсегда, и это его слегка пугало. Посидев денек с книжкой и бутылкой красного вина возле камина, он с превеликой радостью прыгал в машину и несся обратно, к огням и суете вечно бурлящего муравейника под названием Москва.

Весной и летом, наоборот, раздражал постоянный шум. На сопредельных участках орали дети, вывезенные из пыльного, жаркого города на подмосковные лужайки. С утра до позднего вечера монотонно зудели газонокосилки, визжали пилы, стучали топоры — вырвавшиеся на волю офисные работники возвращались к простой крестьянской жизни, максимально используя для этого светлое время суток. Ближе к ночи запах жарящегося на мангалах мяса забивал аромат сирени, липы и розовых кустов, которые мама в изобилии высадила вокруг дома.

И только осенью, где-то в середине сентября, наступала волшебная гармония, чарующая пауза между буйным летом и угрюмой зимой.

Было тихо, но пока еще не безлюдно — пенсионеры караулили созревающий урожай и готовили участки к следующему дачному сезону. Днем светило нежаркое уже солнце, а с наступлением сумерек начинался дождик, под который уютно было засыпать. И можно было долго бродить по лесу, как в детстве поддевая ногой шуршащие желтые и красные листья, сидеть на веранде в любимой старой качалке, любоваться закатом, размышлять обо всем на свете.

Олег потянулся, разминая мышцы, легко поднялся и пошел в дом — сигареты остались на каминной полке, курить же хотелось страшно. Уже стемнело, и по дороге он щелкнул выключателем — зажег красивые кованые светильники, висевшие по углам веранды, устроив себе праздничную иллюминацию. Вернувшись, сел уже не в качалку, а на крыльцо, и сделал первую, самую душевную затяжку. Рассеянно подумал, что уже который год собирается бросить курить. Чего он только не предпринимал: давал клятвы матери и заключал с друзьями пари на крупные суммы, клеил антитабачный пластырь и пил какие-то отвратительные витамины. Грыз семечки, сосал леденцы, требовал от коллег, чтобы те не давали ему закурить. Сколько раз в мусорное ведро летели все имеющиеся в доме запасы никотина, включая

уникальные сигары и трубочный табак! Однажды он даже расколотил замечательный, страшно дорогой хьюмидор, который ему подарили коллеги на день рождения, и выбросил в мусоропровод несколько коллекционных трубок. Помнится, Таня ему тогда сказала...

Олег еще раз затянулся и резко потушил сигарету. Таня... Она сейчас в Париже со своим Пожидаевым. С этим выскочкой и плейбоем.

Павел Пожидаев был довольно известным художником с большими связями, о нем часто писала пресса. Это он пригласил Таню в свою команду работать над новым проектом. С момента их отъезда Олег начал пристально следить за новостями. Мэтр появлялся то тут, то там — худой, длинноногий, с седоватой бородкой и ледяными глазами. Тани рядом с ним не было, но Олег чувствовал ее незримое присутствие.

Олег вдруг подумал, что когда жалуется на усталость, обманывает сам себя. Плюнул на все дела, бросил горящие проекты, оставив подчиненных биться над ними самостоятельно, отменил встречу с важнейшим и богачейшим заказчиком — и все ради того, чтобы полюбоваться золотой осенью? Как бы не так!

Почему умный, здоровый и успешный мужик вдруг потерял вкус жизни? Почему впереди вместо привычных, ясных и четких перспектив — черная дыра, из которой дует зловещим ветерком? Уж себе-то он мог признаться в том, что просто боится будущего. Он знал, что Таня скоро вернется, и тогда... Что будет тогда?

Начнется все сначала? Бессонные ночи, ревность, страдания... Черт побери, ему надоело быть на вторых ролях! Надоело быть нелюбимым. Без Тани он несчастлив, но и рядом с ней — тоже несчастлив. Как она мучила его, демонстрируя свою любовь к Витьке! Она отлично знала, что Олег не может устоять перед ее улыбкой, и управляла им как хотела. Распоряжалась его личным временем, его настроением, его судьбой... Нет, так больше продолжаться не может. И не будет продолжаться! Он должен принять решение — окончательное и бесповоротное.

«Когда она вернется, я не стану скакать от радости. Не стану смотреть на нее собачьими глазами. Мне вообще уже давно пора жениться, — неожиданно подумал он. — Неужели не найдется женщины, которая меня полюбит? Я буду ей благодарен, буду верен. У меня появится своя семья. Разве я этого не заслужил?»

До сих пор только Таня постоянно присутствовала в его мыслях, в его жизни, рядом с ним. Все свои юные годы он был в нее влюблен. Однако она ни разу не дала понять, что Олег тоже ее волнует. Что она считает его особенным, что он дорог ей не только как друг. Он отчаянно ждал от нее хоть какого-то знака, намека, позволения... И не дождался. Когда она целовала его в щечку, он каждый раз сгорал дотла. А потом Виктор неожиданно очухался и тоже понял, что Таня — лучшая девушка на свете. И со всей отпущенной ему богом храбростью бросился ее завоевывать. И победил. «Ну, извини, брат, — сказал он Олегу, когда Таня уже собирала чемодан, готовясь к переезду. — Она выбрала меня, а не тебя. Тут ничего не поделаешь. Химия!»

Олег передернул плечами, почувствовав, что ему и вправду стало холодно. Чтобы немного согреться, он прошелся по участку, который родительскими стараниями превратился в небольшой сад. Постоял возле любимой яблони, на которой остались висеть несколько крупных яблок, сорвал одно, положил в карман — все-таки еда. В магазин по дороге из города он не заехал, дома пусто, кроме сухарей и макарон ничего нет. А варить на ночь глядя макароны — брр. Лучше уж лечь спать голодным.

Стало довольно прохладно, но запира́ться в доме ему совсем не хотелось. Свежий воздух бодрил и гнал прочь тягучую и липкую тоску. Олег сделал несколько энергичных наклонов и приседаний, возвращая телу ускользающее тепло. Потом вернулся на сверкавшую огнями веранду и снова плюхнулся в качалку, скрипнувшую под его мощным телом.

Поднявшийся к ночи ветерок разогнал облака, и небо сейчас было высоким, темным и звездным. «Когда смотришь на звезды, — думал Олег, — любые проблемы кажутся ничемными, мелкими и пустыми. Жаль, что мы редко на них смотрим. Да их почти не видно в городе, из-за смога. Если у человека есть будущее, то оно, скорее всего, именно там, где мерцают эти волшебные, загадочные искорки... В кладовке есть бутылка коньяка, — неожиданно вспомнил он. — Осталась после отцовского дня рождения. Может быть, тупо напиться? Хоть немного полегчает. И закусить есть чем — яблочко вот».

В глубине души он презирал себя за то, что любые его философские позывы всегда заканчивались мыслью о выпивке. «Да, я прагматик, циник и эгоцентрист, — выносил себе безжалостный приговор Олег, откупоривая бутылку и разрезая яблоко на тонкие дольки. — Я продал душу архитектуре и поэтому страдаю».

Но коньяк под звездным небом неожиданно произвел магическое действие. Словно каменная плита свалилась с души, стало легко, приятно, и совершенно не хотелось думать о будущем. Напротив, хотелось вспоминать прошлое, все светлое и хорошее, что у него было и что точно никуда не денется, не растворится, не исчезнет. Ведь сказано мудрецом — все можно отнять у человека, даже жизнь. Но только не его прошлое.

Значит, Таня. Она — прошлое? Скорее всего, да. Или, скажем так, уже не вполне настоящее. Олег давно смирился с тем, что она принадлежит Виктору. А потом Таня уехала на целых полтора года в другую страну. Олег думал о ней днем и ночью — как она, что? Ложась спать, он представлял ее в крохотной парижской квартирке, которую она снимала, склонившуюся над своими рисунками. Воскрешал в памяти жесты, улыбки на все случаи жизни, забавные фразочки, которые она так любила вставлять в разговор.

Таня Волгина была его наваждением, его счастьем и его проклятием. До сих пор он смиренно принимал свою роль джинна, выполняющего все ее желания. Кажется, настала пора разрушить чары и вырваться на свободу. Когда она в очередной раз потрет лампу, он не явится на зов...

* * *

— Потапов сравнил тебя с поездом? — переспросила Зоя, взбивая в миске творог с белком.

Она в очередной раз сидела на диете и выпекала для себя полезные лепешки с отрубями.

— С поездом, который ходит точно по расписанию, — подтвердила Таня. — Скучно, предсказуемо, уныло... Хотя, конечно, это всего лишь отговорки. Правда в том, что у него появилась другая женщина!

— Наверное, она и появилась потому, что Потапову было скучно, — заметила Зоя.

Им обоим было по двадцать восемь, они дружили с детства и знали друг о друге все. Ну, или практически все. Зоина кухня всегда была для них прибежищем, любимым местом для сплетен и девичьих признаний.

— Не могу смириться с тем, что Витька мне изменил!

— А когда ты уезжала в Париж, не боялась оставлять его одного? — поинтересовалась подруга. — Мужчину, как кота, нужно держать под присмотром. Вот только что он мирно дремал на диване, а в следующую секунду — р-р-раз! — и уже улизнул в форточку.

— Мне не приходило в голову сравнивать Потапова с котом, — сердито ответила Таня. — Кроме того, я тоже полтора года жила без присмотра. Но я ведь ему не изменяла. Хотя была парочка опасных моментов...

— Опасные моменты? Ого! Наверняка опасность исходила от Пожидаева. Что, станешь отрицать?

— Не стану, — проворчала Таня. — Но я устояла! Так что это не считается. А Витька, выходит, не устоял. Мне так больно, Зоя! И так обидно. Когда я прилетала на выходные, он был нежным и даже бурным... Мне казалось, разлука нас еще больше сблизила, даже распалила.

— Еще неизвестно, так ли уж твой Потапов виноват, — заметила Зоя. — На бесхозных мужчин нынче огромный спрос. Возможно, его банально соблазнили.

— Я знаю Витьку слишком хорошо, чтобы в это поверить, — вздохнула Таня. — Акт соблазнения он бы просто от меня скрыл. Нет, там все серьезно.

— И что ты собираешься делать? Попытаешься вернуть его обратно? Отбить у разлучницы?

— Не знаю, — пожала плечами Таня. — Сначала я должна успокоиться. Пока что я не готова на подвиги.

— А выглядишь неплохо! Парижский воздух явно пошел тебе на пользу, — вынесла вердикт Зоя. — Знаешь, в тебе появился эдакий легкий шарм...

— Легкий шарм — это итог тяжелой работы над собой, — ответила Таня. — И воздух здесь совершенно ни при чем. Я-то думала, что вернусь и сразу Потапова наповал своим новым имиджем! А он ничего не заметил...

— Даже твою сумасшедшую стрижку?

— Почему — сумасшедшую?

— Потому что на своей голове я ничего подобного вообразить не могу. Все эти растрепанные пряди... Очень стильно. Я по сравнению с тобой — просто доярка Дуся из совхоза Задрипино.

— Не прибедняйся. У каждого человека свои достоинства, и ты это отлично знаешь. И своими пользуешься на полную катушку.

Зоя была крупной высокой девушкой, настоящей русской красавицей. Длинные светлые волосы и высокая грудь производили на мужчин сильное впечатление. Муж Стасик от нее просто с ума сходил. «Кстати, Стасик сразу же сделал предложение руки и сердца, — подумала Таня. — А Потапову это и в голову не пришло». Она вспомнила, как у них с Виктором все начиналось. Сначала они довольно бесстрашно объяснились друг другу в любви и провели вместе ночь, а потом Виктор предложил ей переехать к нему. Все произошло стремительно и легко. «Возможно, даже слишком легко», — подумала Таня и спросила вслух:

— Как ты думаешь, Зоя, кто она такая?

— Девица, из-за которой Потапов решил с тобой порвать? Откуда же я знаю! Да ты у Олега своего спроси. Ты ему звонила?

— Звонила, но он не взял трубку, — ответила Таня. — Надеюсь, с ним все в порядке.

— Да уж, когда ты на проводе, он из преисподней выскочит, лишь бы успеть к телефону. Странно, что ты второй день в Москве, а он так и не появился. Кроме того, ты снова свободна! Для него это шанс. Или нет? — В Зоинном взгляде появилась тревога. — Если честно, мне его так жалко! По отношению к Олегу ты всегда вела себя как настоящая стерва.

— И ты туда же! — сердито воскликнула Таня. — Мало мне мамочкиного выговора!

Зоя сочувственно посмотрела на подругу. Она всегда переживала из-за того, что у Тани сложились довольно прохладные отношения с матерью. Ее отец вообще появлялся один раз в год то на день рождения, то на Восьмое марта. Ей самой повезло родиться в дружной семье. Она была младшим ребенком и росла под защитой двух старших братьев, один из которых занимался боксом, а второй — восточными единоборствами. Наверное, благодаря им Зоя выросла такой задорной и боевой.

— Не хочешь — не буду ничего говорить, — проворчала она.

— Я знаю: Олег тебе всегда больше нравился, чем Витька, — сказала Таня обвиняющим тоном.

— Просто Олег любит тебя всерьез, — парировала Зоя. — А это не может не трогать.

— Откуда ты знаешь, что всерьез?

— Женщина чует настоящую любовь, как свинья трюфель! Да ведь ты и сама знаешь, как он к тебе относится. И без зазрения совести этим пользуешься.

— А что я, по-твоему, должна делать?

Тане неприятно было думать, что она ведет себя как стерва. Ей всегда казалось, что она с Олегом довольно мила. Но теперь ее вынудили посмотреть на себя со стороны. Она посмотрела, и увиденное ей не понравилось.

— Отпусти его на свободу! — потребовала Зоя. — Поговори с ним по душам, что ли. Ты ведь все равно собираешься возвращать своего Потапова?

— С чего ты взяла?

— Я просто вижу, как вращаются шестеренки в твоей голове. Тебя бросили...

— Предали! — подсказала Таня.

— Тебя предали, — согласно подхватила подруга, — у тебя отняли мужчину, которого ты считала своим, и ты просто так не сдашься. Не родилась еще та женщина, которая может вырвать у тебя из рук то, что нужно тебе самой. Кроме того, ты не рыдаешь, тоннами изводя салфетки, а это значит, ты уже что-то решила. Нетрудно было догадаться — что.

— Да, Зоя! Я хочу вернуть Витьку во что бы то ни стало. Я мечтаю, чтобы он на коленях просил прощения! Утереть нос той, другой!

— Оригинальный план, — усмехнулась подруга. — Ты первая женщина в мире, которая

произносит подобные слова. Но скажи: ты абсолютно уверена, что должна взять реванш? Мужчины удивительно постоянны в своих изменах! Потапов эмоциональный, горячий, любвеобильный. Влюбленность для него — адреналин. А без адреналина он жить не может. Если он один раз тебя предал, запросто предаст и во второй. Всю жизнь будешь жить как на вулкане!

— Дай мне только вернуть его, — пообещала Таня, — и я устрою ему такой вулкан, по сравнению с которым Фудзияма покажется игрушечной пыхалкой.

* * *

— Ты куда не торопишься? — спросил Виктор, как обычно без предупреждения врываясь в кабинет Олега.

Только с ним он позволял себе быть импульсивным и порой нагло фамильярничал, зная, что ему все сойдет с рук. Олег — настоящий друг, так что можно не особо церемониться. Церемонятся с теми, кого боятся. Олега Виктор никогда не боялся. Нельзя сказать, что он был лидером в их когда-то неразлучной тройце, но уж заводилой точно.

— Куда мне торопиться? — пожал плечами Олег. — Жены у меня нет, семеро по лавкам не плачут. А что?

— Пойдем по пиву?

Это был условный сигнал. Ни один, ни другой особо не увлекались пенным напитком, и «пойти по пиву» означало только то, что нужно поговорить.

— Пойдем, — согласился Олег, поглядев на Виктора с подозрением.

Когда у друга вот так вот горели глаза, следовало ждать рассказа о какой-нибудь невероятной истории, случившейся накануне. В этой истории непременно участвовала женщина, и непременно хорошенькая. Олег был уверен, что ровно половину своих приключений Витька выдумывает. Тот с детства любил фантазировать и выдавать желаемое за действительное. Слава богу, это не касалось бизнеса, а затрагивало только бурную потаповскую личную жизнь.

Они вышли из офиса, помахивая портфелями, как два школьника.

— Кафе «На углу» сгодится? — спросил Олег, мотнув головой в сторону вышеуказанного заведения.

— Вполне, — кивнул Виктор. На его губах мелькнула мифистофельская улыбка.

«Дело плохо», — подумал Олег. И вслух спросил:

— Ну, и что ты задумал? В прошлый раз, когда мы ходили «по пиву», ты сообщил, что решил заняться воздухоплаванием. Слава богу, порыв прошел, как только из твоей жизни исчезла та маленькая брюнетка, которая без умолку говорила о привязных полетах, мешочках с песком и упражнении под названием «заяц и собаки».

Они вошли в кафе и заняли столик возле окна. В помещении, разделенном на курящую и некурящую зоны, оказалось столько дыма, что вот-вот можно было ожидать включения пожарной сигнализации. Дыму было наплевать на зоны, и он пробрался на некурящую половину, повиснув над ней грозовым облаком.

— Забудь о прошлом разе, — торжественно заявил Виктор, когда они сделали заказ и достали сигареты, решив, что активное курение гораздо лучше пассивного. — Сейчас у меня действительно сногшибательная новость.

— Ну? — спросил Олег чуть снисходительно.

Обычно Витькины новости не производили на него особого впечатления. Друг отличался повышенной впечатлительностью и любое интересное событие считал сногшибательным. Впрочем, сегодня он улыбался как-то особенно загадочно. Может быть, его новость связана с Таней? Олег знал, что она уже в Москве. Он даже проверил в Интернете, благополучно ли приземлился ее самолет. Но вот звонить ей не стал. И не ответил на ее звонки. Конечно, он поговорит с ней и непременно встретится, но не сразу, не сейчас. Он дал себе слово изменить свою жизнь. Кажется, это будет стоить ему нервов, но он справится.

Наконец не в силах больше держать свою тайну при себе, Витька сделал глубокий вдох и бухнул:

— Я решил жениться.

Олег на секунду окаменел. Он давно готовил себя к этому. Знал, что когда-нибудь Витька отважится на решительный шаг. Но не думал, что сам он при этом испытает такую острую боль.

— Наконец-то, — сказал он, криво улыбнувшись. — Ты уже сделал предложение? И как Таня отреагировала?

— Видишь ли... — Виктор побарабанил пальцами по столу. В его глазах прыгали чертики. — Я женюсь вовсе не на Тане.

Встретив в какой-нибудь книге фразу: «Сигарета выпала у него изо рта», Олег обычно усмехался, считая это художественным преувеличением. Однако сегодня у него появился повод в этом усомниться. Он открыл рот, и его собственная сигарета полетела на стол, рассыпав по скатерти прыгучие искры.

— Как это? — спросил он, подхватив ее и снова сунув в рот. Сделал две быстрые затяжки. — Разве Таня не вернулась из Парижа?

— Таня вернулась из Парижа, мы поговорили по душам и решили разъехаться. Она собрала чемодан и отправилась в свою старую квартиру. Теперь я снова свободен и женюсь.

Олег нервно курил, пытаясь переварить услышанное.

— Ты что же, познакомился с вдовой Джеффри Пикауэра, состояние которой сравнимо со стоимостью маленькой планеты? — наконец спросил он. — И женитьба кажется тебе единственно разумным шагом?

— Вот ты шутишь, а я совершенно серьезен. — Виктор побарабанил пальцами по столу. Это означало, что он раздражен. — Я полагал, ты обрадуешься. Все снова станет как прежде. Мы трое будем просто друзьями. Это же здорово!

Олег, однако, не спешил радоваться.

— А как же Таня? — спросил он обалдело.

— Что — Таня? — мгновенно взбеленился Виктор. — Ты не ее адвокат! Ты мой лучший друг.

— Но я ведь и ее лучший друг тоже. Вы поссорились — ладно, чего в жизни не бывает. Ты горишь желанием ей насолить. Но скоропалительная женитьба...

— Ты ничего не понял! — Виктор посмотрел на Олега и тут же отвел взгляд. За окном проносились автомобили, поднимая ветер, гонявший бумажки и сухие листья. — Все случилось в другой последовательности. Сначала я встретил девушку, на которой захотел жениться, а уже потом поссорился с Таней. Мне пришлось сказать ей, что все кончено.

— Из-за девушки? — Олег все еще не мог поверить в услышанное. — Неужто твое очередное похождение оказалось таким серьезным? Она что, ждет ребенка?

— Ты завалил меня вопросами. И если бы я не был таким покладистым... Отвечаю по порядку. Да, мы с Таней расстались из-за девушки. Да, девушка была моим очередным походом. Нет, она не ждет ребенка. Хотя я, как ни странно, на этот раз был бы не против.

— То есть пока Таня была в Париже...

— Она была в Париже полтора года! — взорвался Виктор. — Вместе с этим лощеным типом Пожидаевым, который на нее давно уже глаз положил. Думаешь, я поверю, будто они вернулись невинными, как голуби? Ха!

— Очень удобная позиция, — сказал Олег, глядя на него в упор. — Ты изменял Тане, успокаивая себя тем, что она тоже легко могла тебе изменить.

— Я изменил Тане, когда понял, что больше ее не люблю. — Витька с такой силой потер лоб, словно собирался за один раз избавиться от морщин. — Между мной и Волгиной все кончено, заруби себе на носу.

— Боюсь, пройдет немного времени, и ты изменишь свое мнение. Вы встретитесь один раз, другой...

— Нам с ней совсем не обязательно встречаться.

— Ну, конечно, — скептически заметил Олег. — Можно подумать, кроме неудачного романа вас больше ничто не связывает. Не смейся мои подметки.

Он не верил, что все действительно закончилось. Виктор просто еще ничего не понял. С Таней можно поссориться, с Таней можно расстаться, но разлюбить Таню нельзя. В ней — жизнь, страсть, яркость, мечта! От мечты добровольно не отказываются. Это было его глубокое личное убеждение.

— Почему мы сейчас говорим о Тане? — с досадой воскликнул Потапов. — Я хотел рассказать тебе о другой девушке! И уверяю тебя, на нашу бойкую Таню она совсем не похожа. Она такая... Такая нежная, женственная... чудесная! Таких девушек больше на свете нет. Когда ты ее увидишь, ты тоже влюбишься.

— Нет уж, спасибо, — сказал Олег. — С меня достаточно.

Никогда в жизни, ни разу он не говорил вслух о своих чувствах к Тане. Но Витька, конечно, о них знал. Да все, наверное, знали. Скрыть любовь иногда тяжелее, чем откровенно признаться в ней.

— Когда я ее встретил, то просто потерял голову. С тех пор она мне снится почти каждую ночь!

— А жениться на ней обязательно? — спросил Олег, не сумев скрыть ехидство.

— Ты ведешь себя как ребенок, которому сообщили, что скоро у него появится маленькая сестричка. Заранее настроился негативно и хочешь испортить мне настроение. Но у тебя ничего не получится. Я женюсь на ней — и баста!

— Да ладно, ладно... Чего ты раскипятился?

— Я раскипятился, потому что по уши влюблен. И мне казалось, что мой лучший друг должен за меня искренне порадоваться.

— Так ты сначала расскажи, что за девушка, — попросил Олег, пытаясь усмирить пожар, пылавший в его сердце.

Он представлял, как Таня узнает о Витькиной женитьбе и как лицо ее потемнеет. Возможно, она даже расплачется. Да наверняка расплачется! Она любит этого обалдую как сумасшедшая. Даже теперь, после того как Витька ее бросил, она наверняка продолжает его любить. Он по себе знал, что любовь не зависит от внешних обстоятельств, от разрывов и ссор, ей неважно, где ты находишься — в Москве или в Париже... Ты или любишь, или не любишь, другого не дано.

— Вообще-то я хотел устроить тебе сюрприз, — сказал Виктор, обиженно засопев. — Но раз ты так настроен... Я, пожалуй, сначала вас познакомлю. После этого с тобой будет легче разговаривать. Ты ее увидишь и сразу умрешь.

— Захватывающая перспектива, — проворчал Олег, понимая, что ему никуда не деться от этого знакомства.

— Такие девушки у нас практически не водятся.

— Никак ты подцепил экзотическую красотку где-нибудь в Индонезии?

— Она москвичка, — с кроткой улыбкой ответил Виктор. — И она лучше, чем какая-нибудь экзотическая красотка. Вот сам поглядишь!

— Ладно, погляжу, — сказал Олег. — И когда свадьба?

— Я еще не сделал официальное предложение.

— А ты уверен, что...

— Что она его примет? — Виктор самодовольно рассмеялся. — Совершенно уверен.

— Отважный ты парень, как я погляжу. Меня лично пугают скоротечные романы.

— Да ладно тебе! Ты все-таки не о чахотке говоришь, а о любви. Ничего не скоротечный. Нормальный. Мы встречаемся уже два месяца.

— Ого! — заметил Олег, который никак не мог справиться со своим скепсисом и раздражением. — Срок огромный. Значит, пока Таня была в Париже...

— Слушай, или ты прекратишь тыкать мне в лицо Таней, или я дам тебе по морде.

— Это ты заслужил по морде, — сказал Олег, швырнув на стол зажигалку. — Вы с Таней почти женаты, и пока она в отъезде, ты заводишь романчик на стороне.

— «Почти женаты», друг мой, это значит — не поженимся никогда. Как только ты встретишь девушку, которую тебе захочется повести под венец, ты поймешь это в ту же секунду. Тебе не потребуется времени на размышление. Тебя просто накроет, и все.

Официант принес им по чашке кофе, и Виктор насыпал в свою три полных ложки сахара. Олег же решил, что вполне обойдется несладким кофе. «Когда меня накроет, — повторил он про себя. — Разве меня уже не накрыло?»

Кажется, это случилось в шестом классе. Или в седьмом. Они ходили в поход, и Таня Волгина сидела у костра с обветренными губами и грызла хлеб, который они нанизывали на прутики и жарили на огне. Она распустила косу, и ее волосы в отсветах огня переливались, как водяные струи. Олег тогда почувствовал такую тяжесть во всем теле, словно его, как пустую форму, наполнили расплавленным свинцом. У него горели уши, и он молился только, чтобы никто ничего не заметил. Пожалуй, никто и не заметил. Кроме Тани. Она мгновенно поняла, что отныне и навеки Олег принадлежит ей безвозвратно.

Виктор вывел его из задумчивости, покаянно сказав:

— Я понимаю: мы дружили втроем, и ты хочешь, чтобы все оставалось по-прежнему. Но по-прежнему уже никогда не будет. Как только я признался Тане в любви, я все испортил. Надо было делать как ты.

— Что — как я? — вскинулся Олег.

— Оставить свои чувства при себе, — пожал плечами Виктор. — Тем более сейчас мне уже совершенно ясно, что это было кратковременное помешательство. Таня была такая красивая на первом курсе, оживленная, полная надежд! У нее от поклонников отбоя не было!

— Именно это тебя и завело, — заметил Олег, крепко сжав в руке чашку. — Поэтому ты пустил в ход все свое обаяние и обольстил лучшую подругу.

— Не понимаю, в чем ты меня обвиняешь. В том, что я сошелся с Таней, или в том, что разошелся с ней?

— И в том, и в другом, — честно ответил Олег. — Так ты совершенно точно решил жениться?

— Да. И когда ты увидишь мою невесту, ты поймешь, почему я так тороплюсь.

— Ты упорно не называешь ее имени, — сообразил наконец Олег. — Судя по всему, я ее знаю?

Виктор рассмеялся.

— Нет уж, тайна так тайна.

* * *

Большой книжный магазин, куда Таня очень хотела наведаться после возвращения, находился далеко от ее дома. Но она пошла пешком и наслаждалась долгой прогулкой на полную катушку. Она соскучилась по Москве. И ей было что вспомнить. Закутавшись в шарф, Таня с удовольствием подставила лицо ветру и подумала, что у нее наверняка покраснел кончик носа.

Обогнавший ее тип в наглухо застегнутой ветровке курил дрянную папироску. Ветер донес до нее убийственный табачный дух, искры полетели в лицо. «Дым отечества», — усмехнулась она про себя, замедляя шаг.

Ей было хорошо и чуточку грустно. Она шла неторопливо, огибая большие лужи, похожие на влажные переводные картинки с тоненькой цветной пленкой отражений. Иной раз Таня специально наступала в воду, чтобы разбрызгать огни и разбросать свернутые сухие листья, похожие на хрустящие вафельные трубочки. В Париже ей казалось, что по возвращении начнутся всякие события, встречи, но на самом деле жизнь текла по-прежнему, как будто она и не уезжала никуда. «Интересно, хоть кого-то по-настоящему интересует, есть я или меня вовсе нет?» — подумала она с детской страстностью.

И в этот самый момент увидела, что навстречу ей идет Наташка Сыромятникова. Вернее, улучшенная Наташкина копия.

— Волгина! — закричала Наташка еще издали и раскинула руки так широко, словно боялась, что ее бывшая одноклассница немедленно попытается от нее сбежать. Глаза ее зажглись веселым сумасшествием. — Это ты?!

— Я-то ладно, — махнула рукой Таня. — А ты ли это? Я тебя совершенно не узнаю! Что ты с собой сделала? До чертиков хороша!

Таня весело засмеялась, потому что похожая прежде на мешок с мукой Сыромятникова действительно превратилась в настоящую очаровашку.

— Я вытопила из себя двадцать пять килограммов жира, — гордо заявила Наташка.

— Двадцать пять?!

— Сразу жизнь наладилась! Наверное, потому, что мозги очистились. Чего ты смеешься? Знаешь, я поняла: лишний вес в первую очередь давит на мозги. Потому что все время думаешь только об одном: «Я толстая, я толстая, я толстая!»

— Но ты так сильно изменилась! — все никак не могла успокоиться Таня, не представляя, насколько изменилась она сама.

— Еще бы. Я столько сил на это потратила. А денег? Немерено!

— Красота требует жертв, — развела руками Таня.

— Я пожертвовала всем — едой, бабками, свободным временем. Ты ничего не замечаешь? Я себе нос исправила! Видишь? Он у меня теперь, как у Мэрилин Монро. В клинике валялась почти полгода с осложнениями. Но все обошлось. Потом я волосы нарастила, сделала операцию на глаза. Ты же помнишь, я косоглазая была, ходила в очках «минус шесть»! Еще мне все зубы поменяли и импланты в грудь вставили.

— А настоящее в тебе что-нибудь осталось? — захохотала Таня. — Ты всем-то не рассказывай! Особенно мужикам, а то они сдохнут от таких подробностей.

— Да нет, я только тебе. Потому что ты, Волгина, одна в классе нормально ко мне относилась, не издевалась. Я это дико ценю. У меня теперь другая жизнь началась, но я все время про школу вспоминаю. Это ж не учеба была, а форменный кошмар. Особенно физкультура! Самым страшным испытанием для меня был кувырок через голову на глазах у всего класса. Ужас,

ужас! Помню, я начала переворачиваться и застряла как раз в стойке на голове. Мальчишки аж взревели от восторга. Издевались надо мной до самых каникул. Я даже травиться хотела с горя. Но мама вечером купила торт, и я отошла. Кстати, я уж и замуж успела сходить — за Вовку Мальцева.

— Да ну? — удивилась Таня.

По ее мнению, Вовка Мальцев мог бы составить партию только девушке с бандитскими наклонностями.

— Представляешь? — продолжала тараторить Наташка. — Мы с ним развелись, потом снова поженились, а недавно опять развелись.

— Вот это да! — Таня только и успевала, что вставлять междометия и предлоги.

— Отношения, знаешь ли, — это не квартира. Их можно, конечно, подштукатурить, но все равно они уже будут не те. Помнишь, как певица пела из «Комбината»? Узелок завяжется, узелок развяжется... Вот развяжешь отношения, а потом снова завяжешь... А узелки будут мешаться, — авторитетно заявила Наташка.

И Таня тотчас подумала о Потапове. Не могла не подумать! Она твердо решила вернуть его, чего бы это ни стоило. Но даже если план удастся, не станут ли мешать узелки, которые неизбежно появятся после воссоединения? Впрочем, Таня верила в то, что все будет хорошо. Если дело касается любви, самая здравомыслящая женщина готова поверить и в маленьких зеленых человечков, и в Деда Мороза.

— А ты, наверное, за границей живешь? — спросила Наташка, окидывая Таню пронизательным взглядом.

— С чего ты взяла? — удивилась та.

— У тебя стрижка такая... европейская, и одета ты не по-русски: легкая кофточка, шарф и перчатки. В западных фильмах про любовь девушки в таком виде бродят по Парижу или Амстердаму. Впрочем, ты же художница! — вспомнила она. — У тебя натура вольная. А как у вас с Потаповым, все нормально? Вы поженились наконец? А потомством еще не обзавелись?

— Да нет, мы, наоборот, разбежались, — сказала Таня смущенно.

Почему-то ей казалось, с первых слов должно стать ясно, что это ее бросили, а не она. От этого было неловко, и она даже покраснела, почувствовав стыдный жар, прокатившийся волной по рукам и шее.

— Ну надо же! — возмутилась Наташка. — Ты такая красотка. И ты добрая. Как этот дурак тебя отпустил?

— Легко, — сказала Таня. — Сказал, что я ему наскучила.

С ее стороны это была беспрецедентная откровенность.

— Вот увидишь, он еще пожалеет, — пообещала Наташка таким тоном, будто могла силой заставить Потапова раскаяться. — А ты пойдешь на вечер встречи выпускников?

— Так он ведь еще не скоро, весной! — удивилась Таня.

— Ну и что? Я уже сейчас думаю об этом мероприятии. Нет, не просто думаю — предвкушаю! — заявила Наташка с плотоядной улыбкой. — Представляешь, я была жирная и страшная, и на меня никто не обращал внимания. А кое-кто даже издевался и обзывал всякими свинскими словами. И тут — вообрази! — я появляюсь вся такая стройная, без очков и с грудью! У них у всех так челюсти и отвиснут!

Таня снова засмеялась. Она не сомневалась, что все именно так и будет. И тут же подумала, что сама рассуждает точно как Наташка. «Ведь я совершенно уверена, что легко верну себе Потапова! — удивилась она. — Я знаю, что похорошела, стала женственнее, ярче, привлекательнее, умнее, в конце концов. И я полагаю, что Потапов это, в конце концов, оценит». Еще у нее мелькнула мысль об Олеге. Олег тоже должен был оценить превращение хохотушки и «своего парня» Таньки Волгиной в стильную молодую женщину. Впрочем, при чем здесь Олег? Совершенно ни при чем. Он до сих пор так и не позвонил, хотя Таня и писала ему о дате своего возвращения. Наверное, куда-нибудь уехал... По делам, конечно! Важным и срочным. Иначе уже объявился бы. «Интересно, Витька сказал ему о том, что между нами произошло? И как Олег отреагировал? Будь он эгоистом, как Потапов, он бы обрадовался, — решила Таня. — Усмотрел бы в этом шанс для себя. Но Олег особенный, и справедливость для него важнее выгоды. Наверное, он расстроится из-за нашей с Витькой ссоры. Черт, как же я хочу его увидеть! Он мне нужен. Зоя потребовала отпустить его... Но разве я его держу? Он ведь может уйти когда захочет».

В душе Таня точно знала, что Олег не захочет уйти. Он всегда любил ее и всегда будет любить. Эта мысль согрела ее сердце, и она улыбнулась.

* * *

В этот замечательный день солнце светило исключительно для него. Оставив машину, Олег шел прогулочным шагом по Малой Никитской и наслаждался каждой секундой своего земного бытия. Еще бы! Вчера грандиозной пьянкой они отметили событие, значение и масштаб которого еще только предстояло осмыслить. После многомесячных переговоров и согласований, сопровождавшихся интригами и происками завистников и недоброжелателей, был подписан многомиллионный договор с одним из крупнейших финансистов, который активно инвестировал средства в строительство по всему миру. Во время подписания много говорилось о том, что данный проект — только начало, и в случае его удачной реализации архитектурная компания «Самшит» будет обеспечена подобными заказами на годы вперед.

От таких перспектив дух захватывало и кружилась голова. И хотя они и раньше не бедствовали, будучи одной из ведущих фирм на рынке архитектурных и дизайнерских услуг, это был грандиозный прорыв, редкая удача!

Десять лет каторжной работы в условиях жесточайшей конкуренции, порой без выходных и отпусков, не прошли даром. И теперь дружная команда бывших выпускников МАРХИ и все, кто за эти годы присоединился к ним, праздновали заслуженную победу. Заниматься они будут крупными эксклюзивными объектами не только в России, но и в Италии, Испании, Австрии, Черногории и Хорватии.

Олег был архитектором по призванию. Откуда взялось столь редкое призвание — непонятно. В роду у него были юристы, военные, врачи, летчики и даже один председатель колхоза. Однако ни со стороны отца, ни по линии матери архитекторов не наблюдалось.

С детства Олег отлично рисовал и лепил, затем выяснилось, что он еще и прекрасно чертит. В старших классах школы он зачитывался книгами по архитектуре и тогда же решил поступать в

МАРХИ. Все это у Олега удивительным образом сочеталось с занятиями волейболом, где он к семнадцати годам стал кандидатом в мастера спорта. Тренеры прочили ему большое будущее, но спортивная карьера Олега не увлекла.

В архитектурный, с его чудовищным конкурсом, он поступил без всякой протекции и взяток, с первого захода. Сам он считал, что был достаточно хорошо подготовлен для такого подвига, но маленький червячок сомнения все же глодал его — не спортивные ли успехи сыграли здесь определенную роль?

Учился он с удовольствием, представляя, как будет проектировать новые города, жилые кварталы, промышленные здания. Впрочем, жизнь быстро развеяла эти иллюзии.

Немного помыкавшись после окончания института без работы, он примкнул к небольшой группе таких же, как и он, горемык, своих бывших однокурсников. Сначала они пробавлялись написанием курсовых работ и дипломов нерадивым студентам, создавали дизайн интерьеров чьих-то отвратительных типовых квартир, делали проекты для желающих построить домик на своих шести сотках, не гнушались даже отделочными работами. Но они были тружениками, влюбленными в свою профессию, и постепенно их дела пошли в гору. Ширилась клиентская база, появились первые состоятельные заказчики, коммерческая составляющая их бизнеса теперь была ничуть не слабее творческой. В общем, если в данную минуту кто-то на Земле мог назвать себя абсолютно счастливым человеком, то это был он, Олег Скворцов.

Подойдя к подъезду старого особняка, он толкнул дверь, на которой красовалась золотистая металлическая табличка с надписью «Семь ветров», и вошел внутрь.

* * *

Олег сидел в неудобном низком кресле, придвинутом к круглому деревянному столику на гнутых ножках, и ждал, пока мать закончит беседу с клиенткой — расфуфыренной дамой, украшенной бриллиантовыми серьгами и тройным подбородком. Дама намеревалась отдохнуть как можно шикарнее, но заплатить как можно меньше, поэтому изводила мать каверзными вопросами. Но та была профессионально терпелива и очень убедительна в своих рекомендациях. Вообще-то, будучи владелицей туристической фирмы «Семь ветров», мать преспокойно могла бы сидеть в фешенебельном кабинете, предоставив работу с клиентами своим сотрудницам. Но Елена Сергеевна, энергичная, деловая и напористая, любила участвовать в процессе, а потому нередко сама бралась за дело.

Олег украдкой зевнул и огляделся по сторонам. Чуть наискосок от него точно в таком же низком и неудобном кресле сидела привлекательная молодая женщина и заполняла какие-то бланки. Пользуясь тем, что она погружена в свое занятие и ничего вокруг не замечает, Олег принялся внимательно ее разглядывать. У девушки были длинные золотистые волосы, мягкий овал лица и выразительные пухлые губы. Обычно при взгляде на таких женщин не говорят «красива», но с восторгом восклицают «Хороша!». Движения ее были неторопливыми, плавными, и в каждом жесте присутствовала неуловимая грация.

«Похожа на русалку», — подумал Олег. Тут девушка неожиданно оторвалась от своего занятия и подняла на него глаза. Глаза оказались густого темно-зеленого цвета с маленькими рыжими крапинками возле самого зрачка. Олегу почудилось, что в них мелькнуло легкое кокетство.

— Ну вот, наконец-то я могу уделить внимание родному сыну. Что это ты сияешь, как рождественская елка? — приветствовала его Елена Сергеевна, вставая с кожаного, цвета слоновой кости, кресла. — Я бы на твоём месте сделала более подходящее случаю лицо.

— Это какое же? — поинтересовался Олег, целуя мать в щеку.

— Скромное. Со следами глубокого раскаяния. И нечего тут оптимизм излучать. Два месяца не звонил и не приезжал к нам! А если бы я сама не позвонила и не вызвала тебя сюда в приказном порядке? Имей в виду — отец очень обиделся, вообще не хочет тебя видеть. Сказал — если ты появишься, он застрелит тебя из наградного пистолета.

— Никогда в это не поверю, — Олег обворожительно улыбнулся. — Ну, ма, прости, был очень занят. Хочешь, я папин номер прямо сейчас наберу?

И он достал мобильный.

— Не надо, у него доклад. После позвонишь.

— После так после. А как твой бизнес, процветает? Вижу, что процветает.

— Не подлизывайся. Рассказывай сначала, что у тебя случилось.

Елена Сергеевна была генеральным директором и владелицей турагентства. После того как муж, генерал-майор авиации, вышел в отставку и стал преподавать в академии, она решила круто поменять свою жизнь. Домохозяйка с двадцатипятилетним стажем, она неожиданно для всей семьи с головой ушла в туристический бизнес. Ее усилиями крохотная фирмочка, изначально состоявшая из пары зачуханных бестолковых девиц, обшарпанного письменного стола и двух колченогих стульев, превратилась в известного на рынке туроператора.

При этом Елена Сергеевна не стала агрессивной бизнес-леди. Будучи весьма деятельной особой, она не утратила присущей ей женственности. Стильно одевалась, была приветлива, мила и любезна как с клиентами, так и со своими сотрудниками. Впрочем, когда необходимо, могла быть требовательной и очень жесткой. Теперь у нее в штате состояло целых двенадцать сотрудников. А вернее, сотрудниц, потому что в агентстве работали только молоденькие девушки не старше двадцати пяти лет.

— Решалась наша судьба, — сказал Олег. — Понимаешь, все было очень серьезно, мы ночей не спали. Короче — под щитом или на щите.

— И что же?

— Победа! Полная и безоговорочная. Ты себе не представляешь, такой шанс бывает раз в жизни. В общем, поздравь — мы теперь солидная контора с богатой клиентурой и ослепительными перспективами. А я там — не последнее лицо.

— Олежек, ты у нас такой молодец! — Елена Сергеевна эмоционально шлепнула ладошкой по ореховой столешнице. — Мы с папой всегда верили в тебя. Слушай, приезжай к нам в субботу вечером. Поужинаем, ты все подробненько расскажешь. Я пельмени сделаю, хочешь?

— Кто же отказывается от пельменей? — проворчал довольный Олег. — Ты же знаешь мои слабости. В субботу я как штык у вас. Кстати, у тебя, вижу, девочки новые появились?

— Ишь ты, девочек он заметил. А уж как мои красотки оживились, когда ты вошел!

— Не преувеличивай, — отмахнулся Олег. — Я твой сын, и тебе кажется, что все должны мной восхищаться. А на самом деле я просто внес легкое оживление в их рутинную работу.

— А кроме девочек, ты что-нибудь еще заметил?

— Вон той стеклянной перегородки вроде не было.

— Это переговорная, — гордо пояснила Елена Сергеевна. — Видишь, теперь все цивилизовано. Может быть, еще пару комнат дополнительно придется здесь арендовать — расширяемся. Так как тебе мой новый интерьер?

Олег поспешил заверить ее, что интерьер, выполненный в светло-бежевых тонах и в полном соответствии с новейшими веяниями дизайнерской моды, произвел на него очень приятное впечатление.

— Только кресла ты выбрала не самые удачные, — попенял он, снова усаживаясь. — В них невольно скрючиваешься, как эмбрион.

— Так и было задумано, — усмехнулась Елена Сергеевна, — чтобы клиенты не особо расслаживались и быстро принимали решение. Кстати, когда у тебя в этом году отпуск? У нас появился новый тур в Италию, тебе должно понравиться.

— Мам, я пока еще ничего не знаю... — начал Олег, но Елена Сергеевна прервала его на полуслове.

— Олег, прекрати немедленно! — сказала она, сурово сдвинув брови. — Ты просто помешался на своей работе. Чем выше ты поднимаешься по служебной лестнице, тем призрачнее мои надежды на то, что ты когда-нибудь женишься. Ты уже не мальчик, а у тебя даже подруги нет. Только не рассказывай мне про Таню Волгину, хорошо?

— Почему же? — проворчал Олег, который на самом деле отлично понимал чувства матери. — Она тебе не нравится?

— Мне нравятся девушки, которым нравишься ты. Если бы Таня полюбила тебя, я бы раскрыла ей свои объятия. Но она полюбила Виктора, а потом вообще уехала в Париж.

— Она уже вернулась из Парижа и рассталась с Виктором.

— Она бросила Потапова?!

— Нет, это он ее бросил.

— О боже мой! — воскликнула расстроенная Елена Сергеевна. — Сынок, неужели начнется все сначала? У тебя снова появилась надежда?

— Не беспокойся, не появилась, — горько усмехнулся Олег. — Я больше не намерен тратить свою жизнь на пустые ожидания.

— Я рада это слышать, — призналась Елена Сергеевна, сентиментально сморгнув наворачнувшиеся слезы. — Тебе давно пора перестроиться, а то не заметишь, как жизнь пролетит.

— Мне всего лишь тридцать, — улынулся Олег, наизусть знавший репертуар матери.

— Тебе *уж* тридцать, — парировала та. — В этом возрасте нужно наслаждаться жизнью: развлекаться в клубах, ездить на курорты, флиртовать с красивыми женщинами. А ты торчишь с утра до ночи в своей фирме, в лучшем случае выбираясь лишь на объект или на какое-нибудь

совещание.

Олег не стал спорить. У него действительно не было времени на личную жизнь, и даже к матери он сегодня заглянул по пути на переговоры с заказчиком. Да и то только потому, что она настаивала на встрече.

— Где ты собираешься искать девушку своей мечты? — продолжала между тем Елена Сергеевна. — Учитывая, что служебные романы ты не приветствуешь.

— Не приветствую, — согласился Олег, покосившись на очаровательную клиентку, которая уже закончила заполнять бумаги и теперь стояла у высокой стойки, беседуя с туроператором.

— Заигрывать с девушками на улице ты тоже не умеешь, в общественном транспорте не едешь, в магазины забегаешь лишь на пять минут. Зато на курорте или в круизе знакомиться так естественно!

«Особенно, если туда приезжают вот такие русалки, — усмехнулся про себя Олег, — снова бросив взгляд на белокурую девушку. Кажется, та уже завершила свои дела и, достав из сумочки солнечные очки, неторопливо направилась к двери.

Елена Сергеевна, заметив, что сын смотрит ей за спину, быстро обернулась и сразу поняла, кто именно привлек его внимание.

— Ну вот, это я понимаю, — одобрительно кивнула она, снова поворачиваясь к сыну. — Нормальный мужской инстинкт. А теперь вставай и отправляйся за ней следом. Выбери подходящий момент и предложи познакомиться. Тебе слова подсказать или сам придумаешь?

«А что, может, и впрямь тряхнуть стариной? — вдруг подумал Олег. — Ведь такие красавицы не каждый день на пути встречаются, специально искать станешь — не найдешь».

— Ты долго еще будешь здесь сидеть? — продолжала подстрекать его Елена Сергеевна. — Упустишь девушку, потом всю жизнь себе не простишь.

— Ну ладно, уговорила, — неожиданно для себя сказал Олег, вскочил на ноги, чмокнул мать в макушку и поспешил к выходу. Елена Сергеевна с усмешкой посмотрела ему вслед и недоверчиво покачала головой.

Оказавшись на улице, Олег огляделся по сторонам и сразу же заметил русалку в толпе прохожих. Она неспешно шла по направлению к метро, иногда останавливаясь у киосков или заглядывая в витрины магазинов. Олег так же неторопливо пошел за ней следом, стараясь держаться поближе, чтобы иметь возможность как следует ее рассмотреть. А рассмотреть было на что — фигура у девушки оказалась потрясающей. Она вся состояла из плавных линий и выгодно отличалась от плоских манекенщиц и угловатых моделей, заполонивших гляцевые журналы. Округлости ее тела были приятны глазу и выразительно подчеркивались довольно узкой талией. «Если я женюсь на такой девушке, Таня непременно будет ревновать, — подумал Олег. — Может быть, она даже пожалеет, что сама не прибрала меня к рукам. Но, конечно, уже будет поздно». Подзадоривая себя, Олег прибавил шагу и максимально сократил расстояние. «Я ведь встретил ее именно в тот момент, когда решил кардинально изменить свою жизнь. Это перст судьбы». Через пять минут он уже был готов подойти и без обиняков представиться.

«Она наверняка вспомнит, что видела меня в агентстве. Кстати, туристическая поездка — отличный посыл к началу разговора. «Вы уже бывали в Италии? Нет? Уверен, что новый тур в

Венецию вам понравится». А вдруг она уже сто раз была в Италии и ненавидит Венецию? Может, подойти и прямо заявить: «Я наблюдаю за вами уже целых полчаса и пришел к выводу, что вы мне подходите»? Тьфу, бред какой лезет в голову! Совершенно не представляю, как разговаривать с русалками. Наверное, надо было все же послушать, что предложит мать».

Тем временем девушка подошла к входу в метро, но вниз не спустилась, а остановилась у мраморного парапета и достала мобильный телефон. Олег притормозил неподалеку, возле рекламного щита, собираясь с духом.

«Сейчас или никогда», — наконец сказал он себе, глубоко вдохнул, расправил плечи и сделал уверенный шаг вперед. В тот же миг где-то совсем рядом звучный мужской голос воскликнул: «Регина!» Девушка быстро вскинула голову, и на ее губах заиграла счастливая улыбка. Понять значение этой улыбки было несложно, и душу Олега мгновенно заполнило разочарование.

«Господи, какой идиот! — подумал он про себя. — И почему я решил, что она свободна? Такая женщина не может никому не принадлежать».

Желая взглянуть на своего счастливого соперника, он слегка повернул голову и остолбенел: от припаркованной возле тротуара большой черной машины навстречу Регине шел не кто иной, как... Витька Потапов! Регина, судя по всему, и была той самой феей, на которой тот собирался жениться. Стало ясно, что именно Витька отправил свою невесту к Елене Сергеевне в турагентство... Вот тебе и перст судьбы!

Потапов между тем широко улыбался и махал рукой. Девушка поспешила ему навстречу и через несколько мгновений уже утонула в его объятиях. Руки Виктора держали ее нежно и в то же время уверенно, даже собственнически. Когда он наклонился, чтобы поцеловать Регину, Олег не выдержал и отвел глаза. Сказать, что он был удивлен, — значит не сказать ничего. Он был потрясен, а еще унижен и оскорблен в лучших чувствах. Опять верный друг встал у него на пути! Это просто какое-то наваждение, рок, насмешка судьбы.

Шагнув в сторону, он спрятался за рекламный щит, пытаясь взять себя в руки, но сделать это оказалось чертовски трудно. Он чувствовал, как у него полыхают уши — то ли от возбуждения, то ли от злости. Пытаясь сообразить, что ему теперь делать, Олег продолжал бездумно наблюдать за Виктором и Региной. Влюбленные о чем-то оживленно поговорили, потом снова страстно поцеловались, и Виктор, развернувшись, торопливо зашагал обратно к своей машине.

«Я пропущу встречу с важным клиентом!» — мелькнуло в голове у Олега. Он бросил короткий взгляд на часы — до назначенного randevу оставалось сорок минут. Свою «Аккуру» он оставил на Малой Никитской, и если бы сейчас помчался назад сломя голову, то еще вполне мог бы успеть. Но он не помчался. Он застыл на месте, не в силах отвести взгляда от Регины, которая по-прежнему стояла возле метро и возилась со своим мобильным телефоном.

Наконец девушка сунула телефон в свою сумочку, немного помедлила, как бы о чем-то размышляя, отбросила назад светлую прядку волос и уверенно зашагала по направлению к переходу. Олег вышел из-за рекламного щита и с досадой смотрел ей вслед. Надо же, он уже столько всего напридумывал про их знакомство... Даже представил, как покажет Регину Тане, и как Таня будет реагировать... Тоже мне, мечтатель!

Регина подошла к обочине шоссе и ступила на широкую белую полосу пешеходного перехода. А в следующую секунду раздался душераздирающий визг тормозов, и Олег увидел, как страшная сила швырнула девушку на асфальт. Дальше действие развивалось стремительно, и позже Олег не мог внятно описать, как именно все происходило. Он помнил лишь, что

опустился возле Регины на колени и осторожно приподнял белокурую головку. Стекающая по ее виску струйка крови привела его в ужас, и он смотрел на нее, не в силах пошевелиться. Он не слышал ни взволнованных криков людей, ни залиистой трели милицейского свистка, ни даже сирены «Скорой помощи». И очнулся только тогда, когда человек в белом халате решительно отодвинул его своим могучим плечом.

Едва носилки с неподвижно лежащей на них Региной погрузили в машину, Олег подошел к открытой дверце, намереваясь тоже забраться внутрь. Он почему-то был уверен, что имеет полное право сопровождать девушку в больницу. Тем не менее строгий окрик врача заставил его остановиться.

— Куда это вы собрались? — спросил молодой доктор, равнодушно взирая на него с высоты своего двухметрового роста. — Вы что, родственник пострадавшей?

— Я... Да, родственник... То есть нет — я друг. Очень близкий друг.

Эскулап посмотрел на него с подозрением, но потом все же милостиво кивнул головой в сторону открытой двери.

До больницы они добрались в считанные минуты, Регину сразу же куда-то увезли, а Олега посадили на жесткий стул в коридоре и приказали ждать. Он и ждал. В голове его носились обрывки каких-то невнятных мыслей, а на душе было тревожно и мутно. Когда в конце коридора наконец-то появилась высокая фигура доктора, Олег вскочил на ноги и вытер о брюки вспотевшие от страха ладони.

Однако волновался он напрасно, потому что с Региной все было в порядке. Врач не стал мучить его медицинскими подробностями, сказал лишь, что девушка пережила шок, но в общем и целом отделалась легко. Ни сотрясений, ни переломов, только множественные ушибы — сильные, но не смертельные. После этого доктор разрешил Олегу зайти к пациентке в палату.

Регина лежала у самого окна, и солнечный свет падал на ее бледное, покрытое ссадинами лицо. Когда Олег подошел поближе, из-под толстой повязки на него с любопытством взглянули темно-зеленые глаза с желтыми крапинками возле зрачка.

— Как вас зовут? — спросила Регина тихо, но вполне внятно. Олег назвал свое имя и опустился на стоявший возле ее кровати стул. Она немного его поразглядывала, а потом неожиданно улыбнулась.

— А я знаю, откуда вы взялись, — сказала она, выговаривая слова очень медленно и осторожно. — Вы не спускали с меня глаз, когда я заполняла анкету в «Семи ветрах». Потом, наверное, отправились за мной следом и увидели, как меня сбила машина.

Олег подумал, что для человека, который только что пережил ужасное потрясение, она рассуждает очень здраво и логично — хороший знак. Это обстоятельство по-настоящему его обрадовало, настроение сразу же пошло вверх, и он даже отважился на небольшое откровение.

— Все правильно, — подтвердил он ее догадку. — Я шел за вами, потому что вы мне понравились.

Олег не в первый раз в жизни говорил девушке такие слова. На самом деле он сам с собой заключил договор. Договор был простой и понятный. Флирт, отношения, влюбленности — все это игра. Игра, в которую принято играть взрослым людям. То, что не было игрой, а задевало его всерьез, оказалось недоступно. Возможно, господь бог наказывал его за что-то, определив

находиться рядом с Таней Волгиной, которая его не хотела... Что ж, приходилось мириться с существующим положением вещей. Время от времени он заводил необременительные романы и, как человек искренний, даже увлекался на какое-то время, но потом эмоции угасали, а девушки разбегались. Вероятно, они чувствовали, что по-настоящему Олег им не принадлежит, что он — заколдованный принц. Тело его находится в их распоряжении, а сердце похищено неизвестной колдуньей...

— Вы мне очень понравились, — сглотнув, повторил Олег, глядя на беспокойно шевельнущуюся Регину.

— И поэтому вы соврали доктору, назвавшись моим близким другом? — снова улыбнулась девушка, и в ее глазах Олегу опять почудилась кокетливая искорка.

— Если уж на то пошло, то соврал я только наполовину, — вздохнул он. Я и в самом деле близкий друг. Только, к сожалению, не ваш... Я — близкий друг вашего близкого друга, Виктора Потапова.

Регина никак не отреагировала на это его признание, лишь осторожно облизала сухие губы и прикрыла глаза. Ее молчание длилось довольно долго, и Олег уже начал думать, не уснула ли она, но вдруг снова услышал ее голос.

— Мне приятно, что в такой страшный момент вы оказались со мной рядом, — произнесла она еле слышно. — Думаю, теперь у нас с вами и вправду есть повод подружиться. А Виктор... Пожалуйста, не говорите ему пока о случившемся. Я не хочу волновать его понапрасну. Обо мне есть кому позаботиться, скоро приедет мама...

Регина снова закрыла глаза и теперь уже действительно заснула.

Выйдя из больницы, Олег взял такси и дал шоферу адрес турагентства своей матери. Устроившись на заднем сиденье, он размышлял обо всем, что с ним сегодня случилось. Трудно было поверить, что несколько часов способны вместить в себя такое невероятное количество событий и эмоций. Регина сказала «мы подружмся» и улыбнулась. Олег ее улыбке обрадовался. Но мысли о Витьке мгновенно отравили его радость. «Интересно, если бы Потапов оказался на моем месте, что бы он сделал?» — неожиданно подумал Олег. И сразу понял — что. Витька ни на секунду не усомнился бы в своем праве поухаживать за красивой девушкой, будь она хоть трижды невестой лучшего друга. Наверное, он даже с гордостью сообщил бы Олегу, что волочится за его подругой и надеется ее отбить. Уж такой у него характер.

Волна гнева против расторопного и удачливого Витьки поднялась в душе Олега. Может быть, нужно забыть о своей щепетильности и поступать так, как хочется? Тогда и фортуна обернется к нему лицом. Все время он терзается, страдает, обдумывает каждый шаг... А судьба, судя по всему, любит эгоистичных, не сомневающих в себе, отважных парней. Это им везет в любви...

Олег не собирался себя обманывать. Никогда ему не разлюбить Таню. Она привязала его к себе невидимыми волшебными нитями, и ему никуда от нее не деться. Это знание опьяняло и пугало его. Много-много лет потратил он на надежды и мечты, которые так и не осуществились. Кажется, пришло время признать свое поражение и попытаться начать все сначала. Без любви. Что ж, ему достаточно будет просто привязанности, нежности, поддержки... Он и сам готов поделиться этим с кем-нибудь. Почему не с Региной? Вдруг он тоже ей понравился? Он может проявить настойчивость и потеснить везунчика Виктора,

отвоевав у него девушку. «Око за око, зуб за зуб, — мстительно подумал Олег. — Никакие понятия о чести не смогут остановить меня в этот раз. Хватит того, что я без боя отдал Витьке Татьяну. А ведь она была моей самой первой и, пожалуй, единственной настоящей любовью. Но дружба для меня оказалась превыше всего, и я действовал прямо как в песне: ушел с дороги, потому что «третий должен уйти». Зато теперь все будет иначе».

Только усевшись за руль своей машины, Олег вспомнил наконец о работе. Он поспешно достал из кармана сотовый, у которого был выключен звук. Пропущенных телефонных звонков оказалось не меньше десятка, и почти все они были от Виктора. От него же пришло несколько «эсэмэсок». Первая предупреждала, что он «уже опаздывает», а последняя обзывала его сволочью, из-за которой чуть было не сорвался суперважный заказ.

«Интересно, какие ругательства он обрушит на мою голову, когда узнает о том, что я решил отбить у него Регину?» — усмехнулся про себя Олег и резко повернул ключ в замке зажигания.

* * *

Он позвонил ей на следующий же день, как только подвернулась первая возможность. Благо, повод был — узнать, как она себя чувствует после случившегося.

— А я уже дома, — весело сообщила Регина. — Все обошлось!

Было непонятно, рада она тому, что вырвалась из лап врачей, или же ей приятен звонок Олега. «А вдруг я тоже понравился ей с первого взгляда? — подумал тот и сам себе ответил: — Почему бы и нет? Молодой и симпатичный молодой мужик вполне может рассчитывать на внимание милой девушки». Мать всегда говорила, что если он только захочет, у него от девиц отбоя не будет, и вся проблема лишь в его чрезмерной занятости и замкнутости. И смотрела на него со значением. Конечно, она недоговаривала. Оба они знали, что все дело не в отсутствии времени, а в отсутствии желания. Олегу нужна была только Таня, но она не любила его, и у него так и не появился вкус к победам на личном фронте. Победы были ему неинтересны.

Но теперь... «Теперь все изменится!» — в который уже раз пообещал он себе, вслушиваясь в дыхание Регины на том конце провода.

— Это просто здорово, что все обошлось, — сказал он вслух и, переборов секундное сомнение, быстро добавил: — А хотите, я сегодня к вам приеду и выведу вас на прогулку? Ведь вам сейчас полезно подышать свежим воздухом. Хотите?

Регина немного подумала, а потом засмеялась.

— Хочу, — произнесла она таким игривым тоном, что у Олега сразу же участился пульс. Кажется, у него все может получиться.

— А... Где вы живете?

— Возле метро «Динамо».

— О, так это же замечательно. У вас недалеко парк есть — там и погуляем. Я возьму вас под руку и буду водить по дорожкам — туда-сюда. А потом верну домой в целостности и сохранности. Идет?

Регина сказала «да» и продиктовала адрес. Олег записал его не на клочке бумажки, а сразу внес в блокнот, а заодно и в память телефона. Это должно было означать серьезность его

намерений. Однако по дороге к Регине, вместо того чтобы предвкушать свидание, он, как всегда, поддался беспокойству и представлял себе неминуемое объяснение с Виктором. Ну, и что же он скажет лучшему другу? «Ты знаешь, я тут на днях случайно познакомился с твоей девушкой и решил пригласить ее на свидание. Ты как, не в обиде?» А что, вполне приемлемо. Это были почти те же слова, которые однажды сказал ему Виктор, когда присвоил себе Таню.

«Регина очень эффектная девушка, — уговаривал он себя, настраиваясь на флирт. — Ну, по крайней мере, во мне точно что-то вспыхнуло. Я увидел ее и почувствовал... Что я почувствовал? Во-первых, восхищение, конечно. Разве можно не восхищаться такой фигурой? При взгляде на такие формы в мозгах немедленно делается завихрение. И еще меня поразило то, какая она вся... гармоничная. Волосы, глаза, губы — все сочетается идеально, а в итоге получается восхитительная женщина, которая с первого взгляда разит наповал».

Олег был противен сам себе. «Выходит, вот как устраивают свою судьбу такие, как я, отвергнутые неудачники! Выбор очень прост: или я остаюсь один с разбитым сердцем, или выбираю какую-нибудь прелестную девушку и действую так, будто влюбился в нее. А Регина, без сомнения, прелестна».

Возле фирменного цветочного магазина он притормозил, сообразив, что негоже являться в гости с пустыми руками. Забежал в павильон, долго метался между букетами и так разволновался, что рассмешил продавщицу.

— Первое свидание? — догадалась она.

Продавщица была круглолицая, загорелая. Возле ее глаз лежали светлые лучики морщин — так солнце зафиксировало тот факт, что девушка часто улыбается.

— Точно, первое, — смущенно подтвердил Олег, входя в роль, — и мне бы хотелось показать, что я рад этому свиданию.

— Тогда возьмите розы. Классический ход! — подсказала та.

— А вам не кажется, что розы — это слишком формально? Я же не на юбилей иду! Это очень личная встреча...

— Может быть, хризантемы? Смотрите, какие они пушистые. Девушки любят зарываться в них носиками.

Поглядев на хризантемы, Олег задумчиво почесал в затылке.

— Не знаю, как она относится к хризантемам... Я пока что ничего о ней не знаю, — пробормотал он, чувствуя, что его лихорадит, как во время гриппа, и считая это хорошим признаком.

Продавщица посмотрела на него с пониманием и даже с сочувствием.

— Послушайте, чтобы не рисковать, купите уже готовый букет — со всякими фенечками, — предложила она наконец. — Правда, он очень дорогой, но зато совершенно шикарный. Здесь и упаковка люкс, и даже металлические зажимы есть с логотипом нашей фирмы. Вдруг для вашей девушки важны упаковка и антураж?

Олег подумал, что она права. Есть женщины, которых не впечатлит даже луна с неба, если на ней не будет фирменного ярлыка. С другой стороны, Регина ему такой не показалась.

— Нет, это тоже не годится, — решительно заявил он. — А вот эти цветы как называются?

— Амариллис белладонна, — ответила продавщица с какой-то особой торжественностью. — У вас хороший вкус.

— Белладонна? — озадачился Олег. — По-моему, это что-то отравленное.

— Нет, это что-то прекрасное, — улыбнулась продавщица. — Цветы невероятно изысканные, и в них уж точно нет ничего формального. Посмотрите, какие головки! И этот аметистовый цвет, и прозрачность лепестков... Если бы кто-нибудь подарил мне такие цветы, я была бы счастлива.

— А вы намекайте этому «кому-нибудь», что вам нравится белладонна, — посоветовал Олег. — Стыдно в этом признаваться, но до мужчин часто не доходят самые элементарные вещи, поэтому их постоянно нужно подстегивать и подталкивать. Кстати, на мой взгляд, в этом и заключается женская миссия.

Продавщица пообещала подумать насчет миссии и на прощание пожелала ему удачи.

— И будьте похрабрее! — напутствовала она напоследок.

Через полчаса с букетом в руках Олег уже стоял возле незнакомой двери. Он нажал на кнопку звонка и с замиранием сердца прислушался. Сердце у него замирало не от того, от чего должно было замирать. Просто неожиданно в голову ему пришла ужасная мысль, от которой даже мурашки пробежали по спине. «А что, если сейчас дверь откроется, и на пороге появится Виктор? — подумал он. — Дурацкая выйдет сцена. И что мне тогда делать?»

До этой минуты он был исполнен решимости сообщить другу о своем намерении покорить Регину, но подготовиться к бою пока не успел. Однако долго размышлять на эту тему ему не пришлось, потому что дверь распахнулась и на пороге появилась Регина. Лицо ее было пестрым от ссадин и царапин, что, впрочем, не мешало ему оставаться прекрасным.

Увидев перед собой Олега с цветами в руках, она немного смутилась и даже порозовела, но приняла букет с благодарной улыбкой. Олег тоже чувствовал себя смущенно, и оттого суетился и много говорил. Пока они спускались в лифте на первый этаж, он убедил Регину перейти на «ты».

Они направились в парк и медленно пошли по дорожке, усыпанной причудливо вырезанными кленовыми листьями.

— Ты знаешь, я хотела с тобой посоветоваться, — сказала Регина, беря Олега под руку. Потом о чем-то задумалась и замолчала.

Все скамейки в парке были мокрыми — на густой зеленой краске лежали ртутные дождевые капли, в мелких лужах копошились отраженные облака. Чистый свежий воздух подействовал на Олега ободряюще. Теперь ему было хорошо и даже весело. Сердце билось быстрее, чем обычно, ум был ясным, и мир вокруг казался удивительно четким и контрастным, как будто смотришь в бинокль, переходя по очереди от одной мелкой детали к другой.

— Итак, ты хотела со мной посоветоваться, — наконец нарушил он молчание. — Наверное, это касается Виктора?

— Угадал, — кивнула в ответ Регина. — А кстати, ты уже рассказал ему про вчерашнее

приключение?

— Ты же просила меня не говорить. Я послушался.

Регина снова кивнула.

— А теперь скажи мне, только честно: наша с тобой встреча — это случайность?

— Думаю, это стечение обстоятельств, — задумчиво протянул Олег. — Я пришел в «Семь ветров» навестить свою матушку, а ты, вероятно, получила адрес турагентства от Виктора. Верно? Вот и получается, что встретились мы вроде бы случайно, но в то же время не совсем. В какой-то мере благодаря Виктору.

— Стечение обстоятельств, — повторила Регина. — Я так и подумала.

Ее рука, лежавшая на согнутом локте Олега, казалась почти невесомой. От осознания того, что рядом с ним идет такая красавица, да еще держит его под руку, он невольно расправил плечи и гордо вскинул подбородок. Надо привыкать получать удовольствие от общества хорошеньких девушек!

— Так о чем ты хотела со мной посоветоваться? — напомнил он. — Надеюсь, Витька ничего не вычудил?

— Нет, ничего такого. Просто он изводит меня ревностью.

Олег хмыкнул.

— Да уж, такое за ним водится. Этот тип по натуре собственник, а потому ужасно ревнив. А если учесть его взрывной характер...

— Насколько взрывной? — заинтересовалась Регина.

— Если говорить начистоту, то более несдержанного типа я в жизни не встречал, — усмехнулся Олег. — Хотя я вижу в этом не столько недостаток, сколько достоинство. Всегда знаешь, что у него на уме.

— Да, в этом что-то есть, — сказала Регина, глядя на Олега своими изумрудными глазами.

«А ведь у Витьки они такие же, — с удивлением подумал Олег. — Только выражение разное. У него глаза, как у хитрого шкодливого кота. А у нее — как у какой-нибудь кинодивы в провокационной сцене. Да она вообще вся — сплошная провокация». Его обуревали сложные чувства. Радость от того, что все идет именно так, как он запланировал, соседствовала с беспокойством, которое копошилось где-то глубоко внутри. Первый, невинный период отношений он, пожалуй, пройдет легко. А что будет потом?

— Скажи, ты считаешь Виктора достойным человеком? — задала очередной вопрос Регина.

Олег нахмурился. Если следовать собственному плану, нужно воспользоваться моментом и принизить Потапова в глазах женщины, на которую он нацелился сам. Некоторое время он колебался, а потом честно ответил:

— Знаешь, я дружу с Витькой много-много лет... Мы бы уже сто раз разругались, будь он плохим человеком.

— Спасибо, что ты это сказал, — лицо Регины просветлело.

Как раз в этот момент зазвонил ее мобильный телефон. Бросив в трубку несколько отрывистых фраз, она нажала «отбой» и немного виновато посмотрела на Олега.

— Мама приехала меня навестить и переполошилась, не застав меня дома. Придется возвращаться.

— Надо так надо. Я тебя провожу, — испытал неожиданное облегчение, откликнулся Олег.

А ведь должен был испытать разочарование! Их свидание получилось слишком коротким. Они с Региной даже не поговорили толком, и он ничего о ней так и не узнал. Не спросил, чем она занимается и как познакомилась с Виктором. О себе он тоже ничего не успел ей рассказать.

На прощание он просто дружелюбно кивнул Регине, а она приветливо помахала ему рукой. Хотя по дороге к ней он отважно мечтал о легком поцелуе. Но для этого нужно было не просто вести себя смелее — нужно было страстно этого желать. «Какой же невероятный труд — завоевывать женщину! — думал Олег, отправляясь в обратный путь. — Каждый шаг нужно просчитывать, ни в чем не ошибиться. Выдержу ли я такое испытание?»

Мысли его снова вернулись к Тане. Она уже в Москве, надо же. Они дышат одним воздухом, смотрят на одни и те же облака. Интересно, о чем она думает? Ответ напрашивался сам собой. Грустный ответ... Конечно, Таня думает о Витьке. И при этом даже не подозревает, что шанс вернуть его появится у нее только в том случае, если Олегу удастся покорить Регину. То есть Танино счастье зависит от его удачи и смелости, впервые в жизни оно у него в руках!

* * *

От обилия ядовитых оранжево-желтых красок у Тани зарябило в глазах, и она поспешно шагнула в сторону другой, более спокойной картины. Это полотно под названием «Сны Гомера» выглядело каким-то неряшливым. Казалось, что кто-то долго и уныло возил грязной тряпкой по холсту, оставляя повсюду бурые потеки и бесформенные коричневые пятна.

— Ну, что скажешь? — спросил из-за Таниного плеча присоединившийся к ней Пожидаев. Голос его, как обычно, звучал спокойно и слегка равнодушно.

— Гомера жалко, — вздохнула Таня. — Павел, зачем ты меня сюда привел?

— Затем, чтобы после полутора лет на чужбине снова гармонично влиться в столичную творческую тусовку. А что, тебе разве не нравятся «Апологеты Кандинского»? По-моему, они заслуживают внимания. Хотя бы потому, что их кружок в последнее время наделал в прессе много шума.

— Много шума из ничего, — пожала плечами Таня.

— Надеюсь, тебе понравится хотя бы их шампанское, — сказал Павел, снимая с подноса официантки два высоких узких бокала.

Таня сделала небольшой глоток и невольно скривилась.

— Кислятина, — призналась она, — аж челюсти сводит.

Пожидаев растянул свои узкие губы в насмешливой улыбке.

— Жизнь во Франции сделала тебя капризной, — заметил он, глядя на девушку своими светло-голубыми, почти прозрачными глазами. — Раньше ты такой не была.

— А какой я была? — спокойно спросила Таня, которая давно уже научилась не тушеваться под его пристальным взглядом.

Продолжая смотреть на нее в упор, Павел пригубил шампанское, потом сказал:

— Когда я увидел тебя впервые, ты показалась мне... потерянной. Ты была похожа на надломленную ветку — еще зеленеющую, но в любую минуту готовую зачахнуть.

— Очень поэтично, — засмеялась Таня. — Тебе бы стихи слагать, а не кистью работать.

— Разве я не прав?

— Прав, конечно — все так и было. Я задыхалась без интересного дела. И вообще, если бы ты не взял меня тогда в свою команду, если бы не наша чудесная группа и фантастически интересная работа, я бы, наверное, действительно могла сломаться.

Пожидаев ничего не ответил. Отвернувшись от своей собеседницы, он принялся разглядывать очередной шедевр «Апологетов», однако мысли его в этот момент были далеки от живописи. Он думал о том, что если бы в свое время Таня согласилась стать его любовницей, то их отношения никогда бы не стали такими по-дружески непринужденными. Он бы давно потерял к ней интерес, как это случилось с ним уже много раз.

По натуре Павел был плейбоем, и если девушка ему нравилась, то он легко и очень умело соблазнял ее, не слишком заботясь о том, что будет потом. Он никогда не испытывал ни чувства вины, ни раскаяния — возможно, просто потому, что понятия не имел о существовании подобных чувств. С Таней было иначе. Поначалу она не привлекла его внимания в привычном смысле. Для его артистической натуры девушка была слишком обыкновенной — несомненно, способной, но не более. Однако вскоре стало ясно, что в ней есть внутренняя сила, что она — натура страстная, а соприкоснуться с глубокими эмоциями Пожидаев не любил. Но время шло, и он почувствовал, что все больше увлекается ею. Кроме всего прочего, Таня удивительным образом менялась на его глазах. Она не превратилась в красавицу, но стала более яркой и выразительной. Тревога исчезла из ее глаз, уступив место пытливости и некоему лукавству. Теперь это была очаровательная, спокойная, уверенная в себе молодая женщина, игнорировать которую было невозможно. Пожидаев взглянул на нее другими глазами и сразу же вознамерился завести с ней интрижку. Но интрижка не получилась — Таня не поддавалась. Однако ее отказ странным образом не задел Павла, а всего лишь раззадорил. Вероятно, его мужское самолюбие не пострадало потому, что дело было вовсе не в нем — к тому моменту он уже хорошо знал историю ее бурной любви. И все же сдаваться окончательно Пожидаев не собирался. Он точно знал, что нравится Тане — он просто не мог не нравиться! Поэтому был уверен, что рано или поздно, когда прежние чувства померкнут, девушка не устоит под напором его обаяния.

Тем не менее после возвращения в Москву в душе его поселились неприятные сомнения. Ему стало казаться, что Таня ускользает от него, отдаляется, выходит из-под его власти. Он подумал, что это так или иначе связано с Виктором Потаповым, и разозлился. Но не потому, что его испугало наличие соперника — соперничества он не боялся в принципе. Больше всего его раздражало то, что Таня могла махнуть рукой на свою гордость и попытаться вернуть своего прежнего возлюбленного. А тот, по мнению Пожидаева, был абсолютно не достоин такой жертвы.

— Я, пожалуй, пойду, — сказала Таня, подходя к Павлу и беря его под руку. — Это высокое искусство подавляюще действует на мою психику. А ты останешься?

— Да, побуду еще немного, мне надо кое с кем переговорить. Какие у тебя планы на завтра?

— Думала заглянуть в «Самшит». Хочется увидиться с бывшими коллегами, узнать, что у них новенького.

«Так я и знал, — усмехнулся про себя Павел. — Ей не терпится взглянуть на своего прекрасного принца. Ясно как божий день — она снова нацелилась на Виктора, уже готова простить ему измену и жаждет встречи».

Про измену Таня рассказала ему сама, по телефону. Вероятно, была под сильным впечатлением, иначе, конечно, промолчала бы. Женщины не слишком любят признаваться в своих любовных неудачах. А ведь Таня и Потапов были почти что женаты.

— Кстати, я слышал, что в последнее время дела у ребят из «Самшита» резко пошли в гору, — небрежно бросил он. — Не удивлюсь, если они примутся агитировать тебя вернуться в их ряды. Надеюсь, ты не собираешься поддаваться ни на какие провокации?

— Не собираюсь, — ответила Таня, рассеянно блуждая взглядом по залу. Казалось, она думает о чем-то своем и не особенно вслушивается в слова собеседника.

Павел высвободил руку и повернулся к ней лицом. В его прозрачных глазах блеснули две холодные льдинки. Таня сразу поняла, что мэтр чем-то раздосадован, и насторожилась.

— Ты напрасно пренебрегаешь моими наставлениями, — холодно сказал Пожидаев. — Уж я-то знаю, какая идет борьба за хороших специалистов на нашем рынке. В ход пускается все — лесть, подкуп, обещания всех благ земных. А уж когда в деле замешана романтика...

— Какая еще романтика? Ты о чем? — вскинулась Таня, но заливший щеки румянец выдал ее с головой. Сразу стало ясно, что Павел попал в точку.

Будучи неплохим знатоком женской психологии, Пожидаев сразу понял, что силой ничего не добьется, и решил сменить тактику.

— Танечка, душа моя, ты думаешь, я ничего не понимаю? С тех пор как рухнул твой брак...

— Я никогда не была замужем! — вспыхнула Таня.

— Хорошо-хорошо! С тех пор как рухнул твой *гражданский* брак, ты стала другим человеком. Замкнулась, постоянно витаешь в облаках, мелко суетишься. Признайся честно: ты собираешься реставрировать ваши отношения с Потаповым?

— Не думаю, что отношения подвергаются реставрации, — возразила Таня. — Зато я уверена, что их можно выстроить заново.

— Никогда не знал, что ты до такой степени наивная, — раздраженно пожал плечами Павел. — Судя по тому, что я знаю о твоём Викторе, этот тип падок на внешние эффекты. Поэтому естественно предположить, что, увидев тебя такой, какой ты стала нынче, он может снова загореться. Ты ведь на это в какой-то мере рассчитываешь?

Таня опустила глаза и ничего не ответила.

— Конечно, рассчитываешь, — уверенно продолжал Павел. — Ты отлично знаешь, что выглядишь превосходно, и надеешься, что он это все-таки оценит. Возможно, ты права, и Виктор побежит за тобой, как телок на привязи. Вопрос только в том, зачем тебе это надо? Если просто отыграться, потешить свое самолюбие, тогда пожалуйста — это я легко могу понять. Однако что-то подсказывает мне, что ты мечтаешь вернуть Потапова всерьез и надолго, а вот это уже утопия.

Таня вскинула голову и твердо посмотрела Пожидаеву в глаза.

— Мне кажется, уважаемый мэтр, что мои сердечные дела вас абсолютно не касаются.

— Еще как касаются! — резко оборвал ее Павел. — Если этот твой друг детства бросит тебя по второму разу, ты уже вряд ли очухаешься. А вот коли у вас все сладится, он может запретить тебе уезжать из Москвы. Или ты сама не захочешь ехать. Побоишься оставлять его без присмотра во второй раз. И тогда вся твоя карьера, все грандиозные планы и надежды — коту под хвост. Ну а я потеряю ценного члена команды, которой, между прочим, дорожу. Если ты еще не забыла, нас ждут великие дела.

Таня неожиданно засмеялась и мягко дотронулась до его руки.

— Ни разу в жизни не видела тебя таким взволнованным, — сказала она.

— Сам удивляюсь, что это на меня наехало? — недовольно буркнул Павел.

— Неужели все из-за моего невинного желания посетить место бывшей работы?

— Если тебе хочется представить все именно так, то что же...

— Павел, — перебила его Таня, — ты прекрасно знаешь, что я дорожу своей работой не меньше, чем ты. И я обещаю, что никто и ничто не заставит меня отказаться от наших «великих дел». А ты уже решил, какое из них будет первым?

Пожидаев вздохнул и покачал головой, удивляясь тому, как ловко она перевела разговор на другие, безопасные для нее рельсы.

— Поживем — увидим, — неопределенно сказал он. — Пока на повестке два проекта: один — в Швейцарии, а другой — в Канаде. В общем, будем смотреть. Но учти, я собираюсь держать вас всех в полной боевой готовности.

— Всегда готовы, — отрапортовала Таня, весело махнула на прощание рукой и неторопливо пошла к выходу из зала.

* * *

Весть о том, что Татьяна Волгина явилась с дружественным визитом в «Самшит», распространилась со скоростью лесного пожара. Буквально через пять минут после ее появления в небольшом, украшенном пальмочками фойе уже собралась толпа сотрудников, желающих ее поприветствовать.

Девушки обступили Таню плотным кольцом и галдели на разные голоса. Слышались восторженные аханья и оханья, смешки и повизгивания. Только две новенькие, с которыми Таня не была знакома — одна рыженькая, а другая долговязая, — стояли в уголке и о чем-то перешептывались. Мужчины подходили поздороваться, засвидетельствовать

«путешественнице» свое восхищение, выразить надежду на то, что она снова вернется в их коллектив, или просто пожать руку.

Единственным коллегой, с которым Таня успела повидаться после возвращения, был Доминик Лоран. С этим веселым, неугомонным парнем она особенно сблизилась накануне отъезда в Париж. Отец Доминика был французом, а мать — русской. Интернациональный брак оказался недолговечным, и когда он распался, мать с Домиником вернулись в Москву. С самого детства Лоран был одержим Францией. «Почему же ты до сих пор не уехал? У тебя же есть такая возможность!» — как-то раз спросила у него Таня. «Мама ни за что не хочет, а без нее я, конечно, не поеду», — вздохнул Доминик.

С Таней они сблизились на почве любви к французской литературе. Оба много читали, а потому могли часами обсуждать последние романы Марка Леви или же с умным видом цитировать друг другу Верлена и Рэмбо. Из Парижа Таня первым делом написала Доминику. Похвасталась тем, что посетила кафе «Два Маго» на площади Сен-Жермен, а также прислала свою фотографию возле памятника Марселю Эме. И вообще, пока она жила во Франции, постоянно поддерживала с «русским французом» контакт.

Когда сегодня она появилась в «Самшите», Доминик, с которым Таня совсем недавно виделась тет-а-тет, просто приветственно махнул рукой и с сосредоточенным видом умчался по каким-то своим делам.

— Тань, скажи чего-нибудь по-французски! — приставал к Тане Леня Пуцин.

— *Heureux de vous voir*, — откликнулась на его просьбу Таня.

— Это чего значит?

— Это значит — пошел на фиг! — замахала на него руками Леночка Лапина. — Отвали, Ленчик, дай поболтать.

Девушки немедленно оттерли назойливого Леню в сторону и снова набросились на Таню со своими, чисто женскими вопросами.

Однако отделаться от Пуцина было не так-то просто. Когда в фойе появилась секретарша Виктора Лиля, он немедленно обрушил на нее пришедшую ему в голову идею.

— Лилечка, лапочка, у нас тут дорогая гостья, а мы ее в сенях держим. Слушай, давай побыстрому чаек сварганим, что ли? Куда-нибудь на сторону нас начальство сегодня вряд ли отпустит, но не можем же мы совсем не отметить такое великое событие. Как считаешь?

Лиля считала, что съесть в честь Татьянинного приезда по кусочку торта непременно стоит, и быстро принялась организовывать чаепитие. Кого-то отправили в магазин за сладостями, другим было поручено расставить столы и стулья, третьи взяли на себя добычу чайных принадлежностей. Вскоре в фойе остались только Таня да Царьков с Пуциным, которые деловито обсуждали итоги последнего футбольного матча, совершенно позабыв о виновнице сегодняшнего переполоха.

Таня огляделась по сторонам и вздохнула. Конечно, она была рада, что бывшие коллеги встретили ее с таким энтузиазмом. Приятно, когда у людей остаются о тебе добрые воспоминания, и они всегда готовы снова с тобой пообщаться. Настроение портило лишь то, что Олег не вышел ей навстречу, чтобы сказать «Привет!». Тоже мне, друг детства называется. Оказывается, он никуда не уезжал, а все это время был здесь, в Москве, ходил на работу...

Очень странно. Даже более чем странно! Возможно, узнав о ее ссоре с Виктором, он просто растерялся? Не знает, как теперь себя с ней вести? Он всегда был невероятно чувствительным, когда дело касалось их отношений.

Но в первую очередь Таня, конечно же, мечтала встретиться с Виктором. Для того чтобы его вернуть, нужно с ним, по крайней мере, видеться! Хотя бы время от времени. Отправляясь в «Самшит», она именно на это и рассчитывала — что они непременно встретятся, причем на глазах у коллег. Виктор будет вынужден вести себя дружелюбно, а ей останется только показать себя во всей красе...

Как только в коридоре показалась Лиля, нагруженная ящичком с пластиковой посудой, Таня, постаравшись придать своему голосу спокойную заинтересованность, спросила:

— По-моему, я сегодня еще не видела Олега. И Виктора тоже. Куда вы их подевали?

— Олег где-то здесь, — не сбавляя шага, ответила деловая Лилия. — А Виктора сегодня, наверное, вообще не будет. Если и появится, то только к вечеру. А ты чего здесь стоишь-то? Пошли в конференц-зал, там уже почти все готово. Дорогу помнишь?

— Помню, — кивнула Таня, — уже иду.

Признаться, ответ Лилии ее ужасно огорчил. Виктор должен был стать самым главным моментом сегодняшнего визита, но его, как нарочно, не оказалось на месте. Нечестно! Таня жаждала встречи с ним, но в то же время ужасно ее боялась, а потому сильно нервничала, когда ехала в «Самшит». По дороге она перебирала в уме все предполагаемые ситуации, проговаривала свои реплики, успокаивала и подбадривала себя. И вот теперь выясняется, что все это было напрасно.

Она испытала страшное разочарование. Причем с уверенностью не могла сказать, что разочаровало ее больше — случайное отсутствие Виктора или откровенное невнимание Олега. «Нет, все-таки вряд ли ему наплевать на мое возвращение, — подумала Таня. — А вдруг он проявляет характер? Есть же хоть какое-то объяснение его поведению?»

Уж она-то лучше всех знала, что для Олега всегда была не просто частичкой детства и юности. Он был влюблен в нее, но она принимала это спокойно, как нечто само собой разумеющееся. Она даже не была уверена, жалела ли она его когда-нибудь, переживала ли из-за того, что не разделила его чувство. Тот был очень скрытным, всегда вел себя слишком сдержанно — пойдешь, догадайся, какие страсти на самом деле бушуют в его душе. Вот с Виктором все и всегда было ясно. Если он радовался, то заражал своим позитивом всех и каждого в радиусе пяти километров. Если он был зол, тогда держись! Если он кого-то любил, то страстно, порывисто, непререкаемо, ну а уж если кого ненавидел, то такому человеку лучше было держаться подальше. «Они всегда были ужасно разными, но мне было хорошо и свободно с ними обоими, — подумала Таня, — невольно улыбаясь своим воспоминаниям».

Только после того, как Виктор обрушил на нее ураган своей любви, отношения в их троице резко изменились. Таня с Виктором стали влюбленной парой, а Олег остался ни при чем. Но даже тогда он не стал демонстрировать своего разочарования, отчаяния или что он там испытывал. Только еще больше ушел в себя. «Он ни разу мне даже не намекнул о том, что я ему нравлюсь. И я еще после этого мырра!» — с обидой подумала Таня.

— Здравствуй, Таня, — вывел ее из задумчивости знакомый голос. Она вскинула глаза и увидела перед собой Олега. Тот стоял, держа в руке лохматую белую хризантему, и улыбался во весь рот.

Таня, которая почему-то была уверена, что Олег встретит ее хмурым взглядом исподлобья, так обрадовалась, что, не сдержав порыва, бросилась ему на шею.

— Татьяна, ты ломаешь цветок, — шутливо-сердито воскликнул Олег, — а я бегал за ним практически на край света.

Ее прикосновения сводили его с ума. От нее пахло незнакомыми духами, но он сразу же принял этот запах — безоговорочно, как принимал в ней все.

— Олечка, ты самый замечательный, — от всей души призналась Таня, смаргивая нежданную сентиментальную слезу. — Белая хризантема в мою честь — это так приятно! Мерси!

— Je suis heureux, — откликнулся Олег. — Я рад! — Заметив Танину слегка насмешливую улыбку, он добавил: — Je parle français. Un peu.

— Ты немного говоришь по-французски? — смеясь, перевела Таня. — А я и не подозревала о твоих способностях к языкам!

Она крутила в руках пушистый цветок и то и дело нюхала его, смешно морща нос. Когда она так делала, сердце Олега уходило в пятки.

— Я и сам не подозревал, — усмехнулся он, стараясь обуздать чувства. Дружеской радости и приятия будет вполне достаточно. — До тех пор, пока ты не уехала во Францию. Мне тогда захотелось побольше узнать о той стране, в которой ты собиралась жить, ну а язык стал как бы неотъемлемой частью моего интереса. Я даже три месяца на курсы ходил — можешь себе представить? Это при нашей-то сумасшедшей занятости!

— Ты совершил настоящий подвиг, mon ami, — похвалила его Таня, а про себя подумала, что именно в этом весь Олег. Не в порывах, страстях и поцелуях, а в каких-то неожиданных, непредсказуемых поступках. Он думал о ее, Таниной, жизни в Париже и будто бы вместе с ней учил французский. Надо же!

В этот момент в фойе вылетела Настя Ивкина.

— Ребята, ну что же вы? — заверещала она, сделав круглые глаза. — Все там уже сидят и торт едят, чай стынет, а вас все нет. Таня, Пущин спич приготовил в твою честь, но сказал, что если ты сейчас же не явишься, он обидится и читать не будет.

Таня засмеялась, а Олег подхватил ее под руку и повел вслед за быстро семенящей впереди них Настей.

Застолье было организовано на высшем уровне. Торт оказался сказочным, чай — ароматным, речи — сердечными и веселыми. Сотрудники были благодарны Тане за то, что та дала им повод немного разрядиться, отдохнуть от напряженной работы, сбросить стресс. В общем, настроение у всех собравшихся было отличным.

Олег неторопливо ковырял ложкой кусок пирога и украдкой наблюдал за Таней. Она сидела по правую руку от него, но им до сих пор удалось переброситься всего парой фраз. Гостью постоянно дергали, отвлекали комплиментами, атаковали вопросами, фотографировали.

«Нужно немедленно взять себя в руки, — твердил про себя Олег, украдкой наблюдая за Таней. — Я дал себе слово, что перестану страдать и завяжу новые отношения. Я уже почти влюбился в Регину! Но все пойдет коту под хвост, если я снова поддамся своей одержимости».

За столом все только и твердили о том, как Таня изменилась, как похорошела. Олег ничего не говорил, но все замечал. Таня в самом деле изменилась. И дело было совсем не в тех мелких женских ухищрениях, которые приводили в восторг молодых девиц. Прежде всего Олегу бросились в глаза перемены в ее поведении. От прежней задорной, говорливой, динамичной Тани не осталось и следа. Даже тогда, когда она в радостном порыве повисла у него на шее, все у нее получилось как-то мягко и изящно, а не реактивно, как это было бы еще пару лет назад. Олег заметил все: и плавный поворот головы, и неторопливые, словно выверенные жесты, и спокойную улыбку.

«Ну и как я смогу от нее отказаться? — в отчаянии подумал он. — Как я стану завоевывать Регину, если весь наполнен только вот этой женщиной, ею одной?!» Ему захотелось хоть как-то выплеснуть свою досаду, и, поддавшись внезапному порыву, он сказал:

— Тань, а зачем же ты срезала свои кудри?

Подруга детства повернулась к нему так живо, словно только и ждала, пока он откроет рот.

— Ты разочарован? — спросила она, глядя на Олега с пытливым любопытством.

— Просто ошарашен. Ну, как будто ты вместо себя прислала свою сестру или подругу — тоже хорошенькую, но все же совсем иного человека. К этому еще надо привыкнуть.

— Главное, чтобы Потапов привык, — заявил неугомонный Пущин.

Ему всегда до всего было дело. Особенно Леню почему-то трогали служебные романы и вообще межличностные отношения в коллективе.

— Угораздило же его именно сегодня отправиться в местную командировку, — подхватила Лиля. — Мне бы так хотелось посмотреть на его счастливое лицо.

— Да нет же, ребята, Виктору, наоборот, повезло! — с наигранной веселостью возразила Таня, метнув быстрый взгляд на Олега. — Вы просто еще не в курсе...

— Не в курсе чего? — поинтересовался Пущин, слизывая с ложки жирный крем.

— Дело в том, что мы с Виктором расстались, — сказала Таня.

Олег поразился тому, как хорошо она держится. Наверное, только он видел, как ей больно говорить о разрыве. «Так я и знал, — разочарованно подумал он. — Таня по-прежнему любит Потапова». В глубине души он почему-то надеялся, что после ссоры она станет злиться и негодовать, искать в Витьке недостатки и обрушивать на его голову все известные ей проклятья... Но так сделала бы та, прежняя Таня Волгина. Нынешняя, изменившаяся Таня отлично скрывала свои истинные чувства.

«Конечно, Витьку она еще не простила, — решил Олег. — Или, наоборот, уже простила и надеется, что он может к ней вернуться, но гордость не позволяет ей в этом признаться? Вот раньше она говорила то, что думает, и делала только то, что считала правильным. А теперь уж и не поймешь, искренние это чувства или она роль какую-то играет. Новый человек, одним словом».

Удивительным было то, что новая Таня нравилась Олегу не меньше прежней. Что еще раз подтверждало одну простую истину: это его единственная настоящая любовь. С этой любовью в сердце он, наверное, и умрет. Возможно, у него будет другая семья, дети... Думать об этом

было странно. Он представил себе Регину в роли своей жены и вздохнул. Наверное, ему все будут завидовать. Если, конечно, он не сдрейфит и не откажется от своего намерения отбить эту девушку у Потапова.

— Тань, ведь ты же не думаешь, что Витька нарочно удрал с работы, чтобы с тобой не встречаться? — спросил Олег, понизив голос.

— Разумеется, я так не думаю, — фыркнула Таня. — Он обещал, что мы останемся друзьями.

— Вот и хорошо, — удовлетворенно кивнул Олег. — Тогда, чтобы закрепить это намерение, давай устроим коллективную сходку: я, ты и Витька. Если мы сразу этого не сделаем, то наш тройственный союз развалится, как песочный замок. Согласись, нам найдется о чем поговорить, повспоминать. Скольких тем касаться не будем. Ты расскажешь нам о том, как тебе жилось в прекрасной далекой стране, похвастаешься своими творческими успехами, поделишься своими планами на будущее — интересно же.

Таня посмотрела на Олега с улыбкой, а потом и вовсе рассмеялась.

— Каким ты стал красноречивым, Олежка! Ну, что мне остается на это сказать? Я согласна.

Они оба понимали, что сейчас каждый из них играет свою роль. Таня изображала женщину, которая легко пережила разрыв с любимым мужчиной, а Олег всячески демонстрировал добрую дружбу. И ни капли любви!

Таня вынуждена была признаться себе в том, что сильно разочарована. «Оказывается, просто дружбы мне мало, — злилась она на себя. — Мне подавай поклонение и преданность! Может быть, я действительно стерва? И Олег, в конце концов, это осознал и разлюбил меня?»

Не удержавшись, она попыталась немедленно проверить свою догадку. Тронула Олега за локоть и, подняв брови, спросила:

— Интересно, а почему ты не отвечал на мои звонки? Я звонила тебе раз сто, и все без толку.

— Во-первых, Витька мне сказал, что вы поругались, и я сразу подумал, что ты, как всегда, захочешь сделать из меня жилетку, в которую так приятно плакаться.

Таня неопределенно хмыкнула, а Олег тем временем продолжал:

— Кроме того, я был ужасно занят. Я, видишь ли, недавно встретил одну девушку... Первые свидания, телефонные разговоры, бурная переписка. Все это отнимает столько времени!

— Ты закрутил роман? Поздравляю! — воскликнула Таня, оживившись.

Оживление казалось настоящим, и Олег против воли скрипнул зубами.

— Спасибо. Я знал, что когда расскажу тебе об этом, ты меня сразу простишь. Женщины всегда снисходительны к влюбленным мужчинам, не правда ли?

Тане показалось, что в свои слова Олег вложил двойной смысл. Что это шпилька в ее адрес. Но она не была до конца в этом уверена. Краем глаза наблюдая за тем, как Олег допивает чай, она вдруг всей кожей почувствовала его отстраненность, удивительную, непривычную обособленность. Прежде он всегда был нацелен на нее одну, следил за каждым ее движением, ловил каждое слово. Сердце его было распахнуто ей навстречу. А сейчас раковина

захлопнулась, и жемчужина, которая так тешила Таню, исчезла.

Девушка уставилась в свою чашку и прикусила губу. Без любви Олега мир неожиданно показался ей удивительно недружелюбным, огромным и опасным. «Ничего не поделаешь, — подумала Таня, пытаясь справиться с охватившей ее тоской. — Даже самым верным рыцарям надоедает быть нелюбимыми. Наверное, все эти годы я действительно вела себя как стерва. И вот пришел час расплаты».

Расплачиваться ей не хотелось. Кроме того, Таня поняла, что цена слишком высока. Она вдруг подумала, что если бы ей предложили выбор, она вряд ли смогла бы так сразу сказать, чью любовь хочет вернуть больше — Виктора или Олега.

* * *

Олег оторвал взгляд от экрана, на котором, исполненный в 3D-формате, медленно крутился элегантный охотничий домик, и с неудовольствием покосился на дверь своего кабинета. Из-за двери, откуда-то из глубин коридора, обычно тихого и пустынного в конце рабочего дня, сейчас доносился монолитный и радостный гул множества голосов, чей-то громкий смех и даже аплодисменты.

Подобный шум ассоциировался у него исключительно с чередой никчемных выходных, типа новогодних и майских каникул. Однако на дворе, слава богу, стояла ранняя осень, так что подобных гадких сюрпризов в ближайшие три месяца не ожидалось.

Шум все нарастал, и Олег стал угрюмо перебирать в памяти все, что могло так или иначе спровоцировать такое бурное веселье. В принципе на носу был их профессиональный праздник...

Олег резко бросил на стол остро отточенный карандаш, который по укоренившейся привычке держал в руках всегда, даже сидя перед компьютером. Вот ведь тоже! Отмечали Всемирный день архитектора в июле, так нет — международные чинуши, которым, видимо, заняться больше нечем, перенесли праздник на первый понедельник октября, вдобавок приурочив его к какому-то дурацкому Всемирному дню жилья. Лучше бы сначала договорились о названии, а то не поймешь — то пишут День архитектора, то — День архитектуры. Зато эта путаница позволяет российским коллегам летом выпить непосредственно за архитекторов, а уж осенью — за архитектуру в планетарном масштабе. Олег в октябрьских торжествах не принимал участия демонстративно, а в ту самую первую неделю июля старался уйти в отпуск.

Но сейчас-то была только середина сентября!

Еще одним вариантом праздничного оживления в коридоре могло быть корпоративное торжество. Например, чей-нибудь день рождения. Хотя вряд ли. Еще в понедельник Олег почти машинально глянул список сотрудников и отметил, что семнадцатого родился дизайнер Федор Певченко, а двадцать девятого — технолог Настя Ивкина. Но Федор в отпуске до конца месяца, так что отмечания не предвидится, а Ивкиной еще рановато праздновать.

Но что бы там сейчас ни происходило, все это было явно не ко времени. До конца недели им предстояло утвердить впечатляющий по объему проект, а работы по нему еще было невпроворот.

Наконец Олег не выдержал и решил все-таки взглянуть, что происходит за стенами кабинета и нельзя ли как-нибудь прекратить этот гвалт. Приоткрыв дверь, он увидел в конце коридора кучку работников общей численностью человек десять. Они толпились возле приемной

генерального директора архитектурной компании «Самшит» и громко галдели на все голоса.

В центре импровизированного митинга, словно статуя Свободы среди мелких волн нью-йоркской гавани, возвышалась Наташа Соколина, модельного сложения красавица, ростом не уступающая Клаудии Шиффер.

Наташа пришла в компанию полгода назад на должность секретаря-референта генерального директора. «Для интерьера он ее взял, что ли?» — неприязненно подумал Олег, когда впервые увидел в приемной это создание, прибывшее к ним в офис, кажется, прямиком с подиума Недели высокой моды. Однако Соколина оказалась дельным работником и на редкость душевным человеком. К ней благосклонно относилась даже жена генерального директора, что считалось нереальным в принципе.

Олегу показалось, Наташа что-то пыталась объяснить окружающим ее коллегам, а те, не слушая, весело хохотали и говорили, перебивая друг друга.

— Даже не возражай, ничего у тебя не выйдет, — перекрывая весь этот гвалт, раздался мощный бас арт-директора Лени Пуцина. — Надо же было скрыть от коллектива! Таких вещей мы тут не прощаем, ты нас, Наталья, еще плохо знаешь.

— Ленечка, ты нас всех оглушил, — пискнула стоящая рядом Вероника Морозова. — С тобой хорошо переговариваться, стоя на противоположных платформах.

— Ага, особенно, когда между ними проходит товарный поезд, — добавил Олег, подходя к ним вплотную. — Можно узнать, по какому поводу такой шум?

— Да вот, Наталья тут отличилась, — ответил за всех Пуцин. — Мы ее теперь воспитываем, объясняем кое-что.

— В каком смысле отличилась?

— Вот, видишь букет? — Пуцин указал на огромный, наверное, метр в диаметре, фантастической красоты букет цветов, составленный и упакованный по всем правилам современной флористики, который Наташа держала в руках.

— Вижу. Замечательный букет. Ну и что?

— Вот и я тоже сначала подумал — ну и что? — глубокомысленно изрек Пуцин. — А затем, конечно, понял — что-то здесь не так. Не мог такой букетище взять и появиться без всякого повода. И оказался прав! У Наташи сегодня день рождения. Я буквально силой вырвал у нее это признание. Вот если бы шеф не прислал ей букет, так бы коллектив и остался в неведении.

— Зажать хотела! — выкрикнул кто-то из-за пуцинской спины.

— Ну, извините, — быстро заговорила Наташа. — Мне было неудобно напрашиваться...

— Наташа, поздравляю! — Олег подошел к имениннице и галантно поцеловал ей руку. — Честно говоря, не знал. Буквально накануне просматривал список именинников, но вашего имени там не увидел. Поскольку вы у нас сотрудник относительно новый, наши разгильдяи из отдела кадров, видимо, забыли вас туда занести. Вот сейчас вернусь к себе и собственноручно восстановлю справедливость.

— Олег, погоди, — остановил его Пуцин. — А как же — отметить? Надо хотя бы немного

вспрыснуть это дело.

— Работы много, — мрачно буркнул Олег, понимая, что дело идет к пьянке. — Да и Виктор будет злиться, потом еще шефу пожалуется. Ребята, сроки жмут. Давайте потом, через неделю.

— Потом поздно будет, — не унимался Пущин. — А к Виктору я сейчас заскочу, испрошу его благословения. Глядишь, ослабит немного вожжи. Ну, что, аминь?

— Аминь, — обреченно кивнул головой Олег.

К полнейшему его изумлению, Виктор не только не стал возражать, но даже обрадовался идее немедленно отпраздновать день рождения Наташи Соколиной. Более того, выйдя из своего кабинета, он провозгласил:

— Итак, друзья мои, сегодня идем не в нашу привычную забегаловку, а в шикарное заведение под названием «Валгалла». Ресторан новый, находится недалеко — всего минут десять ходу. Обстановка там шикарная, еда первоклассная — в общем, отдохнем по первому разряду. Кроме того, обещаю небольшой сюрприз. Ну как, подходит?

— Конечно! Здорово! Ура! — посыпались со всех сторон одобительно-радостные возгласы.

— Вот и прекрасно, — с улыбкой подытожил Виктор. — Тогда собирайтесь и вперед! Уверен, скучно никому не будет.

Не понимая причины его бурного энтузиазма, Олег взирал на приятеля с огромным удивлением. Но тот проигнорировал его молчаливый вопрос и, достав из кармана мобильник, небрежно бросил:

— Надо Доминику позвонить. Он сейчас на переговорах, но к семи обещал закруглиться. Думаю, пусть сразу дует в «Валгаллу».

— Да уж, без нашего француза праздник — не праздник, — чуть насмешливо откликнулся Олег, продолжая размышлять о том, почему Витька ведет себя так странно. Он, конечно, всегда был душа-парень, но никогда не принимал спонтанных решений, и уж тем более в ущерб работе. Для того чтобы вот так энергично организовать народ на пьянку, у него должен был быть серьезный повод. Интересно, что же все-таки случилось?

Впрочем, уже через полчаса Олег получил на свой вопрос вполне исчерпывающий ответ.

* * *

Ресторан «Валгалла» и впрямь располагался буквально в десяти минутах ходьбы от офиса. Хотя открылся он всего пару месяцев назад, но уже успел завоевать себе популярность и несколько раз упоминался в рейтингах лучших ресторанов столицы. Посетители ценили его за неповторимую атмосферу, прекрасную кухню и отлично вышколенный персонал. К тому же по вечерам здесь была живая музыка.

Когда раскрасневшийся и слегка востроенный Доминик Лоран с орхидеями в руках появился в зале, веселье как раз было в разгаре. Считавший себя прирожденным тамадой, Леня Пущин громогласно произносил длинный витиеватый тост. Присутствующие смеялись, аплодисментами выражая свое одобрение. Протиснувшись к виновнице торжества, Доминик вручил ей цветы, галантно поцеловал ручку, после чего плюхнулся на стул, который уже организовал для него услужливый официант.

Место оказалось удачным — прямо между Виктором и Олегом. Именно с ними он намеревался как можно скорее обсудить сложности, неожиданно возникшие на переговорах с представителем заказчика. Дело, не сулившее поначалу никаких проблем, закончилось весьма скверно. А тут еще эти именины... Доминик уже было наклонился к Виктору, когда почувствовал, что кто-то топчется у него за спиной. Решив, что это официант, готовый принять у нового гостя заказ, он, не оборачиваясь, небрежно отмахнулся и буркнул:

— Минут через пять!

Неожиданно над его ухом раздался негромкий мелодичный смех, и чей-то высокий, чистый голос произнес:

— Ну, господа начальники, это просто не по-джентльменски!

Доминик резко повернулся и увидел перед собой хорошенькую девушку. Небольшого роста, складненькую, с точеными ножками и рыжей копной волос. «Что еще за лисичка-сестричка?» — недоуменно подумал он, но тут же вспомнил, что это их новый специалист по ландшафтному дизайну. Ее только что взяли в компанию специально под новый проект, и зовут ее, кажется, Светлана.

— Дамы приглашают кавалеров, а кавалеры предлагают им подождать, — продолжала между тем барышня, нисколько не смутившись его молчанием. — Но через пять минут эта прекрасная мелодия уже закончится!

В ее голосе явно звучали игривые нотки.

— Простите ради бога, — помотал головой Доминик. — Я думал, официант. Ну что же, не буду вам мешать — вот вам ваши кавалеры....

Он сделал руками широкий жест, словно пытаясь обнять сидящих по обе стороны от него Виктора и Олега, но закончить фразу ему не удалось. Маленькая холеная ручка легла на рукав его пиджака и мягко потащила в сторону дансинга. Он только и успел увидеть краем глаза ухмыляющиеся физиономии приятелей.

— Слушай, это что за милый рыжик? — поинтересовался Олег, провожая парочку глазами.

— Новенькая, — закуривая, ответил Виктор, рассеянно оглядывая зал. — Света Яновская, ландшафтный дизайн. Пока на испытательном сроке, но не тушует, общительная. Видишь, уже в обойме.

— А вообще как? Толковая?

— Кротков вроде бы доволен, по крайней мере, еще не жаловался.

— Ну, это почти высшая похвала, — усмехнулся Олег.

Тем временем Доминик, обняв девушку, косолапо перетапывался с ноги на ногу, изображая медленный танец и страстно желая, чтобы эта попытка поскорее кончилась. Весь его французский шик куда-то подевался. Блуждая взглядом по сторонам, он увидел танцующих неподалеку Пущина и секретаршу Виктора — Лилу. Заметив его взгляд, Леонид за спиной партнерши показал ему большой палец — во! Хмыкнув, Доминик дернул головой и уткнулся носом прямо в рыжую макушку. Девушка слегка отстранилась и подняла к нему свое смеющееся личико.

— Втравила я вас в историю, да? — спросила она весело. — А все потому, что очень хочется потанцевать, но партнеров, увы, катастрофически не хватает. Сами видите — Пущин от Лилечки отлипнуть не может, Иван напился и еле на стуле сидит, а Сереже Певцову для танцев тоже мужчины нужны. Так что мне ничего больше не оставалось, как обратиться за помощью к руководству — авось выручит. Ну, помучайтесь еще немножко, ладно?

— Да что вы, мне, наоборот, приятно, — торопливо зашептал ей на ухо Доминик. — Правда, партнер вам неважный достался, не обессудьте. Я танцевал последний раз года три назад. Если это можно назвать танцем.

Светлана смотрела на него снизу вверх внимательно и чуть насмешливо.

— Не скромничайте, вы вполне прилично ведете, — успокоила она его.

Не зная, как ответить на ее похвалу, Доминик решил сменить тему разговора и спросил:

— Как вам у нас работается? Нравится?

— Пока все нормально, — охотно откликнулась девушка. — Только никак не могу привыкнуть к тому, что называть руководство надо по имени. На прошлой работе с этим строго было. Даже мои ровесники, если старше по должности, требовали величать их по имени-отчеству.

— Да, у нас весьма демократично в этом отношении, — согласился Доминик.

В этот момент музыка наконец закончилась, и он вздохнул с нескрываемым облегчением. Взяв свою даму под руку, повел ее обратно к столу, где вовсю продолжалось гулянье. Правда, именинницы нигде не было видно.

— Наташа все-таки улизнула, — заметила Света. — Впрочем, она сразу предупредила, что долго не задержится, потому что дома ее ждут родители и праздничный торт со свечками.

Рассеянно кивнув в ответ, Доминик подумал: «Надо бы и мне отсюда свалить. Только с Виктором переговорю и поеду».

Но не успел он сесть на свое место, как на невысокой круглой эстраде появился пожилой усатый джентльмен во фраке и хорошо поставленным голосом объявил:

— А сейчас, уважаемые дамы и господа, для вас поет очаровательная Регина.

* * *

Такого развития событий Олег ожидал меньше всего. Сквозь легкий туман плывущего над столом сигаретного дыма он увидел, как под восторженные аплодисменты публики на сцене появилась белокурая красавица, с которой он еще совсем недавно гулял по парку. Сегодня на ней было узкое, изумрудного цвета платье, эффектно подчеркивавшее все достоинства фигуры и еще больше делавшее ее похожей на русалку. Не дожидаясь, пока смолкнет шум в зале, она плавно повела рукой, и музыканты тут же заиграли неторопливый блюз. Когда Регина начала петь, зрители затаили дыхание. Голос у нее был очень красивый и хотя не слишком сильный, но глубокий и проникновенный. Исполнив несколько блюзовых композиций, она перешла к джазу, а закончила свое выступление зажигательным классическим рок-н-роллом.

Все это время Олег не сводил с нее глаз. Поначалу он пребывал в полном недоумении и думал о том, что никак не представлял себе Регину в подобном амплу. Но постепенно пение

девушки его загипнотизировало, и он начал от души наслаждаться звуками ее голоса. Хотя думал при этом о Тане. Олег уже давно заметил, что когда он испытывает душевный подъем, образ Тани мгновенно возникает перед ним. Да, он поклялся вырвать любовь к ней из своего сердца, но даже не предполагал, как трудно это будет сделать. Ведь именно с ней много лет были связаны все его мечты, все безумные надежды...

Только когда снова грянул гром оваций, Олег наконец-то очнулся от грез. Он сразу же вспомнил о Викторе и быстро повернулся в его сторону. Тот сидел, небрежно закинув ногу на ногу, и с покровительственной улыбкой смотрел на сцену. Всем своим видом он выражал такую хозяйскую уверенность, что Олегу стало досадно. «Выходит, Витька снова на коне, в золотой броне, — подумал он. — А я на вторых ролях. Дублер. Неужели у меня кишка тонка изменить ситуацию? Я ведь собирался сражаться с ним за Регину, а сам до сих пор даже не рассказал ему о нашем знакомстве. Не придумал, как подступиться к этому делу, а проще говоря, снова смалодушничал».

Виктор между тем поднялся на ноги, накинул пиджак и уверенной походкой подошел к невысокой эстраде. Легко вспрыгнув на нее, он галантно поцеловал улыбающуюся певицу руку, а затем подхватил Регину под локоток и помог ей спуститься в зал по двум широким ступенькам.

«Ой! Что он делает? Он что, с ней знаком?» — слышались со всех сторон удивленные возгласы. Сотрудники стали переглядываться, зашептались, пытаясь понять, что именно затеял Виктор.

Олег стиснул зубы от досады. Он один понимал, что сейчас должно произойти, и это его нисколько не вдохновляло. Он и так серьезно отставал от Витьки, а теперь его позиции еще больше пошатнулись.

— Дорогие коллеги! — провозгласил Виктор, подойдя к столу вместе с Региной. Его рука уверенно лежала на ее талии, а голос звучал торжественно. Девушка смотрела на собравшихся своими удивительными зелеными глазами и чуть смущенно улыбалась. — Позвольте вам представить Регину, лучшую джазовую и блюзовую певицу...

— Это мы уже и без тебя поняли! — завопил Пушин, вскакивая со стула. — Послушали и сразу влюбились!

— И замечательного человека, — не обращая внимания на пьяного Леню, продолжал Виктор.

— Об этом можно легко догадаться, — тут же откликнулся звонкий голосок Светы Яновской. — Плохой человек так проникновенно и страстно петь не может.

— А вот это спорный вопрос, — тихо сказал Доминик, обращаясь к Олегу. — Но хороша, чертовка, ничего не скажешь. Интересно, как Витька с ней познакомился?

— Но самое главное, о чем я хотел бы вам сказать, — как ни в чем не бывало продолжил Виктор, — это то, что Регина — моя невеста.

— Ух ты! Поздравляем! — немедленно откликнулись коллеги.

Олег курил и отстраненно наблюдал за реакцией собравшихся на это сенсационное признание. Мужчины восхищенно смотрели на Виктора, и на их лицах читалось незатейливое: «Силен мужик, какую фею отхватил!» Женщины, напротив, внимательно разглядывали Регину, оценивая зорким глазом все ее достоинства и недостатки. Олег тоже перевел взгляд на

девушку и сразу же заметил на ее лице царапины, которые остались после несчастного случая. Замазанные толстым слоем грима, они все же были заметны вблизи.

«Зачем же она так скоро вышла на сцену?» — подумал он. Словно уловив его мысли о ней, Регина слегка повернула голову и посмотрела прямо на Олега. От неожиданности тот моргнул. Регина улыбнулась и слегка кивнула ему в знак приветствия. По счастью, Виктор, занятый ответами на вопросы любопытных сослуживцев, ничего этого не заметил.

— Вот и все, знакомство закончено! — в конце концов, возвестил он. — Регине пора переодеваться, а потом отдыхать. Вы же понимаете, как изматывают такие сольные концерты.

С этими словами он нежно чмокнул свою невесту в щечку. Мужчины одобрительно загудели и захлопали, девицы радостно захихикали. Только Лиля, секретарь Виктора, сидела грустная и с отсутствующим выражением лица смотрела куда-то в сторону.

Когда Виктор, проводив Регину, снова вернулся к столу, там всюду обсуждалась сенсационная новость.

— Ну что, народ, удивил я вас? — весело спросил Виктор. — Кстати, если кто-то не знаком со скандинавской мифологией, поясню: «валгалла» означает «рай для доблестных воинов». Поэтому предлагаю доблестным воинам архитектуры выпить за прекрасных подруг.

— Всем налить! — мгновенно завопил Пущин, хватаясь за бутылку.

Виктор снова уселся на свое место рядом с Олегом и Домиником.

— Ну как, удался мой сюрприз? — подмигнул он приятелям. — Не ожидали такого поворота?

Олег неопределенно пожал плечами. Он до сих пор не мог сообразить, как вести себя в сложившейся ситуации. Заявить Виктору прямо сейчас, что он тоже знаком с Региной и собирается за ней ухаживать, было бы глупо. Но и прикидываться, что искренне радуется за друга, он тоже не мог.

— Что, так ничего и не скажете? — недовольно проворчал Виктор.

— Нет, почему? Поздравляю, — пробормотал Олег, наливая в бокал вино. — Классная девушка.

— Да, шикарную ты себе подругу отхватил, — поддержал его Доминик. — Но больше всего меня поразило то, что она — твоя невеста. Ты что, на самом деле задумал жениться?

— Задумал! — кивнул Виктор. — Ребята, вы не представляете, что со мной происходит! Такое ощущение, что у меня крылья выросли. Первый раз в жизни влюбился так сильно!

— Первый? — скривился в усмешке Олег. — А как же Таня? Помнится, о своем чувстве к ней ты говорил почти теми же самыми словами.

— Да брось ты, — легко отмахнулся от него Виктор. — Там даже приблизительно не было такого восторга, который я испытываю в присутствии Регины.

— Свинья ты, Витька, — вступил в разговор Доминик. — Разбил Танюхе сердце, а теперь и вовсе собираешься ее добить?

— С ума сошел? Не собираюсь я ее добивать. Я с ней после нашего разрыва даже не виделся. И вряд ли увижусь. Вчера, когда она приходила, меня в офисе не было.

— Все равно, — стоял на своем Доминик. — Рано или поздно вам снова предстоит встретиться. Можешь себе представить, каково ей будет узнать о том, что ты завел себе невесту?

— Да было бы тебе известно, про невесту она все уже знает, — самодовольно заявил Виктор. Олегу показалось, что он буквально кичился своей честностью.

— Да уж, ты вывалил на нее все сразу, даже глазом не моргнул, — пробормотал он.

— Я совершенно не понимаю, при чем тут Таня? — пожал плечами Виктор, нервно прикуривая сигарету. — Время идет, все меняется. Были у нас с ней отношения, да сплыли — что в этом такого уж необычного? Она взрослый человек и наверняка все правильно понимает. К тому же мы, архитекторы, люди творческие, нам просто необходимо состояние вечной влюбленности. А уж если приходит настоящее, сильное чувство — мы вообще должны быть счастливы.

— Что же ты не сохранял то сильно чувство, которое испытывал к Тане? — не сдавался Доминик. — Ты похож на охотника, который скитается по тайге. Огонь разведет, погреемся немного, затопчет, дальше бредет, до следующего костра.

— Слушайте, мсье Лоран, чего это вас вдруг на притчи потянуло? — засмеялся Виктор. — Мне мораль читать не надо, мои отношения с Таней — наше с ней дело, и они никого не касаются.

— Ну хорошо, возможно, ты прав, и я сую свой нос куда не следует. Но наладить отношения ты с ней собираешься? — продолжал гнуть свое Доминик. — У вас много лет была такая дружба, которую просто нечестно вычеркивать из жизни. Ладно, любовь не удалась, но ведь даже расставшись, люди могут оставаться друзьями. Я знаю, что для Татьяны это ужасно важно. Так что вы обязательно должны еще раз встретиться.

— Да я совсем не против с ней встретиться, — дернул плечом Виктор. — Только не уверен, что она захочет со мной разговаривать. Все же расстались мы не так чтобы очень хорошо...

— Захочет она с тобой разговаривать, — заверил его Доминик. — Она сама мне об этом говорила.

— Когда она тебе это говорила? — снова вмешался в их диалог Олег.

— Мы с ней кофе вместе пили.

— Ну все, ребяташки, — перебил их Виктор, — народ уже засобирался по домам, и вам пора. А я подожду Регину. У нас с ней на сегодняшний вечер еще кое-какие планы.

— И что ты к нему привязался? — спросил Олег, когда они с Лораном вышли на улицу. — Невооруженным же глазом видно, что Витька не хочет поддерживать с Таней отношения. Наверняка боится, что в ее присутствии его начнет мучать совесть, а он страшно не любит чувствовать себя виноватым.

— Да плевать мне на его чувства, — с досадой бросил Доминик. — Уж кого-кого, а Потапова я бы пожалел в последнюю очередь. Мне Танюху жалко. Знаешь, мне показалось, что в глубине души она надеется его вернуть. Она ж не знает, что он уже невестой обзавелся.

— Интересно, когда это ты успел так глубоко заглянуть в Танину душу? — усмехнулся Олег.

— А тогда! Мы долго разговаривали, и мне показалось...

— Вот видишь — показалось. А чувства приблизительности не терпят.

— Надо же, какой умник, — внезапно разозлился Доминик. — Вместо того чтобы афоризмами сыпать, взял бы да и поговорил с Татьяной начистоту. Растолковал бы ей все про Виктора, чтобы не лелеяла девушка напрасных надежд. Кому, как не тебе, взять на себя такое щекотливое дело?

— Ну уж нет, — решительно покачал головой Олег. — Однажды мы с ней имели серьезный разговор о любви и дружбе и с тех пор на сердечные темы больше беседы не беседуем. По нашей с ней взаимной договоренности.

Доминик на это ничего не ответил, неторопливо достал из кармана сигареты и, прикурив, посмотрел на Олега с легкой усмешкой.

— А теперь признавайся, когда ты успел втюриться в Витькину невесту?

— Обалдел, что ли? — вскинулся Олег. — С чего ты это взял?

— Да ладно, не придуривайся, — махнул сигаретой Доминик, — я ж тебя не первый год знаю. Это только самоуверенный Потапов ничего вокруг себя не замечает. Зато я отлично видел, как ты смотрел на эту Регину, когда она пела. Зуб даю, вы с ней знакомы.

— Ничего ты не понимаешь... — начал было Олег, но Лоран его перебил:

— Все я понимаю. Планида у тебя такая, Олежек, — влюбляться в баб, которых уже присвоил себе Потапов.

* * *

С застекленной веранды кафе, которое облюбовали подруги, открывался вид на пылающий яркими красками осенний бульвар. Тонкие солнечные нити, продетые сквозь листву, сплетались в траве тускло-желтым узором.

— Зоя, а вдруг она ждет ребенка? — Таня подперла щеку кулаком и проводила глазами парочку, которая медленно шла по тополиной аллее, останавливаясь и целуясь на каждом шагу. — Ну, та женщина, к которой Витька от меня ушел!

— Тебе бы Олег обязательно сказал, — покачала головой Зоя. — Постарался бы тебя подготовить. Он ведь всегда о тебе заботится.

— Не знаю, не знаю, — Таня покачала головой. — С некоторых пор я в мужчинах совсем не уверена. Что там у них на уме, один бог знает.

— Бог тоже не знает, — заверила подругу Зоя.

— А может быть, Потапов уже женился? Он ведь ничего не любит откладывать на потом. Он жаждет всего и сразу! Вдруг, пока я тут строю планы, как его вернуть, он покупает билеты на Канары, где собирается провести с молодой женой медовый месяц?

— Да ладно тебе! Если бы Потапов задумал жениться, ты бы непременно прознала. Охотников рассказать тебе об этом нашлась бы целая куча, — возразила Зоя, поддевая ложечкой кофейную пенку, из которой бариста сделал сердечко.

У нее сердечко было посыпано корицей, а у Тани — шоколадом.

— Да уж, это точно, — согласилась та. — Деликатные проблемы обычно привлекают самых неделикатных людей. Я целых полтора года мечтала, как вернусь в Москву и выйду за Потапова замуж. А вместо предложения руки и сердца он предложил мне катиться на все четыре стороны. Просто взял и вышвырнул из своей жизни.

— Слова-то какие находишь, — пробормотала Зоя.

— А что, разве не вышвырнул? — Таня поежилась.

— Значит, ты мечтала о замужестве? А вот мне кажется, мечтать интересно, если у тебя с потенциальным супругом еще ничего не было. А когда вы вместе столько лет жили и все самое интересное уже случилось, уже скучно мечтать-то. Кстати, хотела спросить: ты хорошо себя чувствуешь? Почему у тебя такие синяки под глазами?

— Потому что я почти не сплю, — ответила Таня. — Все думаю, как вернуть Витьку.

— А ты совершенно уверена, что хочешь его вернуть? — осторожно спросила Зоя.

— Конечно, уверена. — Таня сделала глоточек кофе и облизала оставшиеся над губой нежные молочные «усы». — Вернуть во что бы то ни стало.

— Задача не из легких, — Зоя, прищурившись, посмотрела вдаль. Солнечная взвесь, наполнявшая воздух, придавала городу теплый карамельный оттенок. — У него ведь уже есть другая. И она наверняка, как и ты, считает, что Потапов принадлежит ей, и только ей. Она его просто так не выпустит из своих лап.

— Поэтому так важно выяснить, кто она такая, — с жаром заявила Таня. — И что там за лапы. Стоит ли принимать их в расчет или нет.

— Уверю тебя, что стоит, — заверила ее Зоя. — Это для женщины старая любовь неожиданно может заиграть новыми красками. У мужиков любовь черно-белая. Все, что было в прошлом, непременно черное и неинтересное, как ты сама понимаешь.

— Насколько я поняла, ты готовишь меня к провалу.

— Как Штирлица? — ухмыльнулась Зоя. — Да нет, не угадала. Я пытаюсь объяснить тебе, что, если хочешь поймать мужика на крючок, нужно проявить хитрость. Нельзя брать его нахрапом. Если бросишься за ним, как волчица, вернешься побитой собакой.

— Ты прямо кладезь мудрости. Русская народная сказительница, — с иронией заметила Таня. — Слушай, как, по-твоему, Потапов романтичный?

Зоя задумчиво посмотрела на небо, словно там могла обнаружиться подсказка.

— Потапов? Черт его знает. На мой взгляд, не очень. Скорее он практичный. Хотя иногда поддается порывам. А что?

— Я раньше никогда не демонстрировала ему свои чувства, — призналась Таня. — Считала, что раз мы поселились вместе, это уже само по себе доказывает мою любовь. А потом задумалась и поняла, как сильно ошибалась. Мужчины ведь как дети. Любят, когда их хвалят, делают им подарки...

— Еще они падки на лесть и постоянно врут, — подхватила Зоя. — В общем, не лучшая

половина человечества.

— Тем не менее прекрасная половина человечества изо всех сил добивается их внимания, — вздохнула Таня. — Я тоже решила не оставаться в стороне и кое-что предприняла.

— А поконкретнее? — заинтересовалась Зоя.

— Пока что я тебе не скажу. А то ты меня высмеешь, я раскаюсь и все остановлю. И потом буду страдать.

— Ну, ты меня заинтриговала!

— Я хочу поразить Потапова. Удивить его! Развеселить!

— Звучит так, будто ты собираешься сводить его на цирковое представление с морскими котиками.

— Зоя, не приставай! Я все равно не стану вдаваться в подробности. Все, о чем рассказываешь заранее, имеет тенденцию с треском проваливаться.

— Все равно мне как-то не верится в то, что Потапов внезапно одумается и бросит свою новую страсть. У мужчин есть потребность в ярких впечатлениях. Твой Витька и в школе всегда за кем-нибудь волочился. Не думаю, что после того, как вы стали вместе жить, он вдруг резко изменился. Может быть, он при тебе и раньше ходил налево.

— Чушь! — заявила Таня. — Я бы это сразу почувствовала.

Глубоко в душе была уверена, что женщины ближе нее у Потапова никогда не было и не будет. Прямо как в старой песне Татьяны Булановой, которая так трогала Таню, когда она была помоложе: «И поверь, когда-нибудь зимой, может быть, меня уже не будет. Знаю я, любовь тебя осудит: на перекрестке судеб, такой как я, не будет никогда с тобой!»

— Вижу, ты настроена серьезно, — сказала Зоя. — И это хорошо. Потому что тебе придется отбивать Потапова у другой женщины. Проявив при этом выдержку, хладнокровие и ум. Ты способна на подвиги ради любви? Впрочем, что это я спрашиваю? Конечно, ты способна. Будь хитрой, смелой и находчивой.

— И веселой, — подсказала Таня, впрочем, довольно печально.

— Не в последнюю очередь, и веселой. Мужики не любят тоскующих девиц. В общем, будь собранной, будь коварной, будь безжалостной! И тогда, возможно — только возможно! — у тебя что-нибудь получится.

* * *

На следующий день после похода в «Валгаллу» Доминик остановил спешащего по коридору Виктора:

— Слушай, давай сегодня вместе поужинаем. Я знаю неплохой пивной ресторанчик.

— Чего это вдруг?

— Хотел с тобой про Таню поговорить. Не торопясь и без свидетелей. Вчера мне не хотелось распространяться при Олеге. Он тоже лицо заинтересованное. Если ты помнишь, конечно.

— Ну что, я в этом виноват? — застонал Виктор. — Я Татьяну у него не крал, все было по-честному. И это давно в прошлом. Зачем все ворошить?

— Попробую объяснить, если сам не понимаешь. Ты же твердишь, что мы друзья. Вот и удели другу вечерок, выслушай.

Заметив, что Виктор собирается что-то возразить, Доминик решительно заявил:

— Только не говори, что вечер у тебя занят. Я не частный детектив, но знаю — по средам ты абсолютно свободен.

— Ну, не всегда.

— Нет, всегда. В большом коллективе, дорогой мой, ничего не скроешь. Вон, хоть у Олега спроси. Он тоже подтвердит, что в любой другой день недели вытащить тебя в кабак невозможно, зато в среду — запросто.

Виктор изумленно уставился на Доминика.

— Ну и озадачил ты меня... По средам я совершенно свободен! Похоже на название какого-нибудь водевиля. Хорошо, посмотрю свой график. Может, ты и прав. А насчет разговора... Не обижайся, но обсуждать свою личную жизнь даже с тобой я не намерен. И про Таню разговаривать не буду. Тем более что ты намерен выступить в качестве ее адвоката. Это написано у тебя на лице.

— Ну, это мы еще посмотрим — будешь ты разговаривать или нет, — крикнул ему в спину Доминик.

Вернувшись в кабинет, Виктор стал листать ежедневник. Через полчаса он устало прикрыл глаза. Получалось действительно нечто странное. Почти каждый вечер, если не было ничего срочного на службе, он проводил с Региной. В те дни, когда она работала, он дожидался окончания ее выступления, и они ехали куда-нибудь ужинать. Если у Регины был выходной, они составляли обширную культурно-развлекательную программу. Но действительно, по средам они по каким-то причинам не виделись. И причины эти, как сейчас вспомнил Виктор, ему всегда озвучивала Регина. По средам, кстати, она никогда не пела в ресторане.

Перед мысленным взором Виктора, словно кадры кинофильма, пронеслись картины измены. У Регины есть кто-то еще. Какой-нибудь «покровитель искусств», седой и представительный, который каждую среду увозит ее на своем лимузине в загородную резиденцию...

Виктор беззвучно выругался. Оказывается, все вокруг обратили внимание на эту маленькую странность, а он, влюбленный дурак, ничего не заметил! Что же делать? Спросить у Регины? Но если это простое совпадение, она засмеет его. Показать любимой женщине смешным — что может быть ужаснее?

Но и дурачком, который всему слепо верит и которого водят за нос, тоже становиться не хотелось.

Решение нашлось. Оно было старо как мир, но столь же и надежно. Слежка. Сначала Виктор подумал о том, чтобы нанять частного детектива, и даже пробежался по Сети в поисках приемлемых вариантов. Но потом решил — зачем привлекать чужих людей, да еще платить немалые деньги? Он и сам в состоянии проследить за Региной. В самом деле, не шпионка же она, чтобы профессионально шифроваться и ловко уходить от наблюдения.

Позвонив Доминику и клятвенно заверив его, что они обязательно поужинают завтра вечером, Виктор стал готовиться к первой в своей жизни оперативной разработке. Что же, это даже интересно. Немного удачи — и он будет знать правду, какой бы горькой она ни была. О любви он сейчас не думал, в нем проснулся настоящий охотничий азарт.

Однако все, что произошло потом, оказалось более стремительным, грубым и прозаическим. Регина, которая, по ее словам, должна была поехать к заболевшей матери в Лыткарино, привела Виктора от своего дома напрямиком в Бутырский следственный изолятор.

Дождавшись, когда она выйдет из темной арки на шумную Новослободскую улицу, он окликнул ее.

— Витя? — изумилась девушка и испуганно отступила назад. — Что ты здесь делаешь?

— Допустим, я тут по делам. А вот что, интересно, ты здесь делаешь? — с трудом сдерживая злость, процедил Виктор. — Насколько я помню, ты должна быть сейчас далеко-далеко отсюда, у мамы в Лыткарино. А я встречаю тебя в столь странном месте...

— Почему в странном? Мама позвонила, сказала, что ей лучше, и я отправилась к моей школьной подруге.

— Твоя подруга — вор в законе?

— Вить, что это за шутки?

— Почему же шутки? Если она сидит в Бутырках, то наверняка крутая уголовница!

— Господи, да ты о чем? — испуганно посмотрела на него Регина.

— Прекрати, дорогая! — Это слово он одобрил хорошей порцией яда. — Я видел, как ты отдавала передачу и договаривалась о свидании. Скажи честно, к кому ты ходишь сюда каждую среду? К бывшему любовнику?

— Значит, ты меня выслеживал? — внезапно успокоившись, спросила Регина.

— Допустим, — усмехнулся Виктор. — Понимаю, что любимым надо доверять... И все же — кто у тебя там?

— Брат, — спокойно глядя ему в глаза, ответила Регина. — Мой родной брат. Или, если угодно, сводный. У нас одна мать, но разные отцы. Ты удовлетворен?

— Ни в коей мере, — рявкнул Виктор, напугав пожилую супружескую пару, проходившую мимо. — Это так ты отвечаешь на мою откровенность? Я тебе рассказываю абсолютно все, а ты скрываешь, что у тебя брат в тюрьме.

— Ты можешь допустить, что мне не очень приятно об этом рассказывать? К тому же он не в тюрьме, а под следствием.

— Какое важное уточнение, — зло бросил Виктор. — Как мы хорошо, оказывается, разбираемся в тонкостях юриспруденции! Интересно, почему ты скрывала от меня такую важную информацию? Ведь это касается твоей семьи! Или вообще мне не доверяешь? А ведь мы с тобой собираемся пожениться!

— Ты в этом абсолютно уверен? — спросила девушка, у которой неожиданно задрожал

подбородок.

Не добавив больше ни слова, она круто развернулась на каблуках и быстро пошла в сторону метро.

* * *

Прислонившись лбом к прохладному стеклу, Виктор смотрел вниз, во двор, куда выходили окна его кабинета. Ничего интересного там не было — газоны, кусты, припаркованные машины и детская площадка. На площадке под присмотром мам, бабушек и нянь копошилась детвора. Стайки голубей и воробьев то взмывали вверх, то вновь опускались на дорожку и бродили возле лавочек в поисках чего-нибудь съедобного. Облетающие деревья и хмурое небо, обещавшее скорый дождь, навевали меланхолию.

До деловой встречи оставалось чуть более трех часов, и нужно было хотя бы в общих чертах продумать рисунок предстоящего разговора с кровопийцами из «TopDevelopment». Однако сосредоточиться Виктору никак не удавалось. В голову постоянно лезли мысли о Регине, об их нелепой размолвке, а еще о том, как вернуть их отношения в прежнее русло.

Виктор уже сто раз пожалел о своей дурацкой слезке, а еще больше о своей несдержанности. Регина считала, что он был груб, несправедлив и вообще не имел права на упреки. Она дулась на него за это, и никакие его извинения не помогали разрушить внезапно возникшее между ними отчуждение. Хотя в глубине души Виктор и не признавал за собой никакой вины, но ради примирения был готов посыпать голову пеплом. Он стал чаще приносить Регине цветы, дарил подарки без всякого повода, несмотря на чудовищную занятость, звонил ей по нескольку раз на дню — но все без толку. Регина милостиво принимала все эти знаки внимания, но тень пробежавшей между ними черной кошки по-прежнему маячила на горизонте.

«Если это и есть тот самый худой мир, который лучше доброй ссоры, то пропади он пропадом! — в сердцах подумал Виктор. — Лучше уж подраться, чем вот так мотать друг другу нервы».

Продолжая глядеть во двор, он увидел, как белокурая малышка в розовой шапочке осторожно подошла к стае воробьев и принялась крошить перед ними большой кусок кекса.

«Странно, а говорили, что все воробьи из Москвы исчезли», — удивился Виктор. Он вспомнил, как совсем недавно читал авторитетные утверждения каких-то умников, будто из-за бурного развития мобильной связи маленькие пернатые разбойники навсегда покинули мегаполис — не выдержали, так сказать, натиска высоких технологий. Доверчивые москвичи бились в истерику из-за того, что их дети и внуки никогда больше не увидят милого их сердцу воробышка, ставшего неотъемлемой частью традиционного городского быта.

«И чего только народ не придумает! — усмехнулся про себя Виктор. Ничего эти пичуги не испугались — вон они, прыгают себе, клюют что-то, купаются в пыли. И видали они этот технический прогресс...»

Жизнестойкие воробьи, плевать хотевшие на всякие мрачные пророчества, вдруг каким-то странным образом повлияли на его собственное мироощущение. Настроение улучшилось и, замурлыкав на мотив знаменитых Трофимовских «Снегирей»: «За окошком воробьи делят кекс малиновый...», он уселся за свой письменный стол с твердым намерением как следует подготовиться к предстоящей беседе. Быстро накидав тезисы, он достал из стола папку с необходимыми для ведения переговоров документами, полистал ее и не обнаружил в ней самого главного — проекта договора с прописанными в нем суммами. Этот документ относился

к разряду конфиденциальных, и Виктор должен был сам забрать его у генерального директора Кроткова. А он забыл!

«Вот черт, совсем раскис из-за этих глупых любовных дрызг, — подсадовал на себя Виктор. — Но ничего, все как-нибудь наладится. Должна же Регина когда-нибудь оттаять. Главное — мы любим друг друга, а остальное — форменная чепуха».

Взбодренный своими собственными рассуждениями, Виктор быстренько связался с Кротковым и предупредил, что минут через пять зайдет за проектом договора.

— Заодно хочу с тобой кое-что уточнить, чтобы наши позиции были незыблемы. А то ведь эти гады из «TopDevelopment» порвут меня на части, если почувствуют слабину.

Поднявшись из-за стола, Виктор пересек кабинет, распахнул дверь и... замер на месте. По коридору, удаляясь в сторону кабинета Доминика Лорана, шла Таня. Несмотря на всю свою самоуверенность, Виктор смешался. Несмотря на то что он пообещал Тане вечную дружбу, встречаться с ней в ближайшее время ему совсем не хотелось. Может быть, потом, позже... Только сейчас Виктор по-настоящему осознал, как сильно Таня изменилась внешне. Прическа была новой, да и походка тоже. Она стала более грациозной, что ли.

Виктор отлично знал, что рано или поздно Таня снова появится в стенах «Самшита», но полагал, что ему удастся вовремя от нее улизнуть. На мгновение он растерялся, не зная, как ему лучше поступить. Окликнуть? Заговорить? Или же сделать вид, что он ее не заметил?

Пока он думал, Таня дошла до кабинета Лорана, открыла дверь и скрылась внутри. Виктор сразу же решил, что сам он к Доминику заходить не станет — еще не хватало заводить трудный разговор с бывшей подругой, а практически женой, у него на глазах! В том, что разговор с Таней будет непростым, он даже не сомневался. Хорошее настроение опять куда-то улетучилось, и Виктор даже заскрипел зубами от досады.

«Принесла ее нелегкая! — злился он, размашисто шагая по коридору. — Мало мне проблем с невестой, теперь еще ломай голову над тем, как вести себя с подругой детства. Она ведь тоже считает меня кругом виноватым и разговаривать наверняка будет через губу».

Представив себе, как Таня смотрит на него с немым укором, Виктор вздрогнул и даже головой pokrutil, чтобы отогнать неприятное видение.

«Уверен, что они с Домиником сейчас перебивают мне косточки, — все больше распаялся он. — Ну конечно, я плохой, а она — ангел во плоти. Она хочет продолжать нашу дружбу, а мне на это дело плевать». Ему на ум мгновенно пришла кошка Маруся, которая жила в деревенском доме его бабушки. Кошка любила лежать в коридоре на вязаном коврикe, и однажды пробежавший мимо маленький Витька из шалости пнул ее ногой. Маруся не простила ему этой выходки. С тех пор всякий раз, когда Виктор приезжал к бабушке в гости, кошка забивалась под диван и выжидала. Как только он терял бдительность, она пулей выскакивала из своего укрытия и мстительно впивалась когтями в его ногу. «Вот-вот, и Татьяна такая же, как Маруся. Примется наскакивать да подковыривать. Оно мне надо? Не надо! Ну и все».

Решив, что не будет намеренно искать сегодня с Таней встречи, Виктор облегченно вздохнул, как будто только что сбросил тяжелую ношу.

В кабинете у генерального директора он пробыл минут десять. Они немного побеседовали, потом Виктор взял проект договора и отправился к себе. Но не успел он сделать и десяти шагов по коридору, как снова увидел Таню. В этот раз она шла ему навстречу. И что самое

удивительное — на лице ее сияла улыбка.

Виктор стоял и смотрел, как она приближается по коридору. Когда они ссорились после ее возвращения, Виктор не особенно обращал внимания на то, как Таня выглядит. Еще бы! Он собирался сделать предложение Регине, а Таня еще ничего не знала. От нее нужно было как можно быстрее освободиться. В этом он видел свою главную задачу. На то, как Таня выглядит, он и внимания не обратил. Но теперь... Теперь все было иначе. «Ух ты, как она похорошела! — удивился про себя Виктор, ощущая, что сердце забилося немного чаще. — Стильная стала, яркая и... какая-то совсем другая. Про нее уже не скажешь «своя в доску». Что же такое в ней изменилось? Ну, прическа — это самое очевидное, а что еще?»

Так и не решив для себя этой загадки, Виктор шагнул вперед и попытался изобразить прежнюю, дружескую улыбку.

— Таня! Здравствуй. Кстати, замечательно выглядишь. Можешь мне не верить, но я рад тебя видеть.

Он и сам не очень хорошо понимал, врет он сейчас или говорит чистую правду. Если еще полчаса назад мысли о бывшей подруге выводили его из себя, то сейчас от бывшего раздражения не осталось и следа.

— Здравствуй, — откликнулась Таня, постаравшись скопировать его замечательную улыбку. — Я тоже рада тебя видеть.

— Как поживаешь? — задал он дежурный вопрос. — С квартирой разобралась? Все там у тебя нормально? Полы не рассохлись, плинтус не отваливается?

— Да ведь я дизайнер, ты не забыл? Приводить в порядок запущенные квартиры — это мой хлеб. А как у тебя дела? — Тане хотелось спросить в лоб, не женился ли он, но все-таки не осмелилась. — Как тебе без меня живется?

Виктор вдруг подумал, что еще ни разу не задавал подобного вопроса самому себе. Как же ему живется без Тани? Он не знал, что на это ответить, и просто пожал плечами.

— Выглядишь как обычно, — заметила Таня. — Ничуть не изменился.

— А это хорошо или плохо? — спросил Виктор.

Разговор, которого он так боялся и так хотел избежать, внезапно начал его забавлять. Что ни говори, а Таня Волгина прочно вросла в его прошлое.

— Я не знаю, — просто сказала она, — но мне приятно, что мы с тобой можем видеться и общаться совершенно нормально.

— Я-то точно могу, — заявил Виктор. — Но в тебе, если честно, сомневался до последнего.

— Сомневался? Но мы ведь старые друзья.

— Друзья! — передразнил он. — Тань, мы же были почти женаты, пылали чувствами. А горячая любовь, если все же остывает, то со временем превращается либо в теплые отношения, либо в ледяную ненависть. Ты же не хочешь, чтобы в ненависть, а? Я — не хочу.

— Кроме любви и ненависти, есть и другие чувства, — пожала плечами Таня. — Я еще не

решила, чего жду от наших дальнейших отношений. Может быть, вообще ничего.

Она произнесла это таким ровным, почти равнодушным тоном, что Виктор сразу ей поверил. Странно, но его это задело. Ему по-прежнему хотелось быть любимым, вызывать приязнь. Он привык всем нравиться, в том числе и Тане.

— Ты сплеча-то не руби, — быстро заговорил он. — Может быть, мы встретимся, посидим... Втроем! Ты, я, Олег. Как в старые добрые времена?

Таня на секунду задумалась, но потом все же кивнула.

— Ну что же, это неплохая идея. Встретиться и посидеть втроем я вовсе не против.

— Вот и отлично! — обрадовался Виктор. — А если в процессе посиделок мы подеремся, Олег всегда сможет нас разнять.

— Если бы у меня была склонность к дракам, ты вряд ли отделался бы просто легким испугом. А ты отделался!

После этих слов Таня помахала Виктору ручкой, сказала «О ревуар!» и неторопливо двинулась к выходу.

— Эй, погоди, но мы же не договорились конкретно! — почти закричал ей вслед Виктор.

— Созвонимся и решим на ходу, — бросила она через плечо. — В конкретности, Витя, есть что-то тяжеловесное, давящее на психику.

Это были его собственные слова! Когда однажды Таня спросила, будет ли у них свадьба, он ответил, что ненавидит конкретные вопросы. И выдал ту самую сентенцию про тяжеловесность. Таня этого не забыла и сейчас попросту мелко отомстила ему за тогдашнюю обиду. А это значит, что она все-таки на него злится. Почему-то это открытие порадовало Виктора. Ему было важно, чтобы Таня продолжала испытывать по отношению к нему хоть какие-то чувства. Любовь это или ненависть — значения не имеет. Главное, чтобы она не стала к нему равнодушна.

Виктор посмотрел на часы и сразу занервничал. Почти семь, и уже через полчаса его будут ждать в «Валгалле» юристы из «TopDevelopment». А то еще и раньше заявятся — Виктор уже давно обратил внимание, что эта братия любит выкидывать подобные финты. Так что надо поторапливаться.

Накинув плащ и подхватив папку с документами, Виктор двинулся к выходу. Путь его пролегал через просторный зал, разделенный классическими офисными перегородками, за которыми трудилась значительная часть их коллектива. Случайно взгляд его наткнулся на молодое краснощекое лицо, которое принадлежало одному строптивому юному дарованию. Парень яростно отстаивал право иметь собственный взгляд на проект, однако в настоящий момент от него требовалось исключительно молчаливое прилежание. Виктор уже не раз проводил с ним разъяснительную работу по этому поводу и сейчас не удержался от того, чтобы не напомнить юноше об умении работать в команде и по команде.

Именно в тот момент, когда Виктор уже заканчивал свою краткую нравоучительную беседу с бунтарем, в воздухе едва ощутимо запахло горелым.

— Эй, народ, что за фокусы? — громко возмутился Виктор. — Кому это вздумалось курить в офисе? Вы же все прекрасно знаете, что это запрещено. Выходите во двор и дымите сколько влезет. Проветрите помещение и выбросьте подальше все окурки! А то вызову пожарную команду и останется от вас тут мокрое место, в прямом смысле этого слова.

— Мы здесь и не курим, — робко возразили из-за какой-то перегородки.

— Да это, скорее всего, Леночка Лапина опять свои благовония жгла... — улыбаясь, начал было объяснять руководитель проекта Сережа Царьков, но тут раздался оглушительный женский визг:

— Пожар! Мы горим!

Словно в подтверждение этих слов, откуда-то из глубины зала вдруг повалил густой белый дым, явственно запахло гарью.

Виктор не был специалистом по чрезвычайным ситуациям, однако три важнейших правила в случае возникновения пожара знал четко: звонить «01», эвакуировать людей, ни в коем случае не заниматься тушением самостоятельно.

— Царьков, звони пожарникам, — быстро распорядился он и громко объявил: — Все организовано выходим из помещения на улицу через главный вход. Сначала женщины.

— Насте плохо, — крикнул кто-то из мужчин. — Кажется, в обморок упала.

Виктор бросился на голос и увидел, что с кресла на пол медленно сползает технолог Настя Ивкина. Легко подхватив хрупкую девушку, он вскинул ее себе на плечо и понесся по коридору. Выбежав во двор, где по-прежнему скакали и весело чирикали воробьи, Виктор аккуратно усадил Настю на ближайшую лавочку и, оставив ее на попечение каких-то заботливых бабулек, бросился обратно в офис.

Через десять минут коллектив архитектурной компании «Самшит» в полном составе был эвакуирован. Почти одновременно с этим послышался нарастающий вой сирен, и во двор вкатились две красно-белые машины. А еще через несколько минут официально был объявлен конец пожарной тревоги. Выяснилось, что тревога эта была почти что ложной — загорелась, а потом сгорела до основания всего-навсего корзина для бумаг и прочего мусора.

— Вы уж нас простите, — смущенно извинялся Виктор, пожимая пожарным руки. — Нам показалось, что все очень серьезно — такой валил дым!

— Нормально все, работа у нас такая, — усмехнулся командир пожарного расчета, здоровенный круглолицый дядька. — Только вы больше корзинок не поджигайте, в следующий раз это точно может плохо кончиться.

Все вернулись в офис, бурно обсуждая случившееся. Во время кутерьмы с пожаром Виктор совершенно забыл про назначенную встречу, а когда пришел в себя и взглянул на часы, схватился за голову — он уже опаздывал на целых пятнадцать минут.

«Да, хорошенькое начало переговоров, — расстроено подумал Виктор. — Теперь придется звонить, извиняться, оправдываться. Хорошо, если согласятся подождать еще немного. Хотя если эти ребята действительно явились раньше, то уже скучают в ресторане почти полчаса. И за каждую минутку опоздания наверняка потребуют полной компенсации».

Виктор стал судорожно шарить по карманам в поисках телефона, но тот куда-то запропастился. И еще он не мог вспомнить, куда подевалась папка с документами. После лихорадочных поисков и телефон и папка наконец-то обнаружили на чем-то рабочем столе — наверное, он бросил их туда, поспешив спасти Ивкину. Вздохнув с облегчением, Виктор принялся набирать номер, но — увы! — на его звонки так никто и не ответил. Этот факт окончательно лишил Виктора оптимизма. Наверное, эти снобы сочли его опоздание неприемлемым и гордо покинули место встречи. Если так, тогда скандала точно не миновать.

Наскоро почистив костюм и плащ, Виктор бегом помчался в ресторан. Он готов был на коленях вымаливать прощение у господ из «TopDevelopment», лишь бы они сейчас оказались в «Валгалле».

* * *

Виктор вошел в зал, когда часы показывали начало девятого. Публики было еще немного, негромко играл оркестр, официанты неторопливо скользили вдоль столиков. Он без особой надежды огляделся по сторонам и вдруг увидел картину, которая поразила его безмерно. Трое юристов из «TopDevelopment» расположились за большим столом возле колонны и, судя по всему, чувствовала себя превосходно. Их пиджаки фривольно болтались на спинках стульев, рукава накрахмаленных рубашках были закатаны, а узлы галстуков распушены. За столиком царил веселье, то и дело раздавались взрывы хохота, и было совершенно очевидно, что о делах здесь речь не идет. Но самым удивительным было то, что четвертым членом этой развеселой компании была Регина. Она сидела, грациозно положив ногу на ногу, а один из законников держал ее нежные пальчики в своей волосатой ручище. Регина с легкой улыбкой рассказывала своим собеседникам какую-то байку. Судя по их реакции, это было что-то забавное или даже пикантное.

Конечно, Виктор был рад, что представители «TopDevelopment» не только никуда не сбежали, но даже вполне неплохо себя чувствуют. Однако он никак не мог взять в толк, какие отношения могут связывать их с Региной. И еще ему не нравилось то, что какие-то волосатые нахалы хватают его невесту за руки.

«Да и Регина тоже хороша, — рассердился Виктор. — Ведет себя как пошлая певичка в заштатном кабаке. Ее работа петь, а не гостей развлекать».

Однако профессионализм все же помог ему справиться с раздражением, и он деловой походкой направился к столику.

— Извините за опоздание, — произнес он почти сурово. — Форс-мажорные обстоятельства. У нас в офисе случился пожар, пришлось эвакуировать людей и так далее. Но сейчас уже все в порядке, поэтому я готов приступить к работе. Вопрос только в том, готовы ли вы?

Он без улыбки взирал на слегка обалдевших от его напора юристов, которые не сумели быстро перестроиться и взять верный тон. Молчание слегка затянулось, и тогда Виктор решил перейти уже в открытое наступление.

— Господа, — слегка усмехнувшись, сказал он. — Надеюсь, вы все еще способны вести переговоры? А то, может, стоит позвонить вашему президенту и попросить прислать дублирующий состав? Я вполне могу подождать, время еще детское.

До юристов наконец дошел неприглядный смысл сложившейся ситуации. Битва, даже не начавшись, была ими уже наполовину проиграна. Тот, что держал Регину за руку, первым обрел дар речи и решительно кивнул головой:

— Да, конечно, мы готовы. Можем приступать прямо сейчас.

— Что ж, отлично, — подытожил Виктор. — Только в этом случае попрошу посторонних нас покинуть, беседа конфиденциальная.

И он с кривой улыбкой поклонился Регине. Та вспыхнула и быстро поднялась на ноги.

«Ага, не ожидала такого поворота? — злорадно подумал Виктор. — Наверняка была уверена, что сейчас я, как всегда, начну тобой хвастаться. Но не тут-то было! Мне не нравится, что ты кокетничаешь с клиентами, поэтому сегодня я не в настроении плясать перед тобой мазурку».

Между тем орлы из «TopDevelopment», застегнутые на все пуговицы, вежливо и серьезно взирали на Виктора, всем своим видом демонстрируя полную деловую готовность.

— Ну что же, не буду вам мешать, — сказала Регина, приятно улыбнувшись своим недавним собеседникам. Потом она перевела взгляд на Виктора, и в ее глазах ему почудился гнев.

«Ого, как посмотрела! — опешил тот. — Будто это опять я в чем-то виноват. Пришел и нарушил ее идиллию. А вертеть хвостом перед кем попало — это вроде как нормально».

Ужасно раздосадованный, он уселся за стол переговоров, разложил перед своими оппонентами документы и деловито заявил:

— Итак, я готов ознакомить вас с проектом генерального соглашения, соответствующими приложениями к нему и договором на текущий год.

За исход встречи он больше не волновался — голубчики были выбиты из колеи, ошипаны, поджарены и поданы к столу в лучшем виде.

* * *

Когда переговоры были закончены и представители «TopDevelopment» распрощались, Виктор остался сидеть за столиком, дожидаясь, пока Регина закончит свое выступление. Он не мог уйти, не поговорив с ней начистоту.

Он заказал виски, откинулся на спинку стула и прикрыл глаза.

«Господи, как я устал, — подумал он. — Как трудно, оказывается, совмещать напряженную работу с личной жизнью! Когда просто заводишь ничего не значащий романчик, это не требует никаких усилий, не отнимает много времени, не портит нервную систему. Но стоило перевести женщину в категорию «невеста», и неприятности тут же посыпались как горох».

Если бы кто-нибудь спросил Виктора, что именно огорчило его так сильно, он бы, наверное, затруднился так с ходу ответить. Поведение Регины показалось ему... неправильным, оно его задело.

«Черт побери, да я ревную! — понял Виктор. — Ревную ужасно!»

Он-то полагал — нет, был уверен! — что, приняв предложение руки и сердца, Регина станет вести себя как подобает невесте. То есть совсем иначе, чем она вела себя до встречи с ним. Нет, он, конечно, точно не знал, как именно она себя раньше вела. Но нетрудно догадаться, что у такой красотки и до него была куча кавалеров.

«О которых я ничего не знаю и знать не хочу, — подумал Виктор. — О женщине вообще лучше

знать как можно меньше. Тогда жизнь с ней будет похожа на бросок через минное поле. Ты все время начеку, собран и готов буквально ко всему. Адреналин, опасность, драйв! А с женщиной, которая для тебя как открытая книга, бредешь по безопасной тропке, заплетая ногу за ногу... Скукотища!»

Он закурил сигарету и снова бросил взгляд на сцену. Ему показалось, что сегодня Регина поет особенно выразительно, даже с каким-то надрывом.

«Она наверняка тоже переживает, — пронеслось в голове Виктора. — Понимает, что я собираюсь предъявить ей претензии. И если мы сегодня поссоримся, то это будет уже вторая наша ссора».

Он тяжело вздохнул и отпил из бокала немного своего любимого «Джек Дэниэлса». Ему вдруг вспомнились слова Олега, который сказал, что лихорадочная женитьба — предвестница тяжелых брачных осложнений. Возможно, он прав, и скоропалительно жениться на женщине, которую знаешь без году неделя, глупо? Впрочем, с Таней они были знакомы всю жизнь, но и с ней семейная жизнь рухнула, еще по-настоящему не начавшись. Нет, дело, наверное, не в том, когда жениться, а в том, как ты себе представляешь свой брачный союз. Чем ты ради него готов поступиться и чем, по твоему мнению, должна поступиться твоя невеста. Виктор был твердо убежден, что во имя их любви его невеста должна прекратить флиртовать с другими мужчинами.

Прошло уже минут пять с тех пор, как Регина закончила свое выступление и покинула сцену. Допив остатки виски, Виктор встал из-за столика и направился к служебным помещениям. Он шел и чувствовал, как от возбуждения у него полыхают щеки. Когда он по-хозяйски вошел в гримерку, Регина, прикрыв глаза, сидела в большом кресле.

— Привет, — остановившись напротив, сказал Виктор. А потом добавил без всякого перехода: — Неслабо я тебя сегодня застукал.

Регина немедленно вскинула на него глаза. Брови ее взлетели вверх, рот приоткрылся от изумления.

— Застукал за чем? — ошеломленно спросила она.

— Не прикидывайся овечкой, — резко ответил Виктор. — Ты спустилась со сцены в зал и любезничала с посетителями, разве нет? И надо же, какая неприятность — они оказались моими деловыми партнерами.

— Что значит — оказались? — нахмурилась Регина. — Никак не пойму, отчего ты иронизируешь. По-моему, ты должен радоваться, что я сумела им понравиться и сделать так, чтобы они позабыли обо всем на свете. И мне еще пришлось уговаривать администратора передвинуть мое выступление почти на полчаса. Наплела ему какой-то чуши — самой противно. Благо, он ко мне хорошо относится.

— К тебе, как я погляжу, все мужчины хорошо относятся, — ядовито заметил Виктор. — Даже крючкотворы-юристы в твоем присутствии становятся очаровашками. Уж как мне хотелось обломать клешни тому волосатому, который тебя за ручку держал! Другие два тоже взирали на тебя похотливыми взглядами, да еще слюни пускали.

— А как, ты предполагаешь, я должна была их очаровывать? С помощью гипноза? На расстоянии? — Регина наконец встала со своего места, прошла мимо Виктора и опустилась на пуфик перед огромным зеркалом. — Я совершенно не понимаю, что тебе так не понравилось.

— Не понимаешь? — воскликнул тот, поиграв желваками. — Не понимаешь, что вела себя вульгарно, как... Как дешевая певичка кабаре!

— Ах, дешевая певичка?! Ну конечно, так я и знала! Я просто не сомневалась, что как только что-то будет не по-твоему, ты сразу же начнешь меня попрекать тем, что я пою в ресторане!

— Как же, по-твоему, я должен был реагировать, увидев тебя в окружении кучи мужиков, с которыми ты откровенно заигрывала?

— А ради кого, интересно, я так старалась?! Не ради тебя ли?

К этому моменту Виктор уже успел основательно разъяриться, но последние слова Регины его озадачили. Он перестал кипятиться и ошеломленно переспросил:

— Ради меня?!

— Сам послал меня развлекать этих типов, а теперь еще и претензии предъявляешь! — раздраженно передернула плечиками Регина. В отличие от Виктора, она никак не могла успокоиться, и глаза ее сверкали бешенством.

— Я тебя послал?! — Виктор шагнул вперед и посмотрел в зеркало, на отражение девушки, которая лихорадочно расчесывала волосы. — Куда я тебя послал? Ты о чем?

— Ты меня с ума сведешь! — закричала Регина. — Это ведь по твоей дурацкой просьбе я пошла развлекать твоих дурацких партнеров. Думаешь, мне такие посиделки в кайф?

— По моей просьбе? — глупо повторил Виктор, который все никак не мог осмыслить ситуацию.

— Ну что ты все время переспрашиваешь! Ты прислал мне сообщение: «Регина, милая, спасай, я опаздываю, могут уплыть очень важные клиенты. очаруй их, обольсти, обворожи, но только не дай им уйти».

— Я никаких сообщений тебе не присылал! — воскликнул изумленный и раздосадованный Виктор.

Это было ужасно странно и нелепо, но не могла же Регина так беззастенчиво врать. Или могла?

«Вот Таня никогда не врала, — пронеслось у него в голове. — Таня всегда была честной, ее слово было золотым. Господи, да я всегда полагался на нее как на себя! И как же это меня раздражало... Мне хотелось минного поля! Так я его, кажется, получил».

— Я тебе перезвонила, но ты трубку не взял, — бросила Регина. — Поэтому я просто решила действовать как ты просил.

И она повела плечом. Это был красивый жест, один из тех, на которые мужчины сразу обращают внимание. В этом жесте был и вызов, и призыв, и бог знает, что еще.

— Да я ничего не просил! — уже слегка растерянно повторил Виктор. — Я же не безумный! И я бы не опоздал, если бы не этот идиотский пожар. К тому же у меня просто времени не было отправлять тебе такие длинные послания. И потом, ты что, плохо меня знаешь? Да я бы никогда до таких просьб не опустился. Отправлять любимую женщину удерживать клиентов!

— Но ты отправил, — упрямо повторила Регина.

Было заметно, что она очень расстроена. Действительно, получалась какая-то ерунда. Как только они решили пожениться, сразу же начали ссориться. Вряд ли это можно было считать хорошим знаком.

— Мне некогда было размышлять, что ты мог сделать, а чего не мог, — обиженным голосом продолжала Регина. — Если бы ты подошел к телефону, когда я тебе перезвонила, все разъяснилось бы сразу.

Виктор тут же вспомнил, что видел среди неотвеченных звонков один от Регины, но, зная, что скоро они и так увидятся, не придал ему особого значения.

— А ты посмотрела, кто прислал тебе это послание?

— Кто, кто?! Ты! — Регина дышала так бурно, что грудь в вырезе шелкового концертного платья ходила ходуном.

— Покажи мне текст, — потребовал Виктор, решив до конца разобраться в этой фантазмагории. Он включил собственный аппарат и сразу убедился, что ничего похожего среди отправленных сообщений нет. Собственно, он в этом и не сомневался.

Регина потянулась за своим мобильным телефоном, который лежал тут же, на столике перед зеркалом, рядом со всякими склянками и флаконами.

— А как ты вообще-то узнала, к кому подходить надо? — следя за ее движениями, продолжал допрашивать Виктор. — Я что, словесный портрет тебе заодно прислал?

— Нет, просто написал, что это те же самые три мужчины, с которыми ты ужинал здесь на прошлой неделе. У меня память хорошая.

— Какое-то безумие.

— Может, ты из-за своего пожара все забыл? — предположила Регина.

— И телефон мой тоже все забыл? — ехидно поинтересовался Виктор. Раньше он никогда не позволял себе с ней такого тона. Но сейчас просто не смог удержаться. — Значит, ты уверена, что сообщение пришло с моего мобильного?

— Конечно, с твоего, — уже спокойнее ответила девушка. — Я всегда внимательно смотрю, от кого послание. На, читай.

Она протянула ему свой изящный аппарат жестом, который красноречиво свидетельствовал — мне скрывать нечего.

— Тут пусто! — констатировал Виктор, возвращая девушке мобильник. — Вчерашнее мое сообщение есть, а то, о котором ты рассказываешь — увы...

— Не может быть, — воскликнула Регина возмущенно. — Дай сюда, ты просто не нашел. — Она растерянно смотрела на дисплей. — Какая-то мистика!

Нижняя губа у нее предательски задрожала. Губа была полной, влажной, красивой формы. И сама Регина, несмотря на гнев и обиду, выглядела по-прежнему оболъстительной. Виктор неожиданно остыл. Не в первый уже раз он испытывал нечто подобное. Женская красота словно гасила в нем все негативные эмоции и грубые порывы. Ему расхотелось ссориться, он

подошел и, взяв сидящую Регину за плечи, потянул на себя. Она откинула голову. Их отражения смотрели в глаза друг другу. Виктор чувствовал, как растворяется комок обиды, застрявший у него в горле.

— Странный сегодня день, — сказал он и примирительно улыбнулся.

День действительно получился необычный. Сначала встреча с преобразившейся Таней, потом кутерьма с пожаром, теперь вот — непонятная история с эсэмэсками.

— Вить, но ведь мы так ничего и не выяснили, — напомнила ему Регина.

Вероятно, ей хотелось окончательно себя реабилитировать. Для женщин вообще не существует закрытых тем. Замять какой-нибудь личный разговор совершенно нереально.

— Потом выясним. Кстати, давай вместе поужинаем, — предложил Виктор. — Я ужасно голодный. Знаешь, сильные эмоции отнимают столько энергии!

— Особенно в твоём исполнении.

Кажется, это была первая шпилька в его адрес, которую Регина себе позволила.

— Ну, я погорячился. Но ведь это потому, что я тебя люблю! И ужасно ревную.

Виктор потянул девушку из кресла и прижал к своей груди. Она была хрупкой и гибкой, от ее волос нежно пахло не то ландышем, не то резедой... Виктор не разбирался в запахах, но духи Регины казались ему опьяняющими.

— Приводи себя в порядок и поскорее приходи, — шепнул он ей на ухо.

— Ладно, — тоже шепотом ответила она.

Вероятно, этот шепот означал, что она больше не сердится. Поцеловав девушку, Виктор вышел в зал и выбрал столик, уютно утопавший в освещенной фонариками нише. Взял меню и, рассеянно блуждая глазами по странице, глубоко задумался. Ему очень хотелось верить Регине, но червячок сомнения все же глодал его. Может быть, девушка ведет с ним какую-то игру? Или, еще хуже, выполняет чье-то поручение? Нет, вряд ли, Регина на такое коварство не способна. Да и что могут от него хотеть? Он же не чиновник, не миллионер, не решает глобальные вопросы и не рулит финансовыми потоками. Но все же история очень подозрительная.

Отодвинув красивую серебристую занавеску, которая отделяла зал от служебных помещений, в зал вышла Регина. Она переоделась в темный кокетливый костюмчик. Никто бы не предположил, что вот эта девушка поет в ресторане. Сейчас она выглядела как персона из делового мира. Виктор рывком поднялся ей навстречу, чтобы помочь сесть, но так и замер со стулом в руках.

Потому что снова увидел Таню, которая выскользнула из-за той же самой занавески, что и Регина. Не заметив Виктора, она прошла мимо и устроилась за столиком неподалеку.

— Витя, можно я все-таки сяду? — донесся до него нетерпеливый голос.

— Ох, извини, — рассеяно пробормотал тот. Плюхнувшись на свое место, он не удержался и еще раз посмотрел в Танину сторону. Она держала в руках кофейную чашку и с любопытством

разглядывала танцующие пары.

«Фигаро здесь, Фигаро там, — подумал Виктор. — И в офисе Таня, и в ресторане Таня... Как глупо, что она забрела попить кофе именно сюда. Что она делала за той занавеской? Конечно, ходила в дамскую комнату. Что еще ей было там делать? Сейчас она нас обоих заметит. Интересно, что она подумает о Регине? Раньше у нее можно было запросто спросить — ну как она тебе? Однако теперь все изменилось. Во-первых, я не спрошу. А во-вторых, еще неизвестно, скажет ли она правду».

Новая Таня казалась ему темной лошадкой. Виктора сбивала с толку ее прическа — волосы выглядели слегка растрепанными, и это было... мило! Чертовски эффектно. В ресторан она надела однотонное платье — закрытое, но соблазнительное. Как женщинам удается соблазнять, ничего не показывая, всегда оставалось для Виктора загадкой.

— Куда ты все время смотришь? — недовольно спросила Регина.

Если сейчас он признается, что позади них сидит Таня Волгина, его невеста мгновенно разнервничается. И вообще. Сегодня не самый удачный день для того, чтобы знакомить свою бывшую девушку с нынешней.

«Лучше не говорить», — решил Виктор.

Он придвинул свой стул поближе к стулу Регины и положил ладонь на ее руку. Обстановка более чем интимная. Если Таня их все же заметит, то сразу все поймет и подходить не станет — она обладает врожденным тактом.

Но когда через некоторое время он вновь обернулся, столик уже опустел. Только одинокая чашка напоминала о том, что Таня только что была здесь.

* * *

Виктор отодвинулся от рабочего стола и сладко потянулся. Важных дел на сегодня больше не было, а заниматься мелочами не хотелось. Он поднялся на ноги, подошел к окну и по обыкновению посмотрел на улицу. Привычный пейзаж успокаивал. Думать хотелось только о приятном, например, о грядущей женитьбе. Интересно, как изменится его жизнь, когда они с Региной поселятся вместе? Каким будет их общий дом? Впрочем, какая разница? Главное — он не мог представить себе будущую жену стоящей у плиты или с пылесосом наперевес, и это его откровенно радовало.

Он вспомнил Таню, ее мучительные усилия создать домашний уют... Мучительные потому, что ему ничего такого никогда не хотелось. Ничего того, что она пыталась ему навязать. Ему не нужны были ежедневные совместные ужины и яблочные оладьи по выходным, запланированный театр и сусальные поездки в Подмоскowie. Поэтому он ей ничем не помогал, и она билась одна над тем, чтобы их совместная жизнь хотя бы приблизительно была похожа на семейную. Как она ее себе представляла, конечно. Виктору же гораздо больше импонировала иная реальность — с напряженным рабочим графиком, когда встречаться удается урывками, с непредвиденными разлуками и сумасшедшими вечерами в шумных компаниях, с ужинами в шикарных ресторанах или, наоборот, в богом забытых забегаловках.

Когда он все знает наперед, ему невыносимо скучно. Может быть, когда-нибудь потом, когда он станет старше, остепенится и успокоится, обустроенный семейный быт покажется ему прекрасным и трогательным... Но сейчас Виктору нужны были темп и реальность, полная событий и чувств. А чувства — это Регина. Чувства, неожиданности, непредвиденные

повороты...

— У меня новость, которая не может оставить тебя равнодушным, — объявил Олег, стремительно входя в кабинет Виктора. — Таня ждет нас в «Валгалле».

— Почему именно там? Это ты ее надоумил? — Виктор хмуро посмотрел на друга.

— Ничего подобного. Она позвонила мне уже из ресторана. На заднем плане играла музыка.

— Регина сегодня поет, — ответил на его невысказанный вопрос Виктор. — Ты Тане уже о ней говорил?

— Нет, не говорил. Но очень надеюсь, что ты сам скажешь. Когда-нибудь ведь нужно сказать. Почему не сегодня? — Он немного подумал и добавил: — Если, конечно, твои серьезные намерения по-прежнему серьезны.

— А что это ты вдруг засомневался? — язвительно спросил Виктор.

Он немного опасался, что до сослуживцев каким-нибудь образом дойдут слухи об их с Региной размолвках. Кто-то что-то слышал, кто-то что-то видел... Коллеги гораздо пронырливее, чем можно себе вообразить. Никто не спорит — у них прекрасный дружный коллектив, но когда дело касается чужого грязного белья, обязательно находится личность, готовая его перетряхнуть.

— Чего мне в тебе сомневаться? Это же не я за тебя замуж собираюсь, — хмыкнул Олег. — Ну, чего ты стоишь? Пойдем, Таня ждет.

Они почти рысцой добежали до ресторана. Это была детская привычка: если Таня ждала, оба спешили как на пожар.

— Вообще-то я сегодня не в настроении предаваться воспоминаниям, — сообщил Виктор, сайгаком перескакивая через очередную лужу.

— Твое настроение больше в расчет не принимается, — бросил Олег, успешно повторив его трюк. — Думаешь, я не знаю, чего ты упираешься? Тебе стыдно перед Таней за то, что ты ее так нагло бросил, вот и все. А ты у нас привык чувствовать себя безупречным. Вот и пытаешься ускользнуть. Чертов слабак!

— Да ладно, чего ты меня отчитываешь? Я ведь иду.

— Конечно, идешь. Потому что знаешь, что в ином случае я притащу тебя за шиворот.

Они вошли в ресторан, сразу же окунувшись в тягучую музыку и жаркий воздух, пропитанный специями. Длинная жалоба блюзовой гармонике, густой шмелиный гул над головами посетителей, набившихся в ресторан, аромат мяса, зажаренного на гриле, звон бокалов — все это было знакомым и приятно расслабляло.

Таня сидела в самом центре зала, за люксовым столиком, который нужно было заказывать заранее. «Нет, не случайно она оказалась именно здесь. Наверняка все распланировала заранее, — подумал Олег. — Может быть, Доминик после дня рождения Наташи все же проговорился? Хотя нет, на него это не похоже. Сообщить приятную новость — это одно, а чтобы откровенно расстроить человека — совсем другое. Или это кто-нибудь из девчонок насплетничал про Регину? Просто трудно поверить, что Таня оказалась в «Валгалле»

благодаря стечению обстоятельств. С другой стороны, в жизни и не такое бывает. Игра случая — это пятый туз, который Господь бог приберегает в рукаве, чтобы щелкнуть по носу того, кто все время выигрывает».

В тот момент, когда друзья подходили к столику, очередная песня закончилась, и Таня вместе со всеми зааплодировала певице. Она улыбалась легкой улыбкой, которая словно парила возле ее губ. «И этому она тоже научилась в Париже, — подумал Олег. — Только я один в этой жизни ничему не могу научиться».

Несмотря на обещание, данное матери, несмотря на страшные клятвы, данные самому себе, не было ни дня, чтобы он не думал о Тане. И не страдал. Она словно выросла в его сердце, и с этим ничего нельзя было поделать.

— А вот и мои верные рыцари! — воскликнула Таня, отложив в сторону салфетку. — Сразу вспомнились старые времена.

— Ты еще скажи, что мы тоже стали старыми, — проворчал Виктор, усаживаясь напротив. Потом повел бровью и без перехода спросил: — Ну, и как тебе моя невеста?

— Какая невеста? — продолжая по инерции улыбаться, удивилась Таня.

— Регина, — ответил Виктор раздраженно. — Певица. Певица Регина — моя невеста. Фу, черт! Так волнуешь, как будто знакомлю одноклассницу со своей мамочкой.

Таня перевела непонимающий взгляд с Виктора на Олега. Его сердце сжалось от сочувствия. И гнева! Почему Таня продолжает любить Витьку? Витьку, который бессовестно ее бросил, который изменял ей направо и налево, который так и не сделал ей предложение... И который теперь проворачивает нож в ее кровоточащей ране!

— Тань, ты случайно выбрала именно этот ресторан? — поинтересовался он, не сводя с нее глаз.

— Совершенно случайно, — растерянно ответила она. — Вернее, мне посоветовали...

— Певицу, которая тебе так понравилась, зовут Регина. Именно на ней наш Потапов собирается жениться.

— С каких это пор я превратился в «вашего Потапова»?! — возмутился «виновник торжества».

— С тех пор, как в детском саду мы приняли тебя в свою компанию, — отрезал Олег. — Другие дети били тебя совком по голове, и нам пришлось за тебя заступаться. Я так и знал, что ты ответишь нам за это черной неблагодарностью.

Олег говорил еще какие-то глупости, давая Тане возможность прийти в себя и с достоинством выйти из положения. Надо отдать ей должное: она довольно быстро взяла себя в руки.

— Она очень красивая, — Таня посмотрела на сцену и взяла в руки бокал. — Предлагаю выпить за ваше счастье.

— Не слышу в твоем голосе искренности, — проворчал Виктор. — Понимаю, ты ошарашена... Но ты ведь не думала, что я больше никогда не женюсь?

— «Больше никогда не женюсь»? — приподняла брови Таня. — А ты и не был женат. Уж на мне

точно, я бы запомнила.

— Не понимаю, почему вы оба постоянно иронизируете, — насупился Виктор.

— А я не понимаю, почему ты во всем ищешь подвох, — в тон ему ответила Таня. — Я просто пожелала тебе счастья, а ты немедленно уличил меня в неискренности.

Олег, который с самого начала примерял на себя роль миротворца и намеревался не дать этим двоим устроить сцену, неожиданно передумал и демонстративно сложил руки на груди. Пусть уж лучше они сразу выскажут друг другу все, что наболело!

— Женщина, которую бросили, превращается в опаснейшее существо, — заявил Виктор, нервно разжевав сухарик. Ваза с сухариками стояла на столе прямо перед ним. — Я же вижу, как у тебя горят глаза. Как у Фантомаса.

— Очень поэтичное сравнение, — фыркнула Таня. — Обещаю, я буду паинькой и не испорчу твоей невесте сценический костюм.

— Раньше ты всегда лезла драться, когда что-то было не по тебе! — с обидой напомнил Виктор.

— С тех пор я чуточку подросла и совсем чуточку поумнела. — Таня посмотрела на Олега и добавила: — Кроме того, рядом сидит наш сильный и справедливый друг. Если я вдруг сорвусь, он не даст вас с Региной в обиду.

— Можешь смеяться сколько твоей душе угодно, — сказал Виктор. — Но я точно знаю, что ты ей завидуешь. И ненавидишь ее! Потому что я потерял от нее голову.

Таня посмотрела на него с нескрываемой насмешкой.

— Приятно, черт побери, когда от любви пьянеет мужчина, трезво глядящий на мир!

— А теперь давайте закажем что-нибудь съедобное, — не выдержав, вмешался наконец Олег. — Впрочем, если вам нравится препираться на голодный желудок...

— Мы больше не будем, — пообещала Таня.

Удивительное дело! Олег мог бы поклясться, что она не слишком сильно расстроена. Неужели он разучился читать по ее лицу? Или она действительно столь сильно изменилась, что ее реакции теперь невозможно предугадать?

Таня тем временем удивлялась сама себе. Господи, и почему это она раньше никогда не замечала, какой Потапов на самом деле самодовольный и нахальный тип?! Его нахрапистость она всегда принимала за смелость и отвагу, откровенную наглость — за внутреннюю силу, а обидчивость — за чувство собственного достоинства. Конечно, она все это готова ему простить ради прошлого, но вот восхищаться...

Возможно, прежде она видела не самого Потапова во плоти, а всего лишь его отражение в волшебном зеркале дружбы? А сейчас, после того как рухнули их отношения, зеркало треснуло и романтический флер померк? Сейчас напротив нее сидел вполне состоявшийся самоуверенный мужчина, который искренне считал, что мир создан лишь для того, чтобы расстилаться у его ног. Ему должно принадлежать все лучшее, что может предложить жизнь, в том числе — лучшие женщины. Если что-то переставало его устраивать — отношения, например! — он безжалостно и бездумно перешагивал через них и двигался дальше, к новым

победам и новым удовольствиям.

Тем временем Регина запела «Wang Dang Doodle», и завсегдатаи ресторана бурно зааплодировали. Олег тоже начал хлопать, всем корпусом развернувшись к сцене. Его Таня тоже увидела сегодня словно в первый раз. Почему она никогда прежде не замечала, какой у Олега благородный профиль? А глаза? У него удивительные глаза. Она столько раз в них заглядывала и ничего не видела. Ничего! Она что, была слепой?

Таня сидела и упивалась собственной мудрой печалью, разбирая по косточкам прежнюю себя — глупую, недальновидную и невнимательную. А теперь ее поезд ушел... Олег разлюбил ее окончательно и бесповоротно. Или, может быть, еще есть возможность вскочить в последний вагон?

Она пытливо посмотрела на своего некогда верного поклонника. Он ничего не заметил, потому что наблюдал за Региной, плавно двигавшейся по сцене. Таня проследила за его взглядом. Эх, да разве может она сравниться с этой сладкоголосой сиреной, чье обволакивающее пение заставляет представителей сильного пола забывать обо всем на свете? Эта женщина — искусительница, и у нормального мужчины нет ни одного шанса перед ней устоять.

В этот момент Регина как раз завершила свою композицию, и зал взорвался овациями.

— Потрясающая песня, — пробормотал Олег, схватив стакан с минералкой и сделав несколько быстрых глотков. — И не менее потрясающее исполнение.

«Надо же, как его проняло, — уныло подумала Таня. — А я? Разве я могу тягаться с этой Региной? На ее фоне я выгляжу просто жалко. Внешне-то я, конечно, изменилась... Но все это такая ерунда! Мой новый облик — это всего лишь свежая фишка, я приобрела его, как иные приобретают хорошие манеры. А по сути, я осталась прежней Танькой Волгиной — порывистой и неугомонной, откровенной в проявлении чувств».

Чтобы совсем не раскиснуть, она решила проветриться. Поднялась со своего места и, мило улыбнувшись, сказала:

— Надеюсь, вы меня извините. Я на секундочку — только припудрю носик.

— Совсем офранцузилась, — ухмыльнулся Виктор. — Раньше ты говорила просто: «Мне надо в туалет».

— Пошел к черту, — бросила Таня, продолжая очаровательно улыбаться. После чего быстро ушла, цокая каблучками.

Не успела она исчезнуть из виду, как Виктор тоже вскочил.

— А ты куда? — спросил Олег. — На твой гигантский нос никакой пудры не хватит.

— Очень смешно. Регина уже заканчивает программу, я сбегаю за цветами. Она сегодня так пела! Надо было сразу купить, по дороге, но ты подгонял меня, как пастушья собака.

С этими словами Виктор вскочил и исчез из виду. Сидеть за столиком в одиночестве Олегу было скучно, и он решил немного размять ноги — встал и направился к занавеске, за которой то и дело исчезали официанты. За занавеской был длинный коридор, и по этому коридору ему навстречу спешила Регина. Она уже успела снять свое шелковое концертное платье, но макияж все еще был ярким, а жирно подведенные глаза слегка поплыли.

— Кто эта девушка? — еще издали спросила Регина, с тревогой вглядываясь в лицо Олега. — Та, что сидит с вами за столиком?

— Это Таня Волгина, — ответил Олег, удивляясь, как это Регина ухитрилась со сцены почувствовать исходившую от Тани угрозу. Ему-то казалось, что, поглощенная своим пением, она не обращала внимания на зал, и на их столик в том числе.

— А где же Виктор? — напряженным голосом продолжала допытываться Регина.

— Убежал покупать тебе цветы. — Олег был рад, что не пришлось ничего сочинять.

Регина тревожно сдвинула брови и спросила:

— Ты уже рассказал ему о нас?

— Нет. Еще нет. Понимаешь...

Он не успел закончить фразу, потому что в этот момент увидел Таню. Она как раз вышла из дамской комнаты и проходила мимо. И, очевидно, слышала их разговор, это было ясно по ее напряженному взгляду. Разминуться в узком коридоре было совершенно невозможно, и Олегу ничего не оставалось, как изобразить оживление и представить девушек друг другу.

— Таня, познакомься, это Регина. Регина! Это Таня.

— Очень приятно, — сказала Таня и, поколебавшись, протянула руку для приветствия.

— Мне тоже приятно, — нервно ответила Регина.

Было очевидно, что Виктор достаточно много рассказал ей о Тани Волгиной, чтобы девушка рассматривала ее как реальную угрозу своему будущему счастью.

— Регина, мы ждем тебя за столиком. Как только будешь готова, приходи, хорошо? — постарался разрядить обстановку Олег.

— Разумеется, — кивнула певица и чуть ли не бегом бросилась обратно в свою гримерку.

Тогда Олег взял Таню под руку и повел в зал. Локоть ее был шелковым и горячим, Олег чувствовал, что через этот локоть в него будто вливается знакомое тепло. От Тани пахло ее любимыми духами. Он никогда не знал их названия, но они ему всегда ужасно нравились. Неожиданно Олег вспомнил, как однажды, когда он похвалил их чудесный запах, Таня сказала: «В их сердце — ирис и серая амбра». Это прозвучало очень красиво, но тут вмешался Витька и все испортил. Он заявил, что когда женщина охотится на мужчину, она выделяет ядовитые вещества. И чтобы их замаскировать, использует духи и косметику. Витька никогда не погружался в тонкости отношений и считал дураками тех мужчин, которые погружались.

Олег, конечно, осознавал, что Таня слышала их с Региной диалог. И не сомневался в том, что она все неправильно поняла. Однако у него не было никакого желания пускаться в пространные объяснения. Пусть думает что хочет! Он дал себе слово не заикливаться на Тани, не жертвовать ради нее своим настроением, перестроить свое сознание. Видеть перед собой не только прекрасную Таню Волгину, но и не менее прекрасный окружающий мир.

Таня же, разумеется, решила, что у Олега и Регины роман. Интрижка, которую они закрутили за спиной Потапова. Ну а как еще можно было интерпретировать их диалог?! «Ты уже

рассказал ему о нас?» — спросила певица. «Нет. Еще нет. Понимаешь...» — ответил Олег. Это «понимаешь» прозвучало, словно жалкое оправдание. Оправдание его бездействия!

Таню внезапно охватила досада. Ей захотелось высказать Олегу все, что накопилось у нее на душе. Если бы он не был таким бездейственным, их отношения сложились бы иначе! Если бы он, а не Виктор, ринулся в атаку, желая завоевать ее сердце! Если бы он сказал ей все те слова, которые она читала в его глазах!

Таня точно знала, что когда она переехала к Витьке, Олег едва с ума не сошел от ревности. И что он делает сейчас? Он повторяет ту же ошибку! Влюбившись в Регину, он не желает за нее бороться, уступая первенство все тому же Витьке! «Не навреди лучшему другу!» — вот его девиз.

Неожиданно для себя Таня рассердилась.

«Какого черта, Олег! — воскликнула она про себя. — Нельзя же быть таким бесхребетным. Ты собираешься поступить с Региной точно так же, как когда-то поступил со мной? Но твоя жертвенность нелепа! За свою любовь надо бороться — это же прописная истина. Которую ты, к сожалению, так до сих пор и не постиг!»

* * *

— Господи, Зоя, что я натворила! — вскричала Таня, подлетая к подруге, которая сидела за столиком в небольшом уютном кафе. — Я хотела во что бы то ни стало заполучить Виктора, рассчитывала поразить его воображение и ради этого затеяла одну авантюру... А теперь, когда поняла, что Виктор мне сто лет не нужен, дать обратный ход делу я уже не могу!

— Ради бога, не кричи, — попросила Зоя, отправляя в рот ложку шоколадного крема. — Так что ты натворила?

— Перестань есть и выслушай меня! — прошипела Таня, попытавшись отнять у подруги ложку.

— Отдай! — возмутилась та. — Это моя работа.

— Ничего себе работа! Ты уже с трудом языком ворочаешь, — сердито сказала Таня. — Раз, два, три... Шесть пустых креманок. Ты спятила. У тебя случится ожирение печени.

— Не случится, — ответила Зоя упрямо. — Я должна выбрать лучший десерт и написать о нем статью. Это требует вдумчивости.

Они находились в кафе, которое было закрыто для посетителей. Из кухни доносился волнующий запах кофе. При других обстоятельствах Таня ни за что не упустила бы возможности отведать божественный напиток, но сейчас ее мысли были заняты совершенно другим.

— Зоя, я твоя лучшая подруга!

— Да, но ты не платишь мне зарплату, — проворчала та, вращая ложку теперь уже во взбитых сливках. — Там внутри должны быть орешки. Важно знать, какие они. Кедровые? Или, может быть, миндальная стружка?

И она отправила в рот очередную порцию десерта.

— Зоя, прекрати поглощать сладкое, — угрожающим тоном сказала Таня. И, вспомнив о том, что подруга только что потратила целое состояние на игривый комплект нижнего белья от Agent Provocateur, коварно добавила: — Иначе тебе придется покупать новые трусы.

Ложка со взбитыми сливками застыла на полпути к раскрытому рту.

— Костик! — неожиданно завопила Зоя, обращаясь к нарядной люстре. — Свари нам по чашке кофе!

— Без сахара!!! — еще громче крикнула Таня, тоже посмотрев на люстру.

Люстра не шелохнулась, зато из кухни немедленно донеслось:

— Сейчас, мамочка!

— Мамочка?! — захохотала Таня. — Я от тебя сдохну, Зойка! Только не говори мне, что ты снова втюрилась.

— Он помощник повара, — понизив голос, сказала подруга с многозначительным видом.

— Поваренок, значит? — Таня отодвинула стул с витой спинкой и плюхнулась на него. — Неужели Стасик опять впал в немилость?

— Он уехал в командировку, — повела бровью Зоя. — На два месяца. Хотя вполне мог бы увильнуть. Так что вот ему наказание. Ладно, я готова тебя выслушать. Начинай.

Она с неожиданным отвращением посмотрела на недоеденные сливки с раскисшей клубничинной внутри.

— Ты ведь лучше всех знаешь, как я надеялась снова охмурить Виктора, — быстро заговорила Таня.

— Конечно, знаю. Мне ли не знать? — патетически воскликнула Зоя. — И что? Ты вроде бы что-то такое придумала?

— Да, я придумала план. Он связан, видишь ли, с фотографиями...

— Очень любопытно. А почему ты не хочешь рассказать мне все толком? От начала и до конца? Что за план и почему ты так дергаешься?

— Господи, потому что мне стыдно! — простионала Таня и уронила голову на руки. — Скоро этот план должен осуществиться, а я уже не хочу. И остановить ничего не могу. В это дело вложены деньги... Зоя, что мне делать?!

— Ничего не делать, — уверенно ответила та. — Пусть все идет своим чередом. Иной раз, когда попадаешь в серьезную передрыгу, нужно просто отпустить ситуацию и позволить событиям развиваться так, как им хочется.

— Но когда все откроется, я буду выглядеть полной дурой! Виктор меня никогда не простит.

— А зачем тебе его прощение? Вряд ли невеста позволит ему дружить с тобой до свадьбы. А уж после свадьбы, превратившись в жену, она вообще огородит от тебя Виктора колючей проволокой.

— Да он и сам не горит со мной дружить, — призналась Таня.

— Вот. Значит, он отрезанный ломоть. Так что просто забудь о нем, идет?

— Ты ничего не понимаешь! Сейчас меня волнует не он, а Олег.

— Олег тоже для тебя — отрезанный ломоть, — напомнила Зоя. — Ты сама сказала, что у него роман с невестой Виктора. Так что все пути для тебя закрыты. Надеюсь, ты понимаешь, что профукала свое счастье?

— Спасибо тебе на добром слове, — не без иронии ответила Таня. — Кто еще скажет правду в глаза, как не лучшая подруга?

В этот момент раздались тяжелые шаги, и в зал вошел огромный мужик с черной бородищей.

— Здравствуйте! — поздоровался он с Таней и немедленно обратил свой взор на «мамочку». — Вот тебе, сокровище мое, кофе! Без сахара, как ты просила.

— Это она просила, — проворчала Зоя, покосившись на остолбеневшую подругу. — Впрочем, ладно, Костик. Пусть будет без сахара. Заодно похудею.

— Ни-ни-ни! — воскликнул Костик испуганно и процитировал: — «Та плоть, которая сладка, всегда обширна и мягка!»

— Обширна! — повторила потрясенная Зоя. — Даже не знаю, как к этому относиться.

— Как к комплименту, — заверила ее Таня, когда «поваренок» удалился на кухню. — Теперь понятно, кто тебя нашпиговывает взбитыми сливками. Надо же, какая ты, оказывается, вертихвостка!

— От вертихвостки слышу, — тотчас парировала Зоя. — Одного она разлюбила, другого полюбила... Не понимаю я, чего ты теперь хочешь.

— Я хочу отомстить Виктору! — со страстью в голосе ответила Таня.

— Ого, какая мрачная решимость. Ты сейчас похожа на Клинта Иствуда в роли Грязного Гарри. Прямо аж мурашки по коже. И как ты собираешься ему мстить?

— Помогу Олегу отбить у него Регину.

— Господи, никогда не знаешь заранее, что придет тебе в голову. Сдался тебе Олег с его проблемами.

— Мне его ужасно жалко, Зоя! В свое время он такого дурака сваял, когда не попытался меня завоевать.

— Да, прошляпил девушку, ничего не могу сказать.

— И с Региной та же история. Почему-то он считает, что Виктор ее достоин, а сам он — нет. Он даже не пытается ввязаться в драку, понимаешь? Он любит, и любит искренне, но не борется за свою любовь. Снова покорно отступает в сторону.

— И ты хочешь силой заставить его драться?

— Почему бы и нет?

— А ты уверена, что он потом скажет тебе спасибо? — На лице Зои явственно читались сомнения.

— Если он в результате получит Регину — да, скажет. Это женщина мечты, поверь мне.

— М-да... Пока что я склонна поверить в то, что к Олегу ты действительно прониклась. Не всякая женщина из любви к мужчине способна совершить такой идиотский поступок. То есть заняться устройством его личного счастья с другой девушкой.

— А ты считаешь, я должна смотреть, как мой лучший друг пропадает?

— Ты смотрела, как он пропадает, много лет, — пожала плечами Зоя. — Если ты такая отзывчивая, почему в свое время проигнорировала его чувства?

— Потому что он эти свои чувства никак не проявлял.

— Врешь! — возмутилась Зоя. — Ты же догадалась, что он тебя любит. Значит, все-таки проявлял.

— Он проявлял невольно! А мне хотелось, чтобы все было как в кино.

— Вот ты и получила — как в кино, — злорадно констатировала Зоя. — Теперь не жалуйся. А что, эта Регина действительно такая вся из себя офигительная, как ты говоришь?

— Лучше, чем ты можешь себе вообразить, — мрачно проворчала Таня.

Зоя некоторое время молча пила кофе, после чего внимательно посмотрела на подругу.

— А тебе не жалко отдавать Олега какой-то там Регине? В конце концов, он всю жизнь был твоим поклонником. У тебя на него есть все права!

— Нет у меня никаких прав, — с горечью возразила Таня. — Единственное, что я могу, — это получать удовольствие от нашей дружбы. Господи, и почему я была такой самоуверенной, такой эгоистичной, подлой стервой? И мырой!

— Ругай, ругай себя. Самобичевание очищает душу, как клизма.

— Пышное сравнение! — Таня схватила чайную ложку, придвинула к себе креманку и быстро доела растаявшее мороженое.

— Я тебя просто не узнаю! — сердито воскликнула Зоя. — Немедленно возьми себя в руки. Где твой оптимизм? И вообще давай разберемся. Узнав, что Виктор влюбился в другую женщину, ты решила во что бы то ни стало его вернуть. В процессе выяснилось, что Олег тоже влюбился в другую женщину. И его ты тоже решила вернуть. И тоже во что бы то ни стало. Я правильно излагаю?

— Да, — подтвердила Таня, облизав ложку. — Правильно.

— Так ты просто хочешь восстановить статус-кво или все-таки один из двух друзей тебе небезразличен? — продолжала насесть Зоя. — И не строй мне рожи! Это очень важный вопрос.

— С этим важным вопросом я как-нибудь разберусь сама! — выпалила Таня. На ее щеках появился предательский румянец.

— А чего ты тогда ко мне приходила? — проворчала Зоя. — Помешала мне писать статью.

— Прерванный мной процесс больше походил на обжорство, чем на писание статьи, — съехидничала Таня. — А приходила я потому, что хотела поплакаться.

— Ну что ж... Надеюсь, тебе стало легче.

— Невообразимо, — пробормотала Таня. — Ты всегда так утешаешь, что хочется выдать тебе диплом психотерапевта.

* * *

Как человек, профессионально выступающий на сцене, Регина обладала способностью физически ощущать взгляды, устремленные на нее из зала. Восхищенные, доброжелательные, чувственные, безразличные... Она улавливала исходящие от людей импульсы, как хороший локатор улавливает колебания контролируемого воздушного пространства.

Сегодня у нее, как назло, болела голова — над городом повисли черные тучи, погода резко менялась, надвигалась гроза. Настроение и так было неважное, а тут еще мрачная атмосфера за окнами.

Злой, сверлящий взгляд Регина впервые почувствовала в конце первого отделения, когда исполняла свою любимую «I Guess I Loved You» из репертуара Лары Фабиан. Она немного удивилась — откуда такой сгусток ненависти? Но решила не придавать этому значения. Мало ли! Ну, не в духе человек, репертуар не нравится. Кому-то ведь шансон подавай, без тюремного надрыва отдыха себе не мыслит.

Однако все второе отделение, вплоть до окончания выступления, недобрый взгляд продолжал преследовать ее. Такое случилось впервые, и Регина вдруг почувствовала тревогу. Она попыталась определить, кто это так против нее настроен. Однако ресторанный зал был полон, за несколькими столиками шумели большие компании, на танцполе до последнего аккорда было многолюдно, и понять, от кого исходит столь мощный негатив, ей не удалось.

Выслушав аплодисменты и кивнув на прощание музыкантам, Регина отправилась в гримерку.

— Ты, детка, должна хорошенько отдохнуть, — потряхнув густой седой шевелюрой, негромко сказал ей вслед Давид Горенштейн, руководитель коллектива. — Завтра Олеся поет, так что используй выходной по назначению. Выспись, покушай хорошо, погуляй в парке... А то ходишь как бледная тень. Скоро не то что выступить — на подиум взойти не сможешь.

В его голосе слышались заботливые отцовские интонации, и неудивительно — у Давида было три дочери, и младшая из них как раз ровесница Регины.

— Постараюсь, — она слабо улыбнулась. Сейчас ей хотелось только одного — переодеться и скорее уехать домой. А уж там как-нибудь избавиться от изнуряющей головной боли и внезапно возникшего безотчетного чувства тревоги. «Видимо, нервы сдают, — думала Регина, сидя перед зеркалом и смывая макияж. — Ерунда всякая мерещится. Надо бы отпроситься на недельку и махнуть с Виктором куда-нибудь к теплому морю. Туда, где нет черных туч, смога, автомобильных пробок и озлобленных людей. А то я скоро от собственной тени шараться стану».

В этот момент дверь за ее спиной скрипнула и стала потихоньку открываться. Регина посмотрела в зеркало — кто это лезет так бесцеремонно, без стука? Однако никого не было видно, хотя на противоположной стене нарисовалась тень — за дверью кто-то стоял.

Почувствовав, как по спине пробежал неприятный холодок, Регина громко крикнула:

— Эй, кто там? Либо войдите, либо закройте дверь!

Однако никто не откликнулся, раздалось лишь тяжелое мрачное сопение. «Если это молчание продлится еще немного, я закричу, — испуганно подумала Регина. — Или мне станет плохо».

— Сейчас вызову охрану! — дрожащим голосом сообщила она прищельцу. Говорила она громко, чтобы прогнать собственный страх.

В ответ раздалось странные звуки, словно скребли когтями по металлу. Затем дверь наконец распахнулась и на пороге возникла могучая дама в черном плаще и черной шляпке, будто сошедшей со страниц журнала мод середины минувшего столетия. В руках у дамы был здоровый красный огнетушитель.

— У нас пожар? — испуганно вскрикнула Регина и вскочила на ноги. — Где? В зале, на кухне?!

Она тут же вспомнила недавнее происшествие на работе у Виктора и подумала, что надо срочно бежать на улицу. Однако в коридоре было тихо, следов паники не наблюдалось и люди в касках не тащили по коридору толстые шланги.

Дама в черном открыла рот, однако ничего не произнесла, лишь щелкнула зубами. Похожая на шкаф, застрявший в дверном проеме, она в упор смотрела на девушку. По крайней мере, той показалось, что именно в упор. Разглядеть ее лицо мешала низко надвинутая на лоб шляпка.

— Если вы из пожарной инспекции, — дрожащим голосом сказала уже до смерти перепуганная Регина, — то вам надо пройти дальше, в кабинет администратора ресторана. Третья дверь направо.

Она говорила всякую чушь, лишь бы не молчать. После этих ее слов лицо дамы стало пунцовым и по цвету почти сравнялось с огнетушителем, который она держала наперевес, как автомат Калашникова.

Регина, которая изо всех сил всматривалась в нежданную гостью, вдруг поняла, что та кажется ей невероятно знакомой... «Господи, да кто же это?! Нет, не может быть! Какая же я дура, могла бы по фигуре догадаться!»

— Это вы?! — воскликнула она вслух. — Что вам здесь надо?! Столько лет прошло, и вы снова явились?

— Да, я явилась! — неожиданно тонким визгливым голосом заявила корпулентная дама. — Что глазки-то забегали? Распутница! Опять решила на Владлена охоту открыть?

Владлен Леопольдович Голосовский был профессором консерватории, в которой Регина училась по классу вокала. Когда его жена Марта пронюхала о том, что у супруга роман с хорошенькой студенткой, она приложила все силы, чтобы сломать девушке певческую карьеру. Марта начала настоящую войну против Регины, и ту, в конце концов, отчислили-таки из консерватории. Уничтожив соперницу и вернув заблудшего супруга в лоно семьи, Голосовская, казалось, навсегда исчезла из жизни Регины. Какие же чрезвычайные обстоятельства вызвали

из небытия этот призрак прошлого?

— Не кричите, пожалуйста, — дрожащим голосом сказала девушка. Огнетушитель в руках Марты ей активно не нравился. — Я вас не узнала. Но когда вы стали орать, сразу вспомнила. И теперь хочу сказать — уходите отсюда немедленно. Иначе я действительно вызову охрану, а она с вами церемониться не станет. Это не консерватория, где вы с вашим мужем любите хозяйничать. Скандальте на своих педагогических советах. Здесь частное заведение, где скандалисты не приветствуются.

— Ты мне своими бандитами угрожаешь? — крикнула Голосовская. — Я сейчас тебя приведу в чувство, будешь знать, как чужих мужей совращать!

— Он что, мальчик пятнадцатилетний, что я его совратила? Если хотите знать, так это он меня совратил. Супруг вам ничего такого не рассказывал?

Регина немного успокоилась. Если бы Голосовская хотела напасть, она сделала бы это сразу. Вероятно, огнетушитель нужен был ей всего лишь для устрашения. Или для защиты. Так, на всякий пожарный.

— Не позволю всяким драным кошкам клепать на заслуженного деятеля культуры! — заявила Марта визгливым голосом.

— Да вы сами у него поинтересуйтесь, — усмехнулась Регина. — Дело прошлое, глядишь, изложит подробности, греясь у семейного очага.

— Прошлое? — задохнулась в праведном гневе Голосовская. — А ваши новые свидания в этом гнусном кабаке? Бесстыжие поцелуи взасос?

— Вы с ума сошли? Я не видела Владлена Леопольдовича с тех самых пор, как покинула консерваторию. То есть уже больше шести лет. У вас галлюцинации?

— Нету у меня никаких галлюцинаций! У меня в руках доказательства!

— Огнетушитель? — иронически приподняла брови Регина. — И что он доказывает?

— Смейся, смейся! Потом придется поплакать. Сейчас ты у меня получишь!

И Марта Голосовская грозно потрясла перед собой увесистым красным баллоном.

— Поставьте его лучше на место, — посоветовала Регина. — И вообще вы мне не нравитесь. Вы агрессивная и грубая. И я тоже с вами церемониться не стану. Отправляйтесь восвояси. И лучше — прямо сейчас.

— Регина, — раздался из коридора голос Вадима, одного из охранников, дежуривших в этот день в ресторане. — Что тут за шум? Эта женщина к тебе?

— Нет, она ошиблась дверью. Зашла вернуть огнетушитель, брала на днях взаймы, когда ее «Запорожец» мальчишки подожгли. Покажи ей, куда поставить агрегат, и проводи к выходу, хорошо? А то она ужасно торопится.

* * *

Когда тяжелый топот Голосовской затих вдаль, Регина без сил рухнула в кресло. Минут пять она сидела неподвижно, пытаясь восстановить дыхание, привести мысли в порядок и

сообразить, что это было.

Регина разорвала отношения с профессором Голосовским шесть лет назад. Жестко, раз и навсегда. Владлен Леопольдович звонил, клялся в любви, вымаливал прощение, обещал покончить жизнь самоубийством. Однако ее чувства умерли в тот день, когда он ее предал и трусливо отдал на растерзание своей жене. С этого момента бывший любовник стал Регине противен, и она без колебаний вычеркнула его из своей жизни.

— Ты сделал выбор, — сказала напоследок Регина. — Не пощадил ни меня, ни наши отношения. Зато спас карьеру и семью. Вот и живи теперь с этим, а про меня забудь.

В итоге Голосовский отстал, растворившись в тумане прошлого.

Решив больше не мучить себя неприятными воспоминаниями, Регина быстро переделалась, схватила сумочку и выскочила из ресторана. Скорее, скорее домой. Заварить чай, лечь на диван, включить телевизор и по возможности успокоиться!

На улице шел довольно сильный дождь, и хотя ее бежевая «Corsa» стояла недалеко, пришлось открывать зонтик. Включив «дворники» и отрегулировав подачу теплого воздуха в салон, Регина вновь задумалась. Интересно, что Марта имела в виду, говоря про новые свидания? Может быть, у нее психическое расстройство? А что — женщина в возрасте, истеричка, страдает избыточным весом и повышенной возбудимостью. Вполне могло случиться. В голове все перемешалось, и вот — результат. Она возобновляет боевые действия на войне, которая давно закончилась.

В этот момент кто-то постучал в боковое стекло со стороны пассажирского сиденья. Регина вздрогнула и повернула голову. Однако из-за темноты и дождя нельзя было понять, кто это, виден был лишь смутный, бесформенный силуэт. Крупный силуэт. Регина на всякий случай быстренько заблокировала дверцы, перекрыв доступ в машину извне.

Настойчивый стук повторился. «Опять Голосовская! — ужаснулась девушка. — Вдруг она сейчас разобьет стекло или подожжет машину? Может, выйти и шмякнуть чем-нибудь по ее сумасшедшей голове, чтобы отстала? Она вот меня пугала огнетушителем. Жалко, у меня такого нет. Впрочем, почему же нет?! Есть!»

Регина вспомнила, что на заднем сиденье уже почти год валяется довольно увесистый автомобильный огнетушитель, приобретенный по случаю последнего техосмотра. Схватив его, девушка выскочила из салона, обежала машину со стороны капота и, подлетев к темной фигуре, крикнула:

— Ну-ка, поглядим, что вы теперь запоете!

Решительно, словно боец из «Звездного десанта», который собирается поразить из бластера гигантского инопланетного паука, она выставила красный баллон раструбом вперед. И... потеряла дар речи. Перед ней с огромным зонтом в руке стоял профессор консерватории и бывший любовник, импозантный Владлен Леопольдович Голосовский. В клетчатом английском кепи и плаще с поднятым воротником.

От неожиданности Регина дернула рукой и нечаянно задела устройство, приводящее грозное средство пожаротушения в действие. Сильная струя белесого порошкообразного вещества ударила в профессорский живот, отчего Голосовский издал неприличный стон. Затем огнетушитель, бившийся в руках Регины как пойманная гадюка, еще пару раз окатил Владлена Леопольдовича пеной с головы до ног. Профессор, который как стоял, так и замер с зонтом в

руках, в одно мгновение стал похож на гигантскую поганку, которую обильно полили взбитыми сливками.

Отбросив в сторону огнетушитель, Регина осторожно приблизилась к Голосовскому.

— Ты как, ничего? — спросила она, испытывая раскаяние.

— Ничего, — проскрипел Владлен Леопольдович, стягивая с головы испорченный кепи. — Честно говоря, я не думал, что после долгой разлуки наша встреча будет столь... бурной!

— Господи, зачем ты пришел? — простонала Регина.

— Мы можем сесть в твою машину? Надо поговорить.

— Только не в таком отвратительном виде, — решительно возразила девушка. — К тому же нам не о чем говорить, я же тебя предупреждала.

— Отвратительный вид устроила мне ты, — обвиняющим тоном заявил Голосовский. — Сюда я прибыл в нормальном виде. А поговорить нам придется.

— Вы с женой сегодня что, сговорились? Программа «Всей семьей на старт»? Сначала она мне истерики закатывала, теперь ты явился. Мне неинтересны ваши проблемы. Все, я уезжаю, а ты под дождем постой, а то тебя в метро не пустят.

— Нет, Регина, не уезжай! — взмолился профессор. — Я не для того приехал, чтобы нервы тебе мотать. Дело чрезвычайно важное! И связано оно с Мартой.

Не слушая возражений, профессор рванул на себя дверцу и нырнул в салон Регининой машины. Ей ничего не оставалось, как присоединиться к нему.

— Ну, что там у тебя? — спросила она, когда они расселись по местам. — Даю тебе три минуты, а потом еду домой.

— Послушай, — не обратив внимания на ее угрозы, заговорил Владлен Леопольдович. — Произошла какая-то ерунда. Сегодня утром я нашел у Марты в сумочке фотографии...

— Ты роешься в сумочке жены?

— Нет, что ты, просто она не вернула мне ключи, и я... В общем, это неважно. Сейчас, погоди, если только они не размокли...

Голосовский стал шарить по карманам пиджака и наконец вытащил небольшой сверток.

— Сейчас, сейчас... Счастье, что я догадался их в целлофановый пакет завернуть, а то бы все пропало. Вот, смотри!

И он дрогнувшей рукой протянул ей пачку фотографий.

* * *

Приехав домой, Регина налила себе не чаю, а рюмку текилы. После общения с супругами Голосовскими головная боль куда-то исчезла. Наверное, ее вытеснил злой азарт. Уж очень захотелось разобраться в той абсурдной истории, которую рассказал профессор.

На фотографиях, найденных в сумочке мадам Голосовской, были запечатлены Владлен Леопольдович и она сама, собственной персоной. Обнимающиеся, целующиеся, нежно держащие друг друга за руку. Это не были сюжеты времен их бурного консерваторского романа — действие происходило в интерьерах ресторана «Валгалла» или поблизости от него. Причем Регина чаще всего была в концертных костюмах, а профессор — в легкомысленных летних рубашках и джинсах. Конечно, снимки эти — чистейшей воды липа. Банальный монтаж, хотя и классно сработанный. По крайней мере, стало ясно, почему появилась Марта Голосовская. А вот кому понадобилось ворошить забытую историю и провоцировать конфликт, оставалось тайной, покрытой мраком.

Подумав, что текила может стимулировать мыслительный процесс, Регина налила себе еще рюмочку. После этого мысли действительно потекли живее. «Не исключено, — думала девушка, — что автор фальшивки — сам Голосовский. Во всяком случае, вел он себя подозрительно».

— Я понял, что Марта может сделать тебе какую-нибудь гадость! — горячился Владлен, сидя в машине. — Следил за ней весь день, хотел удержать ее, защитить тебя...

— И не уследил, — констатировала Регина. — Она ворвалась ко мне в гримерку распушенная, как кошка. Даже когтями скребла. Я сначала испугалась, что она меня покалечит. Мало она шесть лет назад глупостей натворила... Как ты думаешь, чьих это рук дело?

— Понятия не имею! — горячо вскричал профессор. — Я пытался узнать у Марты, где она взяла фотографии, но безуспешно. Слышала бы ты, как она оскорбляла меня.

— Вот бедолага! Ты так и не научился ей противостоять... Но все-таки, согласишься, это ваше дело. Верит Марта фотографиям или нет — меня не волнует. Мы-то оба с тобой знаем, что это провокация. Или чья-то злая шутка. Я про вашу семейку уже и думать забыла. И вот — пожалуйста! Вы появляетесь в полном составе.

— А ведь я тебя не забыл, — сказал Голосовский, окидывая Регину лихорадочным взглядом. — Я по-прежнему люблю тебя! Нет, не по-прежнему. Сильнее, крепче в тысячу раз!

— Владлен, давай без патетики. Насчет любви я тебе все объяснила. Еще шесть лет назад. Теперь хотелось бы хоть что-то выяснить про фотографии. Есть версии?

Версий у Голосовского не оказалось, кроме одной, совершенно дурацкой — что Марта изготовила фальшивку, дабы скомпрометировать его, развестись и оттяпать огромную профессорскую квартиру на Тверской.

— Чушь, — коротко резюмировала Регина. — Она без тебя жизни не мыслит. Какой, к черту, развод? Теперь поезжай домой и разбирайся со своей безумной женой. Я не хочу больше вас обоих видеть и в следующий раз вызову полицию. Или своего приятеля. Он большой любитель конфликтных ситуаций.

Она имела в виду Виктора, но зачем приврала насчет конфликтных ситуаций, и сама не поняла.

Однако Голосовский не дрогнул.

— Я не отступлюсь от тебя, — забормотал он, словно горячечный больной. — Никакие бандиты меня не остановят. Ты — смысл всей моей жизни. Все эти годы я думал о тебе, мечтал, что мы снова будем вместе.

— Никогда, — отрезала Регина. — Не надейся, разжалобить меня не удастся. Давай вылезай из машины.

— Хочешь, я разведусь с Мартой? — Глаза профессора опасно сверкнули. — И женюсь на тебе!

— Нет. Живите дальше в мире и согласии. У меня другие планы.

Дальнейшие стенания, мольбы и даже слезы не помогли. Понурый Голосовский наконец покинул салон автомобиля и скрылся за пеленой дождя.

«Конечно, появление Владлена и его пылкие признания в любви кажутся подозрительными, — рассуждала Регина, расхаживая по квартире. — Однако подобные штучки — не его стиль. Люди, бывает, с годами меняются, но не настолько же! Пытаясь вернуть меня, он мог хитрить, врать, притворяться, давить на жалость. Однако на большую аферу, да еще с применением технических средств, вялый интеллигент Голосовский вряд ли способен».

Непонятным было самое главное: кому, собственно, хотел навредить автор этой замечательной фальшивки — Регине или Владлену? А, может быть, Марте? «Хорошо, допустим, удар был направлен против меня. И кому это нужно — бывшим консерваторским подругам? Ерунда. Кому-то из прежних отвергнутых поклонников — вряд ли, не тот контингент. Кому я вообще могла перейти дорогу? Разве что своей сменщице Олесе?» Олесья пела два раза в неделю, когда у Регины были выходные. Кто-то рассказывал, что эта девушка, приехавшая из маленького городка, где она выступала в караоке-баре для местной братвы, очень завистлива. Кстати, фото Регины в основном сделаны в ресторане, это тоже наводит на размышления.

Так и не придя ни к какому определенному выводу, она приняла очень горячий душ, завершив его ледяным обливанием. Это помогло успокоиться. Больше всего Регина боялась, что ей, в конце концов, придется объясняться с Виктором. После двух последних размолвок обрушить на его голову еще и разборки с бывшим любовником и его женой? Она себе даже представить не могла, какая последует реакция. Виктор не был патологическим ревнивцем, однако испытывать его чувства на прочность не хотелось.

Напряженность ситуации усугублялась еще и тем, что настырный Владлен теперь повадился караулить ее либо у ресторана, либо около дома. Если Виктора рядом не было, он непременно подходил и начинал нудные монологи о своей любви и страсти.

Однажды, подкараулив Регину после работы, он бухнулся перед ней на колени и схватил за руку, намереваясь поцеловать. В тот же самый момент девушка увидела, как за ближайшим деревом сверкнула вспышка. «Телефон или фотоаппарат!» — догадалась она и, оттолкнув Голосовского, бросилась в ту сторону. Однако догнать или же просто рассмотреть неизвестного папарацци ей так и не удалось — тот проворно скрылся за ближайшими ларьками.

Вся эта дурацкая выходка могла означать лишь то, что человек, который изготовил фотографии, не успокоился на достигнутом. Он продолжал плести свою интригу, цель которой по-прежнему оставалась для Регины неясной. Может быть, рассказать Виктору все как есть? Ведь они договорились ничего друг от друга не скрывать. Тогда уж он поговорит с Голосовским по-своему, по-мужски. А заодно и с фотографиями поможет разобраться.

В этом, конечно, был определенный риск. Поразмыслив, Регина решила, что ей нужен совет. И позвонила Олегу Скворцову. Кто, как не лучший друг Виктора, мог помочь ей в трудную минуту? Подсказать, говорить или не говорить жениху правду? Что он об этом думает?

Олег с самого начала будоражил Регинино воображение. Они странным образом

познакомились, в этом знакомстве была и драма, и романтика. Кроме того, Олег почти сразу признался, что Регина ему нравится. Это показалось ей смелым, учитывая обстоятельства... Вероятно, Олега охватила нешуточная страсть, а к мужскому обожанию Регина хоть и привыкла, но все равно относилась с уважением.

И все же, когда во время их первой встречи в больнице она сказала ему: «Мы подружмся», то действительно думала лишь о приятельских отношениях. Ей казалось важным поладить с лучшим другом будущего мужа, только и всего. Однако Олег ее невероятно удивил, довольно быстро и без видимой причины потеряв к ней интерес. «Ну и ладно, — думала она. — Это даже к лучшему — меньше головной боли». Но все же подобная метаморфоза не могла ее не задеть, и советоваться с Олегом она решила не в последнюю очередь потому, что хотела еще раз встретиться с ним тет-а-тет. Ей нужно было убедиться, что он действительно больше не испытывает волнения, когда она рядом. И если так, попытаться понять, с чем это связано. «Было бы мне двадцать два, такого бы не случилось, — огорченно думала она, взвешивая в руке телефонную трубку. — Как бы повести разговор, чтобы он непременно приехал?»

Как она и предполагала, Олег не обрадовался ее предложению встретиться тет-а-тет.

— Если тебе нужно со мной посоветоваться, лучше сделать это по телефону, — сказал он полуофициальным тоном, каким разговаривают любезные консультанты в фирменных магазинах.

Но Регину совет на расстоянии никак не устраивал. Ей страстно захотелось выступить перед Олегом так, как выступают актрисы в театре. Она заранее представляла, как будет ходить по комнате, нервно ломая пальцы, и даже закурит тонкую сигарету, которая хранится в красивой коробке, выложенной хрустящей бумагой. Закурит и тут же закашляется. А Олег посоветует ей поберечь голос и навсегда отказаться от табака. Может быть, даже распахнет окно прямо в промозглый вечер, чтобы ветер выдул из комнаты «всякую дрянь».

— У меня огромные неприятности. И если Виктор о них узнает...

— Какие неприятности? — насторожился Олег.

— Я не могу говорить об этом по телефону, — уперлась Регина. — В двух словах трудно объяснить, что происходит. Так что ты обязательно должен приехать. Кажется, меня втягивают в какую-то аферу. У меня на руках есть улики... То есть вещественные доказательства. Я хочу, чтобы ты на них посмотрел.

Ее сердило, что Олег не поддавался на уговоры. Он нравился ей, она на него рассчитывала... После очередной ссоры с Виктором она даже стала подумывать, не сменить ли ей жениха на его лучшего друга. Олег в ее глазах был благородным рыцарем, а Виктор — варваром-разрушителем. Если что-то шло не так, как он хотел, в нем просыпалась злая энергия, которая очень пугала Регину. А она была существом творческим и весьма хрупким...

— Ты ведь хочешь меня заставить решать твои личные дела за спиной Виктора. Выглядит это не очень хорошо, — продолжал увещевать ее Олег.

— Все это будет выглядеть еще хуже, если Виктор узнает обо всем первым! — возразила Регина. — Ты же знаешь его лучше всех! Вы знакомы всю жизнь. Потом, позже, ты ему все объяснишь. Только помоги мне сначала разобраться во всем самой.

— Неужели у тебя нет подруги, которой ты могла бы излить душу?

— Подруга может всего лишь выразить сочувствие, а мне нужна реальная помощь. Это дело требует мужского подхода!

— Скажу тебе откровенно — мне категорически не нравится, что Виктор ничего не знает о нашем знакомстве. Ты поставила меня в такое положение, что я и рассказать-то ему ничего не могу.

— Я поставила? — Регина ахнула. — По-моему, это именно ты сразу после знакомства привез мне цветы и повел гулять в парк.

Олег вынужден был с ней согласиться. Ему ничего не оставалось, как признать свое поражение. Явственно скрипнув зубами, он сказал, что через пятнадцать минут выезжает.

Да, он действительно планировал отбить Регину у Виктора. Однако рассчитывал сделать это в честном бою. Сначала нужно было рассказать другу о том, как он познакомился с его невестой, а потом уже объявить о своем намерении вступить в борьбу за ее любовь. Однако Регина взяла с него сначала одно честное слово, потом другое... Она опутала их обоих паутиной лжи, выпутаться из которой Олег до сих пор так и не смог.

Кроме того, все чаще он ловил себя на мысли, что ему хочется отказаться от контракта с самим собой, бросить глупую затею с женитьбой и снова обратить свой взор на Таню. Он чувствовал, что в конечном итоге вернется к своей настоящей любви. И испытывал в связи с этим то дикий восторг, то невероятное раскаянье.

Пока он был в пути, Регина бродила по комнате, переставляя вазы с цветами на более выгодные места и то и дело перекладывая диванные подушки. Несколько раз она подходила к большому зеркалу в гостиной, чтобы поправить волосы и подкрасить губы. Конечно, она не была легкомысленной дурой, и компрометирующие фотографии, которые запросто могли оказаться в руках у Виктора, ее действительно здорово взволновали. Однако не меньше волновалась она и по поводу своих женских чар, опасаясь, что они ослабли. Думать так было невыносимо.

На этот раз Олег приехал без цветов. Высокий, худощавый, в небрежно повязанном галстуке, с легкой щетиной на щеках, он выглядел очень привлекательным. Провожая его в комнату и усаживая на диван, Регина надеялась заметить в нем хоть какие-то признаки прежнего мужского волнения, но ничего такого не было и в помине. Олег был сосредоточен и серьезен, к тому же заранее предупредил, что у него мало времени. Он отказался от чая, от домашнего лимонада и даже от чашки вкуснейшего капучино, извергнутого дорожкой немецкой кофемашиной.

— Так что у тебя случилось? — деловито поинтересовался он.

Регина вздохнула и принялась рассказывать. Она поведала ему о своем неудачном консерваторском романе, о внезапном появлении из небытия четы Голосовских, а потом показала отвратительные фотографии, изготовленные неведомым преследователем. В процессе повествования она так разволновалась, что напрочь забыла о своем намерении заламывать руки и вообще хоть как-то рисоваться.

— Ну, как ты считаешь? Стоит мне говорить обо всем этом Виктору? — задала она главный вопрос, который и впрямь волновал ее сейчас больше всего.

— Конечно, стоит, — ответил Олег без тени сомнения. — Вот ты представь — если бы в его жизни случилось нечто подобное, ты бы наверняка хотела быть в курсе. Верно?

Регина промолчала. На самом деле она была в этом не уверена. Родители с детства внушали ей, что проблемы, возникающие в жизни мужчины, тот должен решать сам. Женщине знать о его неприятностях вовсе не обязательно. Она создана лишь для того, чтобы ее любили и баловали.

— А вдруг Виктор опять рассердится на меня? — с сомнением спросила она.

— Что значит — опять? — заинтересовался Олег.

Регина опустила глаза, поерзала на обтянутом искусственной замшей кресле, а потом все же рассказала ему о недавних стычках с Потаповым.

* * *

Тем временем произошло событие, которое при определенном стечении обстоятельств могло взорвать ситуацию. Придя после обеда на работу, Виктор увидел на своем столе письмо. Простой белый конверт с его именем, напечатанным в правом верхнем углу. Лиля сообщила, что доставил его обычный паренек, представившийся посыльным. Вскрыв конверт, Виктор обнаружил там фотографию: Регина, а перед ней какой-то коленапреклоненный пожилой мужчина. Кажется, целует ей руку. Лица этого ловеласа видно не было.

Первым порывом Виктора было вытрясти из Регины всю душу вместе с горькой правдой, а потом, конечно же, набить морду неизвестному типу с фотографии. Но потом он подумал, что в подобной ситуации махать кулаками и надирать глотку — последнее дело.

«Если я сейчас взорвусь и снова обрушу свое негодование на голову Регины, то мы обязательно поссоримся, и тогда уже, возможно, навсегда, — здраво рассудил он. — А вдруг тот, кто прислал мне фотографию, именно на это и рассчитывает?»

Однако не поддаваться эмоциям, которые так и рвались наружу, было непросто. Нервно побегав по кабинету, Виктор решил, что нужно срочно что-то предпринять, чтобы систематизировать мысли и привести чувства в порядок. Для этого существовал проверенный способ. Посмотрев, с собой ли у него клубная карта, Виктор буквально выпрыгнул из кресла.

— Если меня будут спрашивать, я поехал на выставку «Архитектура и дизайн», — на ходу сообщил он секретарше Лиле. — Две недели собирался, а завтра она закрывается. Если понадобится генеральному, то у меня сегодня еще встреча с подрядчиками.

Ни на какую выставку, а тем более к подрядчикам, он, разумеется, не поехал. Через полчаса Виктор парковал машину на площадке перед своим фитнес-клубом, который, по причине загруженности, но чаще — банальной лени, посещал в лучшем случае раз в неделю. Зато сумка со спортивным барахлом всегда валялась у него в багажнике.

Этот простой и весьма эффективный способ борьбы с кризисными ситуациями Виктор изобрел несколько лет назад, когда случайно сделал открытие: во время тренировок, а точнее — бега на тренажерной дорожке, ему отлично думается. Причем думается как-то иначе, не так, как в офисе или дома. Голова становится свежей, мысли — стройными и ясными, суждения — точными. На резиновой дорожке ему не раз удавалось найти решения проблем, которые еще час назад казались неразрешимыми. Ну а если после бега еще и в бассейне поплавать, тогда точно можно было не опасаться неправильных шагов и опрометчивых поступков.

Сегодня первые метры дались ему с трудом, но, постепенно поймав нужный ритм, он отключился от всего внешнего и стал размышлять. Итак, история с фотографией очень

смахивает на провокацию. Человек, который все это организовал, надеялся на вполне определенную реакцию Виктора. Тот должен был взбелениться и сразу же закатить скандал своей неверной невесте. И это означает, во-первых, что у кого-то есть определенный интерес внести разлад в их с Региной союз, а во-вторых, этот «кто-то» очень хорошо осведомлен о взрывном темпераменте Виктора. Этот темперамент и так уже привел его к двум весьма болезненным стычкам с Региной, поэтому третья по счету ссора за такой короткий срок запросто могла завершиться катастрофой. Правда, две ссоры, случившиеся накануне, до сих пор казались Виктору случайными.

«Впрочем, так ли это? — задумался Виктор, продолжая механически перебирать ногами. — Первый раз я набросился на Регину из-за того, что она не рассказала мне о своем брате. Она утаила от меня, что ее брат в тюрьме, и я оскорбился. Кричал, что она мне не доверят, и все такое. Хотя нет, сначала-то я заподозрил, что по средам она встречается с другим мужчиной. Стоп, а откуда я узнал про эти среды? Кажется, Доминик мне сказал. Точно — Доминик Лоран хотел затащить меня в пивную и заявил, что по средам я всегда свободен. Но вот от кого он услышал про эти проклятые среды? Об этом мог знать тот, кто тоже, как и я, следил за Региной. Скорее всего, это тот самый тип, который потом ее фотографировал. Доминик, конечно, тут ни при чем — его просто использовали, чтобы он донес до меня необходимую информацию. А вот это уже интересно! Выходит, наш «Мистер Икс» хорошо знает не только меня, но и Лорана тоже. Так, это уже кое-что. Поехали дальше».

Вторая ссора вышла из-за совершенно непонятной истории с эсэмэской. Кто бы мог ее послать? А позже еще умудрился стереть ее из телефона Регины. Для этого неизвестный должен был сначала находиться в офисе, где он воспользовался мобильником Виктора, а потом быстро переместиться в «Валгаллу», проникнуть в гримерную и удалить это же самое сообщение уже из телефона Регины. Невероятное коварство! Может быть, в этом деле замешаны два человека? Или все-таки один? Одна...

И вдруг Виктора словно обдало жаркой волной. Он вспомнил! Женщина, идущая по коридору их офиса. Женщина, заходящая в кабинет Доминика Лорана. Женщина, которая неожиданно возникла из-за занавески в ресторане. «Фигаро здесь, Фигаро там!» Все это произошло в тот самый день, когда в офисе случился пожар, а потом они с Региной поссорились.

Виктор с силой нажал на кнопку «Стоп», и резиновая дорожка замерла на месте. Он глубоко вздохнул и вытер со лба пот. Кажется, он нашел ответ на вопрос, кто был автором всех трех провокаций, призванных разрушить его отношения с невестой.

* * *

— Витя, по-моему, это не у меня высокая температура, а у тебя, — сухо промолвил Олег, зябко поведя плечами. — Почему ты решил, что это именно Таня? Как тебе вообще такое пришло в голову!

— Я тебе все объяснил — как, что и почему. Не убедил? — с вызовом бросил Виктор.

— Нет. То есть абсолютно. Неужели ты так плохо знаешь Таню? Не могла она этого сделать!

Конечно, выйдя из фитнеса, Потапов сразу набрал номер лучшего друга. Ему не терпелось поделиться с ним сенсационным открытием. Держать эту «ужасную тайну» в себе он был не в силах. К тому же Виктор в глубине души надеялся, что Олег возьмет на себя неизбежное и крайне неприятное объяснение с Таней. Он человек рассудительный и наверняка сможет придумать, как лучше подойти к этой щепетильной проблеме.

Однако оказалось, что Олег затемпературил и собирается ехать домой — болеть.

— Погоди еще немного, — взмолился Виктор, — мне очень надо с тобой повидаться. Я скоро приеду, жди!

Теперь он сидел в кабинете приятеля и выкладывал свои аргументы. Олег выслушал его молча, не перебивая. Доводы Потапова показались ему зыбкими.

— Олег, не упрямясь. Только из-за того, что Таня тебе нравится, нельзя отрицать очевидного, — тоном человека, убеждающего капризного ребенка выпить рыбий жир, сказал Виктор. — Да, когда-то мы оба ее хорошо знали. Но ведь она бог знает сколько жила в другой стране, сильно изменилась. Она вообще могла за это время стать другим человеком. В душу к ней не влезешь.

Олег сосредоточенно молчал, хмуря брови. Рассказ Виктора его расстроил. И не только потому, что Потапов решил свалить всю вину на Таню, и не из-за того, что ему было жаль приятеля. Больше всего огорчало то, что он не может быть с Виктором до конца откровенным. По идее, услышав о его приключениях, Олег должен был немедленно рассказать Потапову о том, что на Регину тоже ведется атака. Объяснить, что та показывала ему полученные от Голосовского фотографии, и теперь он точно знает, что за тип изображен на том единственном снимке, который прислали Виктору. Но Регина снова потребовала от него молчания. Она боялась, что в сложившейся взрывоопасной ситуации их безобидная связь с Олегом может спровоцировать очередной скандал.

Пока Олег обо всем этом думал, Виктор закурил сигарету, выпустил колечко дыма, а потом продолжил:

— Ведь здесь все лепится один к одному. Она возвращается из Парижа, полная надежд выйти замуж. Но я срываюсь с крючка. Тогда она решает меня вернуть. А тут незадача — оказалось, что я всерьез полюбил другую женщину. Вот тут наша Татьяна и показала себя во всей красе.

— Не знаю, что она решила... Возвращать тебя или нет... Но в то, что она способна на подлость, я никогда не поверю.

— А как же факты?

— Какие факты? Была в офисе, говорила с Домиником, в ресторане ты ее встретил. И что с того?

— Да как ты не понимаешь? — с досадой взмахнул руками Виктор, и пепел от его сигареты фейерверком взлетел над столом. — Слишком много совпадений! Таня приходит в офис — начинается пожар. Приходит в ресторан — исчезает сообщение из телефона Регины. Да и Доминику она могла внушить все, что угодно, сам знаешь. По-моему, вполне достаточно, чтобы делать выводы.

— Погоди относительно выводов, — вдруг резко оборвал его Олег. — Все равно тут что-то не так. Напомни, о чем говорилось в том таинственном сообщении?

— «Регина, милая, спасай, а то уплывут важные клиенты — те, с которыми я ужинал на прошлой неделе. Задержи их любыми способами. Обаяй, обольсти, делай что хочешь». Примерно так, я же сам не видел текст.

— А теперь объясни, откуда Таня могла знать про твою встречу в ресторане именно с этими

клиентами?

— Доминик мог сказать. Хотя нет, он ничего такого не знал. Я с юристами договаривался утром, а Лоран появился в офисе только после обеда, и я точно помню, что в тот день мы с ним не разговаривали.

— Неважно, — махнул рукой Олег. — Предположим, Таня узнала о твоём предстоящем randevу от кого-то другого. Но откуда ей стало известно, что ты уже встречался с теми же людьми на прошлой неделе? Она ведь вернулась домой всего несколько дней назад.

— Действительно, — почесал щеку Виктор. — Это вопрос. Может, все-таки Доминик сливает ей информацию?

— Хорошего же ты мнения о своих друзьях! — возмутился Олег. — Может, заодно и меня в чём-нибудь обвинишь? Например, что я прислал тебе ту дурацкую фотографию?

— погоди, не обижайся, — сказал слегка растерявшийся былую уверенность Виктор. — Я уже и сам не знаю, что думать.

— Зато я знаю. Сейчас кое-что выясним, — пообещал Олег, хватая телефон.

— Доминик, привет, — быстро заговорил он. — Есть парочка вопросов. Только ты не удивляйся, а просто отвечай. Я тебе потом все объясню. Во-первых, в тот день, когда у нас был пожар, не помнишь, во сколько ты в офис приехал? Так, понятно. А Таня к тебе когда пришла? Ага. Да никакой не допрос! А ты был в курсе, что Виктор вечером должен встречаться с юристами? Неважно какими — любыми. Так знал или нет? Ругаться необязательно, я и так понял. Слушай, и напоследок — когда пожар начался, Таня у тебя была? И куда вы потом пошли? Ясно. И все время были вместе? Да ничего не случилось. И у Тани тоже, надеюсь, все в порядке. Ладно, завтра я к тебе забегу, если не разболеюсь, тогда поговорим поподробнее. Чао!

— Ты все понял? — обратился он к застывшему в кресле Виктору.

— Более или менее.

— В общем, смотри. Доминик в тот день высунув язык бегал по складам вместе с инвесторами. Показывал им редкие породы мрамора для отделки фасадов тех вилл, помнишь, на побережье Адриатики? Хотят люди жить, как в метро, но не об этом речь. В офис приехал почти в шесть. Чуть позже появилась Таня — хотела выслушать его мнение о своём новом проекте, даже привезла эскизы. Когда объявили пожарную тревогу, они вместе выбежали во двор. А потом Таня сразу ушла. Усек? Она никак не могла взять твой бесхозный телефон и послать с него сообщение.

— Слушай, Олег, — неуверенно промолвил Виктор. — Конечно, это меняет дело. Но... Как ты думаешь, Доминик не может из корыстных соображений обеспечивать Тане алиби?

Олег посмотрел на приятеля таким уничижительным взглядом, что тот поневоле отвел глаза.

— И какие же у него могут быть корыстные соображения? — спросил Олег, еле сдерживая злость. — Эх, Витка, совсем с катушек съехал из-за своей Регины. Обвиняешь друзей в сговоре и предательстве! Знаешь, я, конечно, Доминику ничего не скажу. Но если бы ты обо мне так...

— Только не кипятись, — молитвенно сложил перед собой руки Виктор. — Понимаешь, я совсем запутался. Но ведь ты не можешь не согласиться, что против меня готовилась

провокация?

— Согласен. Только почему ты сразу решил, что в этом замешаны люди, которых ты называл друзьями? Таня делает гадости, Доминик ее покрывает. Подумай о ком-нибудь другом.

— О ком, например?

— Пока не знаю, но надо порассуждать. Что нам известно? То, что злоумышленник был прекрасно осведомлен о графике твоих рабочих встреч, причем с самыми последними изменениями. Более того, он смог незаметно воспользоваться твоим телефоном, то есть находился в непосредственной близости. Опять же — очень своевременно случившийся пожар, который на поверку оказался ерундовым возгоранием корзинки с бумагами.

— Ты к чему клонишь? — покосился Потапов на Олега.

— К тому, что твой злодей трудится в нашем замечательном дружном коллективе. Попробуй поискать его там.

— И как прикажешь мне это делать? Проверять всех на полиграфе? — ехидно спросил Виктор. — Или следить за сотрудниками из-за угла? Нанимать частных детективов?

— Конечно, — саркастически улыбнулся Олег. — Проще сразу свалить все на Таню. Иди, объяви ей о своем открытии, потребуй прекратить грязные инсинуации. Только имей в виду — ты навсегда потеряешь и ее, и Доминика.

— И тебя? Договаривай уже, не стесняйся.

— Может быть, и меня. Но обещаю — твои проблемы на этом не прекратятся, потому что интригу плетет кто-то совсем другой.

Виктор сразу как-то сдулся. Он ссутулился и нервно тер ладони о колени.

— Олег, ты pomoжешь мне? — спросил он сдавленным голосом.

— Обязательно. И знаешь, как? Сам проведу расследование, без твоего вмешательства. Так сказать, для чистоты эксперимента.

* * *

Легкость, с которой Виктор обвинил в своих неприятностях Таню, поразила Олега. Сам он безоговорочно верил в Танину порядочность и разобраться в этой запутанной истории хотел для того, чтобы доказать Виктору, как тот ошибся в своих предположениях.

На следующее утро чувствовал он себя отвратительно. Хотя температуры вроде бы не было, зато страшно болела голова, першило в горле и свербило в носу. Тем не менее Олег все же решил ехать на работу — подброшенная ему Виктором загадка требовала тщательного расследования.

«Легко сказать — расследование, — размышлял Олег, на всякий случай засовывая в карман два носовых платка. — А как к нему подступиться?» Стоя в пробке на Садовом кольце, он прикидывал, сумеет ли совместить свою детективную деятельность с гигантским объемом предстоящей ему работы. У него действительно была куча срочных дел, не терпящих отлагательства. «Впрочем, если бы я остался дома болеть, то эти дела все равно бы повисли в

воздухе, — мудро рассудил Олег. — Будем считать, что частным сыском я занимаюсь в счет своего больничного».

Для начала он решил более обстоятельно поговорить с Лораном. Отловив Доминика сразу после утреннего совещания, он чуть ли не силой затащил его к себе в кабинет.

— Слушай, старик, расскажи-ка мне еще разок о том дне, когда в офисе был пожар, — попросил он.

— С ума сошел? — возмутился Лоран. — У меня дел невпроворот, а он пристаёт с какой-то ерундой. Я ж тебе вчера все по телефону рассказал.

— Мне мало по телефону.

— Отчет, что ли, для пожарников пишешь? — хмыкнул Доминик.

— Что-то вроде того. Ты сам-то резину не тяни — рассказывай лучше.

— Не думаю, что ты услышишь от меня что-то новое, — проворчал Лоран, но все же покорно повторил свою вчерашнюю историю.

Олег слушал его очень внимательно, стараясь не упустить ни одной мелочи, но ничего неожиданного или необычного так и не услышал. Ничего такого, что могло принципиально изменить уже сложившуюся картину.

— Ну что, помог я тебе? — поинтересовался Лоран, поднимаясь из кресла.

— Еще не знаю, — признался Олег. — Надо как следует все обмозговать.

Уже стоя возле двери, Доминик снова повернулся к Олегу и сказал:

— Честно говоря, мне не слишком понравилось, что вчера ты так подробно расспрашивал меня о Тане. Когда пришла, с кем ушла? Надеюсь, ты не собираешься писать на нее донос?

— Болван! — сердито прикрикнул на него Олег. — Надо же, какие гадости приходят тебе на ум!

— Какая черная неблагодарность! — шутливо вздохнул Доминик и распахнул перед собой дверь. — Я трачу на него свое драгоценное... нет — драгоценнейшее время, а он обзывается.

Олег улыбнулся и тут неожиданно вспомнил, что не задал Доминику один весьма существенный вопрос.

— Эй, погоди, не убегай! Еще минуточку. Не припомнишь, откуда ты узнал, что Виктор каждую среду по вечерам свободен?

— Тоже мне, секрет, — фыркнул Лоран. — Весь офис знает.

— Что значит — весь офис? Ты лично откуда это узнал? — гнул свое Олег.

— Эй, погоди-ка, так это ты из-за Витьки суетишься? — наострил уши Доминик. — Может, все же объяснишь, что у вас стряслось?

— Да что ж ты ко мне пристал? — всплеснул руками Олег. — Не могу я сейчас пускаться в объяснения. Вот не могу, и все. Тебе что, трудно на вопрос ответить? Откуда ты узнал про

среды?

— Говорю же, весь офис...

— Что ты заладил — офис, офис, — рассердился Олег. — Вспомни, когда и от кого ты впервые это услышал?

— Ну, ты даешь, — покачал головой Доминик. — Как же я сейчас вспомню такую мелочь? Наверное, кто-то брякнул, а я запомнил.

— Причем брякнул не один раз, верно? — уточнил Олег. — Иначе бы эта информация у тебя в голове не застряла.

— А ведь правда, — удивился Доминик. — Если бы сказали один раз, мельком, я бы вряд ли запомнил.

— Тогда напряги извилины и припомни, кто донес до тебя эту информацию?

Лоран честно постарался сосредоточиться. Он поскреб в затылке, подергал себя за ухо, потом почесал нос и наконец сказал:

— Кажется, это была Вероника Морозова. Мы с ней частенько вместе по объектам ездим, так она в машине ни на секунду рот не закрывает: и трещит, и трещит без умолку. Ну, естественно, и сплетничает. Хотя, может, и Света Яновская. Или же Настя? Слушай, Олег, мне уже бежать надо. Давай так: если что вспомню — сразу же тебе доложу.

— Ну, что с тобой поделаешь? Лети! Только не забудь про свое обещание.

* * *

Когда за Лораном закрылась дверь, Олег остался сидеть в кресле, задумчиво глядя на висевший на противоположной стене нарядный календарь. Рассеянно барабанив пальцами по столу, он прикидывал, что делать дальше. Можно было бы, конечно, осторожно опросить всех сотрудников компании, которые находились в зале во время пожара. Но это наверняка привлечет к себе внимание и вызовет ненужные пересуды.

«Может, вызывать их по одному к себе в кабинет и снимать показания?» — подумал Олег, но тут же отказался от этой бредовой идеи. Он представил, как, небрежно покуривая, изводит сослуживцев хитрыми вопросами, и едва не расхохотался. Тоже мне, Эркуль Пуаро! В глубине души он уже понимал, что один с этой работой не справится. Но с кем еще, кроме Доминика и Виктора, он мог обсудить ситуацию? Кого стоило бы призвать в союзники?

Олег уперся угрюмым взглядом в столешницу и разочарованно вздохнул. «Может, ну ее к черту, всю эту самодеятельность? Пусть Витька сам как-нибудь выкарабкается, а мне делами заниматься надо. Жалко, что Таня с нами больше не работает. Вот ей бы я перепоручил это дело с легкой душой. У женщин наблюдательность развита гораздо сильнее. Или даже не наблюдательность, а чутье. Они вообще все происходящее вокруг воспринимают иначе, чем мы, мужики. Мелочи всякие подмечают, о которых мы даже не задумываемся. А они все видят, все слышат, все анализируют...»

И тут Олега осенило! Пришедшая ему в голову идея была столь шикарна, эффективна и проста, что он мысленно себе зааплодировал. Стремглав выскочив в коридор, он взял курс на кабинет Потапова. Ему было известно, что Виктор вместе с генеральным уехал в министерство. Зато

человек, на которого он сделал ставку, наверняка находится на своем посту.

— Здравствуй, Лиля, — поприветствовал он секретаршу Виктора, плотно прикрывая за собой дверь. — Как дела? Выглядишь прекрасно!

Лиля оторвала взгляд от монитора и деловито поинтересовалась:

— Что это вы такой взвинченный? Случилось что-нибудь?

— Взвинченный? — удивился Олег. — А мне-то казалось, что я спокоен, бодр и весел. Какая ты, Лилечка, проницательная! И это еще раз доказывает, что я пришел по адресу. Уверен, ты именно тот человек, который сумеет мне помочь.

— В чем помочь? Что-то случилось? — заинтересовалась девушка.

— Пока не случилось, но может, — понизил голос Олег, вплотную подходя к столу секретарши. — Только мне бы хотелось, чтобы этот разговор остался между нами.

Сказал он это так, для красного словца, потому что отлично знал, что слова «секретарша» и «секрет» противоположны по значению. Но это сейчас было неважно. Если в деле действительно замешан один из членов коллектива, это все равно рано или поздно станет всенародным достоянием. Лиля, видимо, думала точно так же.

— Естественно, между нами, — нетерпеливо махнула рукой девушка, глаза которой уже загорелись любопытством.

— Тогда вопрос такой: не замечала ли ты в последнее время в нашем офисе чего-нибудь странного? Чего-то необычного, что так или иначе касалось бы Виктора?

— Ой, у него какие-то неприятности? — испуганно воскликнула Лиля, прижимая руки к груди.

— Не волнуйся, ничего серьезного пока не произошло, — поспешил успокоить ее Олег.

«Переполошилась, словно курица, почуявшая угрозу своему любимому птенчику, — подумал он. — Угораздило же ее влюбиться в ветреного Потапова! Даже жалко! Но для успеха нашего предприятия ее чувства могут пригодиться. Влюбленные женщины, а тем более секретарши, особенно придирчиво следят за происходящими вокруг их избранников событиями».

— Вы что-то конкретное имеете в виду? — спросила Лиля, продолжая прижимать кулачки к груди.

— Ничего конкретного, — потряс головой Олег. — Но меня интересует все, что не укладывается в привычные рамки. Странные звонки, неожиданные визиты, чей-то повышенный интерес к делам Виктора. Вдруг ты знаешь, что из-за него разгорелась какая-то ссора? Или же заметила, как некто слишком усердствует, стараясь произвести на Виктора впечатление?

— А почему вы спрашиваете об этом именно меня? — задала вполне резонный вопрос Лиля. Она слегка прищурила глаза и теперь смотрела на Олега с подозрением.

— А кого же еще? — развел руками тот, будто удивляясь ее недогадливости. — Ты же доверенное лицо, можно сказать — правая рука Виктора. Он во всем на тебя полагается, верно? — Лиля осторожно кивнула, и он продолжил: — Ты почти всегда рядом, видишь его чаще, чем кто-либо другой, и наверняка знаешь и подмечаешь все нюансы его настроения. И

если его что-то встревожило или огорчило, то ты-то уж точно это заметишь. Я ведь знаю, что ты к своей должности секретаря относишься не формально, а с чувством.

— С каким еще чувством? Вы на что намекаете? — с вызовом спросила Лиля.

— С чувством долга, — невинно пояснил Олег. — Вот поэтому я и пришел именно к тебе. Дело в том, что у Виктора возникли серьезные проблемы...

— Какие проблемы? — подалась вперед Лиля. — Связанные с работой или... с его личной жизнью?

«Вот она, женская интуиция в действии», — восхищенно подумал Олег, соображая, как правильнее ответить, чтобы повернуть ее мысли в правильное русло.

— Я еще и сам не понял, что к чему. Знаю только, что кто-то пытается строить Виктору козни. Это могут быть и конкуренты, и простые недоброжелатели или завистники. В общем, в этом как раз и предстоит разобраться. Итак, было ли в последнее время что-то странное, на что ты обратила внимание, но потом выбросила из головы за ненужностью?

— Мне нужно немножко подумать, — сказала Лиля и, закусив губу, уставилась в компьютер. Потом она снова перевела взгляд на напряженно ожидавшего ее ответа Олега. — Насчет звонков и посещений ничего не скажу, но вот вчера Виктору принесли какое-то странное письмо. По-моему, оно его расстроило.

«Очко в твою пользу», — удовлетворенно подумал Олег.

— Да, я вот еще о чем хотел спросить, — решил он подтолкнуть мысли Лили в нужном ему направлении. — Ты была в зале, когда пожар начался?

— Была. Виктор как раз отправился на встречу с юристами, взял с собой папку с документами, а буклет забыл. Я буквально через минуту это обнаружила, решила, что далеко он не ушел, и побежала его догонять. Выскочила в зал, а тут как раз закричали «Пожар!». Ну, и началось... Дым валит, все кричат — ужас! Кажется, один только Виктор не растерялся.

В голосе Лили явно слышалась гордость за босса.

— Да, он у нас герой, — с серьезным видом поддержал ее Олег, — сразу бросился спасать детей и женщин. Настю Ивкину на руках вынес из пекла, а тем временем его телефон и папка с документами валялись на чьем-то столе. Ты случайно не знаешь, на чьем?

— Знаю, — уверенно кивнула Лиля. — Виктор бросил их на стол Кости Шеболдаева.

— И Шеболдаев потом отдал их Виктору? — оживился Олег.

— Нет, отдала их, кажется, Света Яновская. Просто их столы рядом стоят, и Костя, когда вернулся после отмены тревоги, переложил их на ее стол. Или она их сама взяла, чтобы Виктору потом отдать, — я точно не помню. А вот вы еще спрашивали про людей, которые хотят...

Но фразу закончить Лиля не успела, потому что дверь в приемную приоткрылась и зычный голос Лени Пущина спросил:

— Лилечка, на месте твой уважаемый начальник?

— Должен приехать минут через двадцать.

— О, Олег, привет! — догадался наконец поздороваться Пущин. — Чего это ты тут с Лилей любезничаешь? Хочешь к себе переманить? Ну, ладно, я побежал. Зайду попозже. До скорых встреч!

«Ну все, теперь не дадут поговорить, — понял Олег. — Весть о том, что я секретничаю с секретаршей Виктора, в считанные минуты облетит офис, и любопытные начнут каждую минуту заглядывать в приемную».

Словно в подтверждение его слов, дверь снова открылась. На этот раз Виктор срочно понадобился Леночке Лапиной. Перекинувшись парой слов с Лилей и прощепетав «это не срочно», она бросила на Олега любопытный взгляд и быстро ретировалась.

— Я так понимаю, что Виктор у нас нарасхват, и когда он вернется, от посетителей не будет отбоя, — констатировал Олег. — Так что закончить разговор нам с тобой вряд ли удастся. Но мне бы очень хотелось еще кое о чем тебя расспросить. Ты не против?

— Конечно, я не против, — заверила его Лиля. — Мне уже и самой интересно — вы меня заинтриговали.

— Ну вот и отлично. Тогда я позвоню тебе часов в семь, и мы договоримся. Посидим где-нибудь, выпьем по чашечке кофе и поболтаем.

— Хорошо, — кивнула Лиля, и Олег, вполне довольный результатами первого этапа расследования, отправился к себе. Он был уверен, что до вечера Лиля обязательно вспомнит еще что-нибудь полезное.

* * *

Как только за Олегом закрылась дверь, Лиля резко отодвинулась от стола, закинула ногу на ногу и скрестила на груди руки. Это была поза человека, пребывающего в гневе и отчаянии. Ну еще бы Лиле было не злиться! Она так и знала, что все это плохо кончится. Конечно, она видела, что в последнее время Виктор ходит сам не свой — нервный какой-то стал, дерганный, почти совсем не улыбается. И работа как будто для него теперь не главное.

«Значит, у Виктора серьезные проблемы? — сердито думала Лиля. — Ну что же, меня это не слишком удивляет».

Олег не стал уточнять, какого характера эти проблемы, но она и так догадалась — личного, естественно. Как только Виктор связался с ресторанной певичкой, так все и понеслось. Лиля с самого начала знала, что от Регины не стоит ждать добра. Надо же, навязалась к нему в невесты! А он как будто не понимает, что та ему не подходит. Подумаешь, красавица! Зато избалованная, капризная и глупая. Как только заарканит босса окончательно, так сразу начнет веревки из него вить. Но это ничего, это ненадолго — она ему быстро приестся.

«Но какие мужчины все же дураки! — продолжала кипятиться Лиля. — Ну ладно, я еще могу понять, чем его Регина привлекла. Но что он себе думает, когда Светке подыгрывает? Неужели не видит, какая она наглая? Эта вертихвостка прет, как танк на вражеский окоп, а он как будто ничего не понимает — шуточки шутит, улыбается. Ежику же ясно, чего ей от него надо. Ой, кстати, Олег про пожар спрашивал, а я забыла рассказать про то, что видела...»

Неожиданно дверь открылась, и в приемную, покачиваясь на высоких каблучках, вплыла Света

Яновская собственной персоной.

«Легка на помине», — недовольно подумала Лиля.

— Привет, зайка! — промурлыкала Света, улыбаясь.

— По-моему, я уже сто раз тебе говорила — не называй меня зайкой, — хмуро одернула ее Лиля, выпрямляясь в кресле и снова подвигаясь к своему столу.

— Хорошо, — с ясной улыбкой пообещала Света. — Ты сегодня не в духе? Что-то случилось? Это тебя Олег расстрил?

— Света, зачем ты пришла? — перебила ее Лиля.

— Хочу кое о чем с Виктором посоветоваться. Он на месте?

— Будет позже.

— Ох, какая досада. Столько времени потеряем, а работа срочная, — вздохнула Яновская и тряхнула рыжей челкой. — Слушай, а ты не знаешь, он по работе отлучился или по личным делам? — спросила она заговорщическим тоном. — Потому что, если по личным, то наверняка вернется злой.

— С какой это стати? — вскинулась на нее Лиля.

— Ну как же? Ты разве не слышала, что у них с Региной какие-то нелады? Об этом уже многие знают. Говорят, она ему изменяет, а он ревнует как сумасшедший.

— Мне кажется, у тебя была какая-то срочная работа, — медленно закипая, прошипела Лиля. — Вот и отправляйся ее выполнять. И хватит тут обсуждать личную жизнь Виктора. Не твоя это забота.

— Как знать, — невозмутимо парировала Света. — Если у тебя, дорогуша, ничего с ним не получилось, то это еще не значит, что другим не стоит попробовать.

— Какая же ты мерзавка, — взорвалась Лиля. — Я давно уже поняла, что ты на Виктора глаз положила. Только завлечь его тебе нечем — мелко плавала! Может, ты для того и устроила нам тут спектакль с пожаром? Хотела привлечь к себе его внимание. Надеялась, что это он тебя на руках вынесет из пламени, а Настя взяла, и первой упала в обморок.

— Какой спектакль? Ты о чем это? — внезапно повысила голос Яновская. Щеки у нее запылали, а в глазах появилась злость. — Выдумывает всякую ерунду! Виктор тебя не захотел, так ты теперь дохнешь от ревности.

— Ничего я не выдумываю, — продолжала атаку Лиля. — Уже не знаешь, что бы еще такое придумать, чтобы только лишний раз попасться Виктору на глаза. Совсем обнаглела, прохождению не даешь.

— Иди ты к черту! Ты точно ненормальная. От ревности с катушек съехала.

— Ну конечно! Только слепой не заметит твоих маневров.

— А может, я влюбилась, — подбоченилась Яновская, с вызовом глядя на Лилю. — Он парень видный, вот я и не устояла.

— Влюбилась? Пойди, расскажи это Доминику: он наивный, поверит. Заодно заставишь его поволноваться, что будет очень полезно, с точки зрения стратегии. Ведь ты же его про запас держишь, не так ли?

— Заткнись, а то сейчас схлопочешь! — вне себя от злости выкрикнула Света и сделала шаг к столу секретарши.

В этот момент дверь широко распахнулась, и в приемную ввалилась целая толпа сотрудников. Впереди всех выступал Леня Пущин.

— А вот и мы, — радостно провозгласил он. — Подавайте нам обещанного босса — он необходим нам для решения мировых проблем.

Однако девушки, словно сошедшие на ринге боксеры, продолжали испепелять друг друга взглядами, не обращая на вошедших никакого внимания.

— Только попробуй до меня дотронуться, — предупредила бесстрашная Лиля. — Получишь так, что все твои дешевые фокусы мигом улетучатся из головы! И лапками своими не шибко размахивай. А то дождешься! Вот расскажу Виктору, за что тебя турнули с прошлой работы.

— Стерва! — завопила Яновская. — Заткнись, или я оторву твой гнусный язык.

— Ага, испугалась! — язвительно усмехнулась Лиля. — А ты думала, никто ничего не узнает? Архитектура, дорогая моя, мирок тесный, а мужики — народ болтливый.

Сослуживцы наблюдали за их перебранкой в немом изумлении.

— Девочки, вы что, белены объелись? — пришел наконец в себя Пущин. — Ругаетесь как две базарные бабы. Чего не поделили-то?

— Света, Лиля, — поддержала его впечатлительная Настя Ивкина и умоляюще сложила ладошки. — Не надо ссориться. Помиритесь, прошу вас.

— Мириться с ней? С этой гадиной? Дудки! — твердо сказала Лиля. — Я до сих пор молчала, теперь больше не хочу. Вот спросите, зачем она пожар устроила? Пусть она нам всем расскажет!

— Идиотка, какой пожар я устроила? — снова завопила Света. — Что ты мелешь? Не слушайте ее, она совсем спятила.

— Неужели? — не сдавалась Лиля. — А не скажешь, чья мусорная корзинка загорелась? Не твоя ли?

— Ну и что? — тяжело дыша, бросила Яновская.

— Лиля, что ты на нее набросилась? То, что загорелась именно Светина корзина, вовсе ничего не доказывает, — вступился за Яновскую Костя Шеболдаев.

— Очень даже доказывает, — продолжала свою обвинительную речь девушка. — Вы почему-то забыли, что в половине седьмого в нашем офисе всегда появляется уборщица и очищает все корзины. Но когда повалил дым, корзина Яновской чудесным образом оказалась до отказа заполнена бумагой.

— Все очень просто. Я как раз после ухода уборщицы разбирала свой ящик и освобождала его

от лишних бумаг.

— У тебя на все готов ответ, — усмехнулась Лиля. Она уже поняла, что все ее обвинения попадают в разряд «косвенных», от которых лживая Света легко отвернется. Но Лиля была уверена, что та на самом деле виновата. Ей страшно хотелось прищемить хвост этой мерзавке, и тогда она решила пойти ва-банк.

— Ну а если я заявлю, что своими глазами видела, как ты подпалила корзинку шикарной зажигалкой «Данхилл»? Ты все просчитала — все были заняты своими делами, Кости в этот момент за соседним столом не было. Вот ты и устроила поджог. А как я вошла, ты и не заметила.

— Света, ты меня удивляешь! — прогудел изумленный Пуцин. — Зачем ты сделала такую глупость? А вдруг мы бы и в самом деле погорели?

— Да врет она все! — передернула плечиками Яновская. — Она меня ненавидит, вот и говорит всякие гадости. Я в суд на нее подам.

Однако Лиля уже вошла в роль разоблачителя. Она вспомнила, как Олег, расспрашивая ее о пожаре, интересовался бумагами Виктора и его телефоном. Спрашивал, где именно тот их оставил. Тогда Лиля не смогла точно вспомнить, но теперь мгновенно сложила два и два.

— Можешь хоть сейчас подавать на меня в суд, — сказала она, пристально вглядываясь в Светино личико. — Только сначала объясни, зачем ты взяла со стола Кости телефон и бумаги Виктора?

— Взяла, чтобы в суматохе не пропали, — совершенно успокоившись, ответила Света. — Они могли сгореть.

— Нет, погоди-ка, — вмешался в разговор Шеболдаев. — Когда я вернулся и стал всех спрашивать, куда подевались телефон и папка с моего стола, ты сказала, что вообще их не видела. Я это точно помню.

— Просто я была в шоке, и в голове все перемешалось. Я сначала забыла про них, а потом обнаружила у себя и отдала Виктору.

— Ну а насчет корзинки как? — спросил Пуцин.

— Клевета, — твердо отчеканила Света и пальчиком указала на Лилю. — Она ничем не сможет доказать свои обвинения.

— Если уж такое дело, то мне тоже придется кое в чем признаться, — сказала Настя Ивкина и подошла к Яновской. — Света, ты же на меня не обидишься за это, правда? — Потом она снова повернулась к собравшимся и стала объяснять: — Понимаете, когда повалил этот дым, Света ко мне бросилась и сказала: «Быстро делай вид, что в обмороке, тебя тогда первой вынесут».

— Ты так страшно испугалась пожара? — удивился кто-то.

Ивкина сделалась пунцовой и опустила глаза.

— Ребята, вы понимаете, я... я в положении. Никому просто еще не говорила, только Свете одной. Ну, мне тогда страшно стало, мало ли чего, вот я и сползла со стула. А Света показала на меня Виктору, и он бросился меня выносить.

— Интересное тут кино показывают, — резюмировал Пущин. — Света, это правда? Выходит, ты что-то такое затеяла, а Лиля тебя разоблачила? Из-за этого у вас разногласия?

— Все гораздо проще, — презрительно усмехнулась Яновская. — Лилия ваша ревнует меня к Виктору, вот и все. Он на нее внимания не обращает, как на женщину, я имею в виду. А на меня обратил.

— Виктор у нас, между прочим, помолвлен, — заметила Вероника Морозова.

— Так ей не привыкать, — вдруг снова подала голос Лилия. — На своей прошлой работе она уже практиковалась в подобных вещах. Вознамерилась увести жениха прямо из-под венца. Только тот мужик был рангом повыше — вице-президент. Тот финт у нее сорвался, но Света не пала духом. Правда, аппетит умерила, замахнулась всего лишь на исполнительного директора.

— К твоему сведению, Виктор скоро станет генеральным директором, — выпалила Яновская. — Только губы-то не раскатывай — тебя он за собой не потащит!

— А откуда у тебя такая информация? — осведомился Леня Пущин, подходя к Свете вплотную.

— Не помню, где-то слышала, — пробормотала та, только сейчас сообразив, что выдала себя с головой.

— Нет уж, это дело серьезное. Так что ты, будь любезна, скажи нам, от кого ты это слышала, — наседал на нее Пущин.

— От Соколиной, наверное, — злобно шныряя взглядом по сторонам, сказала Яновская. — Отстаньте все от меня, я не обязана тут отчитываться.

— Почему же, — неожиданно раздался из-за спин сотрудников голос Олега. Привлеченный шумом, он вернулся к кабинету Виктора и наблюдал за разыгравшейся драмой, стоя в коридоре. — Я согласен с Ленией. Думаю, тебе есть о чем нам рассказать.

Все одновременно зашумели, пытаясь что-то сказать. Но тут в приемную протиснулся Доминик Лоран.

— Здесь что, митинг протеста против бесчеловечных условий труда? — весело спросил он. — Здравствуйте, кого еще сегодня не видел. Лилечка, привет! Света, добрый день. Олег, я, собственно, за тобой сюда пришел. Выйдем на минутку, дело есть.

Когда они оказались в коридоре, Доминик, ухватив приятеля за лацкан пиджака, радостно сказал:

— Представляешь, вспомнил! Про то, что Виктор теперь по средам вечером свободен, мне говорила Света Яновская. В том смысле, что надо же человеку хоть раз в неделю вечером отдохнуть, расслабиться. Не все ж ему работа да свидания. Только я не представляю, откуда она об этом узнала. Иди, сам ее спрашивай, а у меня дела.

* * *

— Ты приехал в самый подходящий момент, — сказал Олег, завидев Виктора, который широким шагом направлялся к собственной приемной.

— Это ты иронически говоришь или всерьез? — поинтересовался тот, хмурая брови.

— Никакой иронии. Кажется, мы обнаружили предателя в наших рядах.

— Какого предателя? — изумился Виктор.

Он остановился, переложил портфель из одной руки в другую и непонимающе уставился на друга.

— Того человека, который пытался рассорить тебя с Региной. И устроил в офисе пожар, чтобы завладеть твоим мобильником.

— Нет, серьезно?!

— Совершенно серьезно. Это твой «милый рыжик», Света Яновская. Говорит, влюбилась в тебя и решила не сидеть сложа руки. Ее с моей подачи Лиля вычислила, а ребята помогли к ногтю прижать. Впрочем, она все равно отпирается. Думаю, ты должен вмешаться и поговорить с ней лично. Она та еще штучка!

— Давай уж сделаем это вместе, — предложил Виктор. — Ты начал расследование, тебе и карты в руки. Кроме того, со «штучками» лучше один на один не оставаться. Мало ли что такой в голову взбредет.

Он замолчал, прислушиваясь к какому-то странному звуку, а потом удивленно спросил:

— Это что же, разборки идут у меня в приемной?

— Вот именно, — кивнул Олег. — Думаю, тебе лучше поскорее вмешаться, пока дело не дошло до рукопашной.

— А ты веришь в то, что Яновская в меня влюбилась? — с сомнением спросил Виктор, продолжая смотреть на дверь приемной и не двигаясь с места.

— Она где-то подслушала, что тебя хотят повысить. А мужчина на хорошей должности — это отличный повод для того, чтобы влюбиться по уши.

— Надо же! Я сам еще не вполне уверен, что меня повысят, а женщины уже теряют голову...

Друг за другом они вошли в приемную, и Виктор громко спросил:

— Что за шум? Лиля, что происходит?

У его секретарши было такое красное лицо, будто она только что выскочила из парилки.

— Происходит то, что мы разоблачили вот эту вот... — Она недоговорила, бросив негодующий взгляд на Яновскую. — Она вам тут козни строила, чуть офис не сожгла!

— Светлана, зайди ко мне в кабинет, — тоном, не допускающим возражений, бросил Виктор. — Олег, ты с нами. Остальные — по рабочим местам. Я сам во всем разберусь.

— Уж ты разберись, — проворчал Пущин. — У нас до сих пор все было тихо-мирно, служба шла своим чередом, а тут вдруг такое некрасивое происшествие... Но мы попозже тоже зайдем, — добавил он уже в полный голос. — Разборки разборками, а наша работа — как волк, может и в лес убежать.

Яновская вошла в кабинет с независимым видом, задрав подбородок и выпрямив спину. Одетая

она была в милое платье, распущенные по плечам рыжие волосы эффектно оттеняли румянец на щеках.

— Садись, — Виктор указал на кресло, стоявшее отдельно, на иранском ковре, который Лиля заставляла уборщиц старательно чистить каждый вечер.

— Это что, лобное место? — спросила Света не без некоторого кокетства.

Было заметно, что она трусит и одновременно пытается выработать верную линию поведения. Чтобы не ошибиться, она то и дело переводила взгляд с лица Виктора на лицо Олега и обратно. «Женское сканирование мозга, — усмехнулся про себя Олег. — Нет, дорогуша, Виктора тебе не разжалобить и не обмануть. И не такие пытались».

— Света, мы готовы выслушать твою версию случившегося, — вполне миролюбивым тоном сказал Потапов, устроившись за своим столом. — Итак, что произошло?

Олег подошел к окну и остановился прямо за его плечом. Пытливо глядя на Яновскую, он думал о том, что девушка, несомненно, виновата. Для того чтобы пакостить, нужна хитрость. А чтобы скрыть свои пакости, необходима выдержка. Хитрости у Яновской было хоть отбавляй. И женского очарования в придачу. А вот с выдержкой дело обстояло не так чтобы очень. Яновская то и дело облизывала губы и заправляла гладкую прядку волос за ухо.

— Ваша секретарша возвела на меня поклеп, — довольно уверенно начала она и закинула ногу на ногу.

«Вернее, ножку на ножку, — мысленно поправил себя Олег. — Надо же, какая хорошенькая! Даже не верится, что она аферистка».

— Лиля до сих пор никогда не позволяла себе скандалов, — ответил Виктор, бестрепетно глядя на собеседницу. — А в чем же состоит этот поклеп?

— Она в вас влюбилась и подумала, что я хочу перебежать ей дорогу! — с вызовом ответила Света.

Так двоечник у доски храбро повторяет подсказку, сомневаясь в душе, что ему и дальше удастся оставаться на плаву.

— Если мы будем продвигаться вперед такими темпами, то проторчим тут до утра, — вздохнул Виктор. Потом он повернулся к Олегу и попросил: — Может быть, ты вкратце изложишь нам это дело, а Светлана потом что-то добавит от себя?

Олег усмехнулся. Всем было известно, что он обладает даром объяснять суть дела просто и убедительно. Он сложил руки перед грудью, а потом точно и довольно жестко рассказал обо всем, что произошло и какие конкретно подозрения возникли относительно Яновской. К концу его рассказа та превратилась в воплощенное негодование.

— Но это все неправда! — воскликнула Света, вскочив со своего места. Ее грудь бурно вздымалась, глаза увлажнились.

Однако Виктор даже внимания не обратил на подступившие к ее глазам слезы. Конечно, глаза были, бесспорно, красивыми, но сейчас его это мало трогало. В конце концов, речь шла не о чем-нибудь, а о его личной жизни. А на эту территорию никто не имел права вламываться без спроса.

— Ну, вот что, милая, — бросил он, наклонившись вперед и впери в Яновскую взгляд разъяренного бизона. — Или ты немедленно расскажешь всю правду от начала и до конца, или я выведу тебя на чистую воду лично, и тогда ты вылетишь из «Самшита» с таким треском, что услышит вся Москва. И в этом случае можешь забыть о своем образовании — ни одна приличная фирма больше не возьмет тебя на работу по специальности. Уж я об этом позабочусь.

Света немного помолчала, кусая губы, как будто взвешивала про себя все «за» и «против».

— А если я расскажу? — спросила она наконец уже совершенно другим тоном.

— Тогда можешь увольняться по собственному желанию, — не сводя с нее глаз, пообещал Виктор. — Это будет моим тебе подарком.

— Что вы хотите знать? — Яновская хоть и не сидела больше, положив ногу на ногу, по-прежнему выглядела заносчивой.

— Я хочу знать все. Все пункты твоего плана, — начал перечислять Потапов, — твои действия, твои расчеты.

Однако он не на ту напал. Никакие угрозы не смогли заставить Яновскую признаться в том, что она натворила. Пришлось призвать на помощь умную и безжалостную Лилю. С ее помощью Олегу и Виктору удалось восстановить ход событий, которые привели к столь драматической развязке. История вполне тянула на приключенческую повесть с криминальным оттенком.

В конечном итоге выяснилось вот что. Устроившись в «Самшит», Света немедленно начала приглядываться к мужчинам, занимающим ответственные посты, — с тем, чтобы в итоге выбрать для себя подходящую партию. Некоторое время у Олега, Виктора и Доминика были приблизительно равные шансы. А потом она случайно услышала очень полезный разговор, из которого стало ясно, что самым лакомым кусочком вскоре должен стать именно Потапов. На него-то Светлана и обратила свой пристальный взор.

Чтобы выяснить все его привычки и узнать, что он любит, а что нет, начинающая аферистка принялась следить за Виктором. И довольно быстро выяснила, что у «объекта» уже есть девушка, которой тот увлечен не на шутку. Сначала Яновская немного приуныла, но тут, словно по заказу, ей позвонила старая подружка, которая несколько лет назад окончила консерваторию. Когда в долгом и увлекательном разговоре обо всем на свете совершенно случайно всплыло имя Регины, подружка невероятно оживилась: а не та ли это Регина, которую в свое время выперли из консерватории за роман с профессором Голосовским? Светлана мгновенно сделала стойку и выпытала все подробности той некрасивой истории. Естественно, она тут же подумала о том, как хорошо было бы рассказать обо всем Виктору. «Вот если бы он узнал о том пошлом романе, то не стал бы смотреть на эту девку, как на богиню утренней зари! — рассуждала Света. — А что, если подстроить все так, чтобы он проведал об этом будто бы случайно?»

Чтобы история с профессором произвела нужное впечатление, Яновская решила «унавозить почву» и заранее выставить невесту Виктора в не самом выгодном свете. По ее глубокому убеждению, у певички, которая надрывается для жующей публики, обязательно должны быть грешки. Некоторое время Светлана тщательно следила за Региной и вскоре выяснила, что строго раз в неделю та ездит в Бутырку с передачами. Она сочла данный факт заслуживающим внимания. Немного хитрости, немного удачи — и вот уже Виктор заинтересовался средами, которые неизменно оказывались у него свободными, а у Регины занятыми. Он захотел узнать, в

чем тут дело, и, проследив девушку до ворот тюрьмы, набросился на нее с упреками. Так Яновская отпраздновала первую ссору Виктора с его невестой.

Однако больше, как ни старалась, ничего предосудительного в поведении Регины она так и не нашла. Ни тайного покровителя, ни спрятанного в провинции у родственников младенца... «Что ж, если пороков у певички больше нет, их стоит придумать», — решила Света и принялась за дело. Был разработан коварный план, как поставить под сомнение верность и преданность Регины, очернить ее в глазах жениха. Сложным этот план казался только на первый взгляд. Светлана считала себя довольно ловкой девушкой, умела располагать к себе людей и была уверена в победе.

Одновременно она готовила свой главный удар. Старый добрый приятель, которого Яновская еще со школы держала на крючке, сделал для нее отличный фотомонтаж, и она отправила пикантные фотографии Марте Голосовской. Она совершенно верно рассчитала, что стареющая матрона до смерти перепугается, узнав, что муж снова взялся за старое и встречается с бывшей студенткой, которая несколько лет назад едва не увела его из семьи.

К немалому ее удовольствию, сам профессор Голосовский, увидев предъявленные женой фотографии, сразу же бросился к своей бывшей возлюбленной. Судя по всему, прежние чувства возродились в его душе, и он не на шутку воспламенился. Светлане это было только на руку. Она решила собрать урожай и отправила все того же старого друга на «фотоохоту». Без всякого труда тому удалось сделать несколько по-настоящему провокационных снимков, которые должны были окончательно вывести Виктора из себя...

Пока они восстанавливали ход событий, Яновская кусала губы и смотрела в окно. Олег, выступавший в роли главного следователя, закончив дознание, посмотрел на лучшего друга с насмешливым сожалением. Ему ужасно захотелось напомнить Виктору о том, как несправедлив он был к Тане, подозревая ее во всех смертных грехах. Однако сам Потапов не был особо чувствительным и о своих прежних подозрениях даже не вспомнил. Впрочем, он никогда не имел склонности к покаянию, и признавать свои ошибки было не в его характере.

Отправив Яновскую писать заявление об уходе по собственному желанию, Виктор вскочил со своего места и оживленно потер руки:

— Приятно сознавать, что Регина ни в чем не виновата! Надо бы увидеться с ней прямо сейчас. Я должен немедленно ей все рассказать.

— Ну, давай, — одобрил его порыв Олег.

— Вероятно, она еще на сцене, но скоро выступление уже закончится. — Виктор взглянул на часы и забежал по кабинету, собирая всякие мелочи и рассовывая их по карманам. — Хочется поскорее ее обрадовать.

— Думаешь, она обрадуется? — с сомнением спросил Олег.

— А как же! — удивился Виктор. — Конечно, обрадуется. Я же думал, что она виновата, а на самом деле она не виновата. Ну, хотя бы в отношении этой дурацкой эсэмэски. С профессором, конечно, история не слишком симпатичная, но все равно — это все тени прошлого. Зато сейчас Регина чиста, и это проливает бальзам на мою душу. Но вообще-то ловко все было подстроено. Очень хитро!

— Да уж, лисичка-сестричка постаралась на славу, — вынужден был согласиться Олег. — Кстати, что ты думаешь по поводу своего нового назначения? Это правда?

— Откуда я знаю? Может быть, и правда. Вряд ли Яновская такое придумала. Если бы она выбирала просто так, по велению сердца, то наверняка остановилась бы на тебе.

— Ну, конечно, — отмахнулся Олег. — Мели, Емеля, твоя неделя!

— А что? — Виктор вздернул брови. — Ты красивее меня и ростом выше.

— Уверяю тебя, меньше всего дамочек подобного сорта занимает мужской рост или внешняя привлекательность.

— Пожалуй, ты, как всегда, прав, — самодовольно усмехнулся Виктор.

— Значит, ты не исключаяешь, что на должность генерального назначат именно тебя? — не сдавался Олег.

— Не исключаяю. Как и ты не исключаяешь, что назначат тебя! — Виктор с улыбкой хлопнул Олега по плечу. — Какая, собственно, разница? Даже если назначат Лорана, принципиально ничего не изменится. Расстановка сил может быть любой. Потому что у нас отличная команда!

— Надеюсь, Яновская была всего лишь неприятным исключением, — проворчал Олег. — Поторопись, а то прозеваешь свою невесту. И не забудь поблагодарить Лилю. Это ведь с ее подачи мы разоблачили аферу ландшафтного дизайнера.

— Завтра куплю ей цветочков, — пообещал Виктор, хватая портфель.

— Почему завтра и почему цветочков? — неожиданно для себя рассердился Олег. — Лилю не надо подкупать подарками. Достаточно простой сердечной благодарности.

— Начальники не должны быть сердечными. Запомни это на будущее. Если генеральным все-таки назначат тебя!

И Виктор выскочил в приемную, а оттуда — в коридор, бросив Лиле только два слова:

— Запри кабинет!

«Вот негодяй, — беззлобно подумал Олег. — Придется мне самому поблагодарить его собственную секретаршу за проявленное мужество. Еще бы! Открыто выступить против Яновской было делом рискованным. Но ради босса Лилия пошла на этот риск и победила».

Тем временем Виктор стремительно шел по улице, приближаясь к уже ставшему для него почти родным ресторану «Валгалла». Ветер сгибал деревья и словно тянул их за волосы. Пожелтевшие листья отрывались от ветвей и летели над землей, то падая вниз, то снова взмывая к небу. Иногда маленький лиственный смерч налетал на Виктора и залеплял ему глаза. Тот отмахивался с таким остервенением, словно на него нападали живые твари. К красотам осени он был абсолютно равнодушен.

Восхищаться природой Виктору доводилось лишь время от времени, когда он в очередной раз влюблялся и девушки целеустремленно водили его гулять, заставляя осознанно дышать воздухом, вглядываться в облака, восхищаясь их причудливыми формами, и ездить в Сокольники, чтобы покормить орехами и без того жирных белок.

Виктора всегда изумляла исступленная нежность, с которой женщины относились к распускающимся цветочкам и пчелам, похожим на тяжелых полосатых бомбардировщиков.

Когда он покупал участок земли в Подмосковье, то точно знал, что рядом должны быть лес и водоем. Деревья очищают воздух, которым он дышит, а в водоеме он будет ловить рыбу. Все просто и понятно.

Регина тоже любила цветочки. Вспомнив об этом, он метнулся было к киоску, но потом ему в голову пришла другая идея. Шагнув на газон, он набрал букет лимонно-желтых кленовых листьев, решив, что это будет выглядеть весьма трогательно. К разговору с Региной он не готовился. Не прокручивал в голове свои реплики, не думал о том, что она ему ответит. Его невесту банально подставили, он был рад, что аферистку разоблачили. И теперь торопился поделиться с Региной своей радостью.

Она все еще пела, и Виктор остался стоять в глубине зала, заслушавшись ее голосом и красивой мелодией. «Интересно, сколько песен в ее репертуаре? — подумал он. — Она постоянно исполняет что-то новое. Это делает ей честь».

Он не хотел вручать девушке кленовые листья при всех, поэтому дождался окончания ее выступления и бросился за кулисы. Добрался до гримерки и постучал. С тех пор как в ее жизни снова появились супруги Голосовские, Регина стала запирает дверь на засов, который поставили по ее просьбе.

— Не бойся, это я! — сообщил Виктор, постукивая по двери костяшками пальцев.

— Я и не боюсь, — донесся до него не слишком веселый голос.

Раздался щелчок, и дверь распахнулась.

— Ты великолепно выглядишь! — воскликнул Виктор, вручая ей свой импровизированный букет.

Он точно знал, с чего нужно начинать. Даже сделав важный научный доклад, женщина охотнее примет комплимент своей внешности, чем своему уму. А в данном случае — своему таланту.

Да и что уж греха таить — Регина была невероятно хороша и соблазнительна. Все ее концертные платья подчеркивали фигуру, обрисовывая женственные изгибы и выпуклости. Так что комплимент был заслуженным.

— Спасибо, — сказала Регина и улыбнулась. Кленовые листья совершенно точно смягчили ее и даже растрогали.

— Мне показалось или ты действительно чем-то огорчена? — спросил Виктор, переступая порог гримерки.

Он снова запер дверь на засов. Не потому, что чего-то боялся. Просто не хотел, чтобы им помешали.

— Я немного волновалась, — ответила Регина, положив подарок на столик возле зеркала и усаживаясь в кресло. — Извини, мне нужно снять грим.

— А что тебя так взволновало? — Виктор встал позади нее и положил руки ей на плечи.

— Ты, — просто ответила она, поглядев на его отражение. — В последнее время мы постоянно ссоримся. Ты вечно чем-то недоволен, и меня это напрягает.

— Расслабься, милая! Ссор больше не будет, это я тебе обещаю, — торжественно произнес Виктор.

— Неужели? — недоверчиво приподняла брови Регина.

— Откуда такой скепсис? — обиделся он. — Я принес хорошую весть, а ты ей не рада. Все дело в том, что наши ссоры были кое-кем срежиссированы!

Как он и предполагал, Регина мгновенно заинтересовалась.

— Что это значит? — спросила она, и рука с влажной салфеткой, которой она очищала лицо, замерла в воздухе.

— Оказалось, что у нас с тобой есть недоброжелатель! Но теперь он нейтрализован, и нашим отношениям больше ничто не грозит.

Регина, которую он пока что ни в чем не убедил, сочла за благо промолчать.

— Разве тебе неинтересно знать, каким образом все было подстроено? — изумился Виктор.

Он-то думал, что когда сообщит невесте свою потрясающую новость, та станет прыгать до потолка и засыплет его кучей вопросов. Однако Регина почему-то не спешила бурно проявлять радость, и это его насторожило. И все же он не смог удержаться, чтобы не расписать все в подробностях.

— Дело в том, что одна наша сотрудница решила, будто ей я подхожу гораздо больше, чем тебе. Да ты ее видела! Света Яновская, такая рыженькая, помнишь?

Конечно, это вступление задело Регину за живое, и она с интересом выслушала рассказ Виктора от начала и до конца. А рассказывал он с удовольствием, даже не забыл упомянуть о том, что расследованием занимался Олег. И в целом это, конечно, его заслуга.

На одну секунду Регине пришла в голову мысль немедленно признаться Виктору, что она несколько раз виделась с Олегом без его ведома, но она тут же передумала. Неподходящий момент! Виктор только что порадовался, что им больше не из-за чего ссориться. Зачем же давать ему новый повод? Он будет ревновать, это ясно. И, может быть, снова сорвется и нагубит ей.

«Ему ведь даже в голову не пришло извиниться за то, что он орал на меня, хотя я была ни в чем не виновата. И вот ведь какая ирония судьбы! Эта Яновская задумала нас с Виктором рассорить и хотела открыть ему на меня глаза. А получилось все наоборот! Она открыла мне глаза на Виктора! Ведь пока не начались все эти неприятности, я и понятия не имела, какой он на самом деле грубый и несдержанный. Пусть все ситуации были подстроены, но ведь ссорились-то мы с ним по-настоящему!»

Она поставила букет из листьев, которые Виктор собрал на газоне, в узкую вазу и откровенно им полюбовалась. «Этот человек весь состоит из противоречий, — подумала девушка. — Когда что-то идет не так — он груб и невнимателен, когда все хорошо — предупредителен и порой даже сентиментален». Ей больше нравилась лирическая сторона его натуры. Нравилось, когда он бывал восторженным и открыто выражал свои чувства. Тогда Регина ощущала себя рядом с ним по-прежнему свободной и независимой. Когда же он взрывался, обвиняя ее во лжи и скрытности, она зажималась и падала духом. Ей начинало казаться, что у их отношений нет будущего. Ведь если Виктор попытается ей управлять, указывать, что можно и чего нельзя,

рано или поздно она взбунтуется.

«Эта Яновская, сама того не зная, устроила нашим чувствам проверку, — подумала Регина. — Возможно, она нас обоих кое-чему научила. Или только одну меня?»

* * *

Загородный дом Пожидаева шумел, как растревоженный улей. Здесь собрались практически все члены команды Павла, чтобы отпраздновать новый интересный проект — их группу пригласили принять участие в реконструкции Международного выставочного центра в Лозанне.

В огромной, отделанной в деревенском стиле гостиной поистине яблоку негде было упасть. Куча народу толпилась возле резной стойки бара, кто-то устроился у камина, другие расселись вокруг тяжелого дубового стола. Все с энтузиазмом обсуждали предстоящую работу и подготовку к довольно скорому отъезду.

Слегка ошалевшая от шума, Таня взяла стакан с пуншем, набросила на плечи куртку и незаметно выскользнула на веранду. Погода в этот день совсем не соответствовала приподнятому настроению молодых художников. Ветер гонял по небу обрывки темно-синих туч, которые то и дело проливали на землю холодные потоки дождя. Деревья дрожали остатками листвы и казались блеклыми и потрепанными.

Сделав небольшой глоток, Таня поежилась и уткнулась носом в воротник.

«Все повторяется», — подумала она, вспомнив, как полтора года назад их команда собралась на даче Пожидаева накануне отъезда в Париж. Только тогда была ранняя весна, холодная и безрадостная — как раз под стать тогдашнему Таниному настроению. Ей предстояло расставание с Виктором, которого она страшилась. Сам Виктор был настроен гораздо более оптимистично. У нее будут выходные, и она сможет прилетать домой. Он тоже с удовольствием смотается в Париж, как только позволят дела. Однако Таню это не утешало. Она словно предчувствовала беду. И, стоя на этой самой веранде, размышляла о том, что жизнь ее может неожиданно и круто измениться. Возвращаясь в Москву, Таня чувствовала себя абсолютно счастливой... Пока Потапов не разбил вдребезги ее сердце.

«Но тут снова вмешался мой дорогой мэтр, — усмехнулась про себя Таня. — Не успела я впасть в отчаяние, как он уже тут как тут со своим волшебным проектом. И умчит меня в дальние края, словно сказочный принц. Хотя нет, на принца Павел похож меньше всего, для этого он слишком любит себя и свою работу. Принцессы в его жизни появляются лишь для того, чтобы слегка ее разнообразить. Вот интересно, обрадуется он, если я скажу, что окончательно разлюбила Виктора? Наверное, обрадуется. Хотя бы потому, что это на пользу нашему общему делу. А про Олега ему знать вовсе не обязательно».

В этот момент позади нее открылась дверь, и, быстро обернувшись, Таня увидела Пожидаева. На нем был толстый, грубой вязки свитер, вокруг шеи намотан ярко-малиновый шарф.

— Уже готовишься к лыжным походам в швейцарские Альпы? — улыбнулась она, однако Павел ее шутку не поддержал. Он молча подошел поближе, прикурил сигарету и посмотрел куда-то в глубину сада. Тане показалось, что он чем-то расстроен.

— «Грусть-тоска меня снедает», — продекламировала она и, осторожно дотронувшись до плеча Павла, спросила: — Что-то случилось?

Тот повернул к ней хмурое лицо.

— Естественно, случилось. Ты разве не слышала, что Фишман отказался от поездки?

— К сожалению, слышала, — вздохнула Таня. Недавно у Миши Фишмана тяжело заболел отец, и теперь он не мог уехать, бросив на произвол судьбы убитых горем мать и сестру. — Но, может быть, все еще образуется, и он присоединится к нам позже?

— А может быть, и нет, — недовольно проворчал Павел. — Да тут еще Кобец заартачился. У него жена через два месяца должна родить и категорически отказывается сниматься с места. Устроила нашему Леше скандал, и тот сразу скис. Теперь он бубнит мне про то, что «наверное, ничего не получится и ему придется остаться». Тюфяк, тряпка!

— Но это жизнь, Павел, — попробовала успокоить его Таня. — Люди всегда идут на жертвы ради тех, кого любят. Они не могут жить одной только работой.

— Тот, кто не может, пусть катится ко всем чертям! — отчеканил Павел, сверкая глазами. — Нет, ну надо же такому случиться! Потерять в самый ответственный момент сразу двух бесценных работников! И что прикажешь мне делать?

— Я уверена, что выход найдется, — спокойно сказала Таня, — и злиться на ребят вовсе не обязательно. Чем они виноваты? Тем, что любят своих близких?

Лицо Павла немного смягчилось.

— Ладно уж, миротворец, — проворчал он и легонько потрепал Таню по щеке. — Надеюсь, хоть ты-то не собираешься покинуть меня в трудный час? А то давай добивай меня какой-нибудь гнусной новостью. Скажи, что собираешься замуж и не сможешь отправиться в поездку, потому что тебе срочно надо шить подвенечный наряд.

Он шутил, но его прозрачные голубые глаза смотрели на Таню пытливо.

— Не собираюсь я замуж, — с кривой усмешкой ответила та, — ни сейчас, ни в ближайшем будущем. Вообще никогда!

Пожидаев удивленно приподнял одну бровь.

— Значит ли это, что Потапов, как жених, снова себя дискредитировал?

Таня не горела желанием вдаваться в подробности своих любовных перипетий, поэтому предпочла ограничиться коротким кивком. Ей показалось, что ее молчаливый ответ пришелся Павлу по душе. Он как будто расслабился, и на губах его появилась довольная улыбка.

— Ну что же, может, оно и к лучшему, — сказал он, одной рукой обнимая Таню за плечи. — Я вот только не понял, почему ты сказала «вообще никогда»? Неужели ты думаешь, что на твое сердце не найдется других претендентов? Более достойных и более дальновидных?

— Ты никак себя имеешь в виду? — покосилась на него Таня. — Надо полагать, у тебя на данный момент вакантно место любовницы. Но мы уже однажды это проходили — разве не так? Я думала, эта тема закрыта.

Она действительно так думала. Пожидаев, конечно, ей нравился. Точно так же, как он нравился всем встречавшимся на его пути женщинам, но не больше. Она была уверена, что для

своей избранницы тот мог стать источником наслаждения, восторга и радости, но... Только очень ненадолго. Кратковременная перспектива Таню не прельщала, поэтому она никогда ставок на Павла не делала.

— Решительная девушка — сразу берет быка за рога, — насмешливо сказал Пожидаев. — Конечно, если ты хочешь немедленно получить от меня предложение руки и сердца, то к подобному поступку я пока не готов. Но должен признаться, что в последнее время я все чаще замедляю шаг, проходя мимо ювелирных магазинов. Обручальные кольца перестали меня страшить, и я вполне могу представить, как выбираю одно из них для тебя.

«Неожиданно, но интригующе, — подумала Таня, в душе которой ничто не дрогнуло. — Я совершенно свободна и открыта для чувств. И даже хорошо, что сама я не пылаю страстью — меньше шансов получить ожоги. Зато я узнаю наконец, что такое быть любимой. В общем, об этом стоит подумать».

— Об этом стоит подумать, — повторила она вслух и почувствовала, как рука Павла крепче сжала ее плечо.

* * *

Дело шло к вечеру, и темное небо то и дело брызгало дождем. Олег сидел на застекленной веранде маленького ресторанчика и смотрел вниз, на серую улицу. На тротуарах со щелчками раскрывались зонты, словно лопались бутоны экзотических цветов. Женщины в разноцветных плащах и пестрых куртках раскрашивали унылый осенний пейзаж. Витка недавно авторитетно заявил, что в России мода на яркую одежду скоро пройдет, как детская корь. А Олег ответил, что ему было бы очень жаль. Системная европейская элегантность вгоняла его в тоску. Серо-бело-черные женщины казались ему скучными и удивительно похожими друг на друга. То ли дело Москва! Здесь можно было увидеть буквально что угодно — фантастическое смешение красок, калейдоскоп стилей и каблуки, каблуки, каблуки!

Кстати, Потапов пришел Олегу на ум не случайно, а потому что именно о нем он собирался поговорить сегодня с Региной. Олег позвонил ей с работы, чтобы узнать, как прошло их объяснение с Виктором. Но главное — ему не терпелось выяснить, рассказала ли Регина жениху о своих встречах с его лучшим другом. Олег хотел сделать это сам — сразу же после того, как они закончили разборки с Яновской, — но не успел. Виктор был так захвачен свалившимися на него новостями и так стремился поскорее поделиться ими с Региной, что решительно отмахнулся. «Потом, — сказал он. — Мне срочно нужно с ней увидеться — все остальное неважно».

Но Олег так не думал. Он считал, что Виктор обязан узнать о том, как они с Региной познакомились и почему до сих пор держали это знакомство в секрете. Ему казалось, что чем дольше они тянут с признанием, тем более неприглядной выглядит вся эта история со стороны.

Однако Регина не захотела слушать Олега по телефону и пригласила на чашку кофе. Встретиться она предложила в своем любимом ресторанчике, который почему-то категорически не нравился Виктору. А значит, и наткнуться на него там было нереально.

Едва переступив порог ресторана, Олег понял, что заведение это недешевое — официанты выглядели карикатурно напыщенными, а тарелки, которые они разносили посетителям, казались огромными. Он уже давно заметил, что существует прямая связь между размером тарелок и величиной счета. На этих обширных белых «плато» лежали крохотные пестрые горки еды, зачастую совершенно пресной и безвкусной.

В ожидании Регины Олег заказал себе чашку кофе, который оказался на удивление приличным. Сделав пару глотков из пузатой чашечки, он закурил сигарету и с удовольствием затянулся. Неторопливо постукивая пальцами по меню, он дал себе слово, что в последний раз пошел на поводу у Регины. Больше никакие обстоятельства не заставят его встречаться с ней наедине.

Регина опоздала всего на пятнадцать минут, заявив, что для нее это сверхъестественная пунктуальность. Когда она возникла на пороге, почти все находившиеся в зале мужчины повернули головы в ее сторону. «Красота — лучший наряд девушки», — усмехнулся про себя Олег, поднимаясь ей навстречу. Окажись он в подобной ситуации несколько дней назад, наверняка раздулся бы от гордости. Но сегодня ему было безразлично и то, как выглядит его спутница, и то, как все окружающие ей восхищаются. Ему хотелось лишь одного — завершить встречу как можно скорее.

— Я ужасно голодная, — сообщила Регина, изящно опускаясь на отодвинутый для нее Олегом стул. Несмотря на довольно ранний вечер, вокруг нее витал аромат дорогих духов, густых и чувственных. — Надеюсь, ты составишь мне компанию? — сказала она слегка капризным тоном.

Есть Олегу совершенно не хотелось, но отказывать Регине было неловко, и он не слишком охотно кивнул.

— Удивляюсь, почему Виктор не любит это место, — заметил он, с интересом оглядываясь по сторонам. — Ведь для него нет лучшего развлечения, чем доводить до белого каления чванливых официантов в пафосных ресторанах.

Он посмотрел на одетого в форму холеного юношу, который стоял возле соседнего столика, важно выпятив нижнюю губу. У его клиента, державшего перед собой меню, губа была выпячена точно так же. Казалось, что один из них просто-напросто пародирует другого. Регина проследила за взглядом Олега и рассмеялась.

— Действительно, Виктор мог бы от души позабавиться, — сказала она и, достав сигарету, покрутила ее в пальцах. — Но на самом деле здесь очень мило. Кухня, вид на город и все такое...

Олег не успел и глазом моргнуть, а возле Регины уже возник человек с зажигалкой в руках и неуловимым движением поднес к сигарете бойкий огонек.

— Мне все как обычно, — бросила Регина, кивком поблагодарив его за оказанную любезность.

Олег наблюдал за ней и радовался тому, что сумел-таки воспротивиться колдовским чарам. Эта девушка принимала всеобщее поклонение как нечто само собой разумеющееся. Рано или поздно ему тоже пришлось бы ей поклоняться. Однако Олега совсем не вдохновляли подобные отношения.

«Наверное, она страшная эгоистка, — подумал он. — Привыкла, что в этой жизни все делается только для нее и ради нее. Остальные люди занимают ее лишь постольку, поскольку попадают в сферу ее личных интересов. Например, я сам. Она ведь собирается замуж за Виктора, но вовсе не против приручить заодно и меня. Мало ли, авось на что-нибудь сгожусь. И я действительно сгодился! Вот, разбираюсь в их с Витькой личных проблемах. Но Регине этого мало. Ей нужно, чтобы я взирал на нее с обожанием, иначе ей все не в радость. А поскольку я не взираю, она бесится. Поэтому-то и звонит беспрестанно, требуя очередной личной встречи — надеется снова обворожить. Просто так, ради самоутверждения».

Олег был уверен, что правильно разгадал загадку Регининой настойчивости. Еще он подумал, что, наверное, стал единственным мужчиной, который оказался ей не по зубам, и эта мысль его развеселила. Хотя в глубине души он не мог не признать, что дело было вовсе не в его повышенной сопротивляемости соблазнам. Противоядием Регининому очарованию стало его сильное и очень искреннее чувство к Тане.

Из задумчивости Олега вывел голос официанта, желавшего узнать, «что угодно заказать джентльмену».

— Мне угодно вот это, — ткнул он пальцем в первую попавшуюся строчку меню. Итальянских слов в названии блюда было гораздо больше, нежели русских, и он опасался, что не сможет их правильно произнести.

Когда официант удалился, Регина выпустила изо рта фигурную струйку дыма и, любуясь ею, произнесла:

— Виктор говорит, что это именно ты разоблачил интриганку, которая заварила вокруг нас всю эту кашу. Но он не рассказал мне, как ты обо всем догадался, а ведь это и есть самое интересное. Ты ведь провел частное расследование — прямо как в настоящем детективе. Я так хочу, чтобы ты мне все рассказал!

Олег не стал сопротивляться, решив, что если безропотно выполнит ее просьбу, она не станет задерживать его слишком долго. Начал он с того самого момента, когда Виктор позвонил ему из спортклуба, чтобы выложить возникшие у него подозрения.

— Когда я решил заняться этим делом, то подумал, что хорошо бы заручиться поддержкой кого-нибудь из коллег. На ум сразу же пришла Лиля — секретарша Виктора. Они работают вместе уже не один год, и она могла заметить что-то такое, на что сам Виктор не обратил никакого внимания. В сущности, так все и получилось. У нее были причины заподозрить в нечестной игре нашего нового ландшафтного дизайнера, а потом одна догадка повлекла за собой другую, после чего обвинения посыпались на Яновскую уже со всех сторон.

Регина слушала его рассказ внимательно, как будто боялась пропустить даже самую незначительную подробность. Когда Олег закончил свое повествование, она немного помолчала, а потом спросила:

— Но если Виктора действительно собираются назначить генеральным директором, почему он ничего не рассказал об этом мне?

— Может быть, боялся сглазить? — пожал плечами Олег. — Он и мне ни словом не обмолвился о грядущих переменах. Наверное, дожидался официального приказа, чтобы сделать всем сюрприз.

— Но эта девушка... Неужели она решила рассорить нас с Виктором только из-за его новой должности?

— Из-за очень высокой должности, — уточнил Олег. — Захмутать генерального директора крупной фирмы — это же жутко заманчиво. Такое дело стоило и времени, и усилий.

— Какая изощренная фантазия у этой вашей Яновской, — содрогнулась Регина.

— Она уже больше не наша. Ей однозначно дали понять, что фирма не нуждается в ее услугах. Правда, уволиться разрешили по собственному желанию.

— Ужасная история, — вздохнула Регина, — и я рада, что она наконец-то закончилась. Хотя, если честно, мне безумно неприятно, что Виктору пришлось узнать про моего бывшего поклонника.

— Зато теперь-то уж твой профессор угомонится и оставит тебя в покое, — сказал Олег.

— Скорее бы. Признаться, Владлен Леопольдович очень меня донимает. — Регина потерла переносицу указательным пальцем так, словно у нее устали глаза. — Видимо, я была его последним серьезным увлечением.

— Наверное, твой пример стал наукой для других студенток консерватории, и больше ему с тех пор никого соблазнить не удалось, — усмехнулся Олег.

— Ну да, — согласно кивнула Регина, не уловившая в его голосе иронии. — И теперь он пытается вернуть то, что так бездарно упустил. Он даже не задумывается над тем, что испортил мне карьеру. За это я его ненавижу.

— А ты говорила ему об этом? — поинтересовался Олег. — О своей ненависти?

Регина посмотрела на него с удивлением. Как будто он сказал что-то недостойное, и лично ей такая мысль никогда бы не пришла в голову.

— Нет, я не говорила ему ничего подобного. По крайней мере, открытым текстом. Я думала уладить дело по-хорошему, пыталась его образумить, увещевала. Понимаешь, мне не хотелось причинять ему лишнюю боль, ведь ему сейчас и так несладко.

Олег смотрел на нее, недоверчиво сощурился. Ему с трудом верилось в то, что эта девушка способна испытывать такое глубокое сострадание к бывшему любовнику. К тому же страшно назойливому и не слишком молодому. Регина, будто прочитав его мысли, недовольно передернула плечиками.

— Ну, хорошо, — сказала она наконец, — дело не только в жалости. — Потом подалась вперед и, понизив голос почти до шепота, призналась: — Дело в том, что я его боюсь. Понимаешь, мне стало казаться, что Владлен Леопольдович... как бы это сказать? Немного не в себе. Раньше он был очень представительным, импозантным, уверенным в себе. Но сейчас это всего лишь жалкое подобие человека, которого я когда-то любила. Когда ему удастся завести со мной разговор, он становится похож на полоумного. Правда, чаще всего стонет и умоляет меня о милосердии, но иногда в его глазах появляется такое жуткое выражение, что мороз по коже.

— Слушай, а может быть, уже пора заявить на него в милицию? То есть в полицию! — сказал Олег. — Если все так серьезно, то тут и до беды недалеко. Судя по твоим описаниям, у профессора действительно неладно с психикой.

Регина не успела ничего ответить, потому что в этот момент к их столику приблизился официант. Перед девушкой он торжественно поставил стеклянную форму с запеченными шампиньонами, а перед Виктором — гигантское молочно-белого цвета блюдо, на котором лежала тощая рыбина с выпученными глазами. Рядом с ней притулились две брусничины, щепотка натертой лимонной цедры и унылый листик мяты.

Когда официант удалился, Олег снова вернулся к прерванному разговору:

— Так что ты думаешь о возможном вмешательстве полиции?

— Думаю, ты прав, — вздохнула Регина. — Но теперь, когда Виктор наконец-то обо всем узнал, пусть сам решает, как поступить. Может быть, ему достаточно будет встретиться с Голосовским один на один и пригрозить разобраться с ним по-мужски. Вдруг Владлен Леопольдович испугается? Ну, не то чтобы мне хотелось, чтобы Виктор его действительно поколотил, но все же это было бы лучше, чем вмешивать в наши проблемы официальные органы, согласись.

— Да, я понимаю, о чем ты говоришь, — протянул Олег. — С другой стороны, если профессор и впрямь спятил...

— Давай предоставим Виктору возможность самому решать, как все уладить, — перебила его Регина. — Я целиком и полностью полагаюсь на его здравый смысл.

Олег ничего на это не ответил и принялся задумчиво гонять вилкой толстокожую брусничину. Потом осторожно воткнул зубцы в зажаренный рыбий бок.

— М-м, вкусно, — удивленно сказал он, прожевав первый кусочек.

«Хотя на эти деньги запросто можно было бы купить небольшой океанариум», — подумал он.

Быстро расправившись со своим не слишком сытным блюдом, Олег выпил стакан сока и закурил. Наблюдая за тем, как Регина клюет свои шампиньоны, он снова подумал о Тане. Уж она бы не стала так церемониться с грибами. Таню вряд ли можно было назвать гурманом, но уж если что-то было действительно вкусно, то ела она с аппетитом, не скрывая удовольствия.

Мысли о Тане растревожили Олега. Он вдруг подумал, что ему ужасно хочется ее увидеть. Прямо сейчас, сию минуту. И сказать ей наконец, что для счастья ему необходимо каждый день видеть ее улыбку. Нужно, чтобы она всегда была с ним рядом. В горе и в радости, в нищете и достатке.

Желание немедленно встретиться с Таней и признаться ей в любви овладело Олегом с невероятной силой, и он с трудом удержался от того, чтобы немедленно откланяться. Но Регина все же заметила его нетерпение.

— Ну что же, спасибо за то, что согласился со мной встретиться, — сказала она небрежным тоном. — Теперь мне стало немного спокойнее. Зато сразу захотелось обсудить последние новости с подружкой. Я подожду ее здесь. А ты, если хочешь, можешь идти. У тебя, наверное, еще дела?

— Мой рабочий день вообще не имеет границ, — шутливо подтвердил Олег.

Потом он довольно эффектно шелкнул пальцами, привлекая внимание официанта. Расплатился по счету и, поцеловав благосклонно протянутую дамой ручку, торопливо вышел из ресторана. Захваченный идеей немедленно отыскать Таню, он помчался по лестнице так быстро, словно у него горели подошвы. Хлипкие резные перильца дрожали, когда его заносило на поворотах, и он хватался за них обеими руками. Мимо него ухнул вниз стеклянный лифт, но он не обратил на него внимания. Сейчас ему хотелось движения, сопротивления воздуха, работы мышц и легких.

Очувтившись на улице, Олег мгновенно попал в сплошную пелену дождя. Застегнув на все пуговицы пиджак и подняв воротник, он вытянул из кармана телефон и приготовился набрать номер. В ту же секунду мобильник завибрировал в его руке, и на дисплее высветилось «Таня».

«Невероятно, — ошарашенно подумал Олег. — Она на расстоянии почувствовала мой молчаливый призыв. Почувствовала и сама позвонила!»

— Олег, привет, — донесся до него знакомый голос, — ты сейчас можешь говорить?

— С тобой я могу говорить всегда, — ответил он без околичностей.

Ему захотелось сказать ей что-нибудь замечательное, излить душу, начать петь дифирамбы. Он больше не боялся показаться ей смешным или нелепым. Любовь не может быть смешной!

— Это хорошо, — откликнулась Таня, не обратив внимания на его «всегда». — Мне нужно с тобой кое-что обсудить. Кое-что личное. Поэтому лучше бы нам встретиться — это все же не телефонный разговор.

— А ты сейчас где? — поинтересовался Олег, останавливаясь у перехода. Ожидая, пока светофор замигает зеленым глазом, давая пешеходам «добро», он вглядывался сквозь облако водяной пыли в силуэты людей, стоящих на противоположной стороне шоссе. Неожиданно один из них показался ему удивительно знакомым. И этот силуэт прижимал к уху сотовый телефон.

— Так где же ты сейчас? — повторил Олег, едва сдерживая нахлынувшее на него веселье.

— Что? Я на улице. В центре города, — откликнулась Таня.

— У тебя очень симпатичный плащ — тебе идет голубой цвет.

— Спасибо. Так когда мы?.. Ой, а откуда ты знаешь?!

— Я телепат, разве тебе это неизвестно? — продолжал разглагольствовать Олег, не спуская с Тани глаз. — Кстати, шлепать по лужам в таких роскошных туфельках не слишком благоразумно.

— Олег, так нечестно, — сказала Таня.

Он видел, как она озирается по сторонам. Как только зажегся зеленый, он бросился к ней через улицу.

Таня заметила его, когда он был уже в двух шагах, и всплеснула руками. На лице ее расцвела такая радостная улыбка, что Олег чуть было не схватил ее в объятия, чтобы закружить, поцеловать... Но все-таки не рискнул. Позже он тысячу раз клял себя за то, что опять смалодушничал, не решился обрушить на нее свои чувства сразу, без всяких предисловий. Почему он считал, что слова любви нужно дозировать, словно лекарство? И готовить Таню к признанию постепенно, словно к какому-нибудь ужасному известию?!

— Как ты здесь оказался?! — воскликнула его лучшая подруга, смеясь без всякого кокетства — как тогда, прежде, в прошлой жизни, до своей поездки в Париж.

— Вот так и оказался — по зову сердца и по велению души, — ответил он. Нырнул под зонт, наклонился и поцеловал ее в щеку. Щека была влажной и сладко пахла пудрой.

— Ты весь промок, — воскликнула Таня.

— Как бездомный пес!

— Пойдем скорее куда-нибудь под крышу.

Она схватила его за руку и потащила вниз по улице. Их нечаянная встреча взбудоражила ее, и, разволновавшись, она, как бывало в детстве, выдала все, что ее тревожило, в первые же две минуты.

— Когда мы сидели в ресторане, я поняла, что тебе нравится Регина! — выпалила Таня, на ходу пытаясь заглянуть Олегу в глаза.

— Серьезно?

Ему показалось невероятным, что она так подумала.

— Ты сидел с таким мечтательным лицом... Я никогда у тебя такого не видела.

«Видела, Таня, и не раз! — про себя возразил он ей. — Видела, но не замечала. Почему же заметила сейчас?»

— Куда ты меня тащишь? — вслух спросил он.

— Вон в то кафе, видишь? Там пекут вкусные пироги с капустой.

Регина никогда бы не стала есть пироги с капустой, прячась от дождя. Чтобы получить удовольствие от такой малости, нужно на время перестать быть взрослым. Таня это умела! И он умел... Когда она вела его за руку.

— Что ты на меня так смотришь? — спросил Олег, не переставая улыбаться.

— Мне нравится на тебя смотреть. Ты вообще мне нравишься, — ответила Таня.

— Нет уж, нет уж, Танечка! Больше ты меня лестью не купишь, — проворчал Олег.

— Что значит — больше? — искренне удивилась та.

— Помнишь, как в девятом классе нас возили на экскурсию в Питер?

— Ну, да... И что?

— В поезде ты начала оказывать мне знаки внимания, делала всякие намеки, в щечку целовала! Короче говоря, обнадеживала.

— Серьезно? — Таня высоко задрала брови. Ямочка на ее щеке сводила Олега с ума.

— Я уши-то и развесил! А потом выяснилось, что ты мстила какому-то козлу — с моей помощью. С тех пор я твоим сладким речам не верю!

Они подошли к кафе в тот самый момент, когда дождь хлынул как из ведра. Никакой зонт их не спас, и они промокли в мгновение ока. Смеясь и подгоняя друг друга, они наконец-то проскользнули в дверь и принялись шумно отряхиваться. Потом Олег помог Тане снять плащ, а сам стащил пиджак и перекинул его через плечо.

— Признайся, Олег! Несмотря на то что Регина — невеста Виктора, она тебя влечет, — выпалила Таня, входя в полутемный зал.

Здесь было тепло и душно. На столах мерцали крошечные огоньки свечей с запахом лаванды.

«Глупая, меня влечешь только ты», — мысленно возразил ей Олег.

Сегодня Таня казалась ему особенно красивой. Он заметил всё — и ее чудесное платье, и медальон в стиле ар-деко, купленный в каком-нибудь маленьком магазинчике и наверняка доставивший ей удовольствие, помаду винного оттенка, которая выглядела роковой на ее губах...

У него внезапно запылали щеки — он ощущал, что в нем пробудились те чувства, которые Таня однажды увезла с собой в Париж. Теперь они вернулись к нему — еще более сильные, полнокровные. И эти чувства вдруг обрели такую определенность, что он едва не застонал. Это его женщина, его любовь! Он больше никуда ее не отпустит. И он обязательно произнесет слова признания. Если ей нужно, чтобы он громко говорил о своей любви, — он заговорит...

Тем не менее эти слова так и не вырвались наружу. Ему хотелось, чтобы Таня как-нибудь помогла ему сделать первый, трудный шаг.

«Неужели ты не видишь, как я люблю тебя? — продолжал молча взывать к ней Олег. — Я много лет жду, что ты обратишь на меня внимание, а ты смотришь в сторону. На кого угодно — только не на меня!»

Но Таня никак не реагировала на его внутренний монолог — она была настроена на совершенно другую волну. И все же Олег знал, что на этот раз ему удастся с нею объясниться. «В любви не бывает «несвоевременных моментов», — подбадривал он себя, — ждать и подгадывать — провальное дело». И еще он чувствовал, что все сделает правильно, и Таня обязательно ответит на его чувство. Не может не ответить! Они не зря столкнулись сегодня под проливным дождем в самом центре огромного города! Олег посчитал их встречу знамением свыше, и это придало ему уверенности в себе.

Столик, за который они уселись, располагался в небольшой нише и вполне годился для приватного разговора. Но Олегу этого было мало. Ему хотелось бы, чтобы все люди вокруг исчезли и они с Таней остались абсолютно одни — только он и она. И тогда он взял бы ее за руку, заглянул в глаза и во всем признался. В том, что любит ее давным-давно и больше не собирается скрывать свои чувства. Он сказал бы, что никакая даже самая распрекрасная красавица не сможет сравниться с ней, Таней. Потому что лучше нее нет никого на белом свете. И если сейчас она даст ему хоть маленькую надежду, все в его жизни изменится раз и навсегда.

— Ты сам-то понимаешь, что ты делаешь? — спросила Таня, глядя на Олега пытливым и в то же время печальным взглядом. В ее глазах отражалось пламя стоявшей между ними свечи, и от этого они казались Олегу глубокими и таинственными.

— А что я делаю? — переспросил он.

Таня улыбнулась грустной улыбкой, от которой у Олега внезапно защемило в груди. Глаза у нее были серые, с легкой голубизной. Когда она надевала что-нибудь синее, голубизна становилась яркой и пронзительно чистой. Сейчас на ней был тускло-голубой шарф, завязанный как-то особенно — по-французски! — и глаза приобрели новый оттенок. «Будто в синем небе ложкой размешали белые облака», — подумал Олег, ощущая в душе странную тоску.

Занятый своими собственными мыслями, он уже успел позабыть суть предстоящей им беседы.

— Ты упускаешь Регину! — с чувством воскликнула Таня. — Однажды ты уже проделал этот фокус со мной, а сейчас пытаешься его повторить. Скажешь, нет?

— Да, тебя я упустил, это точно, — согласился Олег.

Таня не услышала в его голосе ни тени печали, и это ее ужасно огорчило. Она никак не ожидала, что Олег будет с ней до такой степени откровенен. И совершенно спокоен. «Кажется, мой поезд ушел уже очень давно, — подумала она обреченно. — Вокзал опустел, на скамейках лежат вчерашние газеты».

— Ты ведь понимаешь, что я вмешиваюсь на правах старого друга? — спросила она, сурово сдвинув брови.

— Подруги, — поправил Олег, подперев щеку рукой. На губах его блуждала легкомысленная улыбка, которая вовсе не соответствовала выбранному Таней серьезному тону. Он понимал, что сейчас она обязательно на него рассердится, но ничего не мог с собой поделать. Его страшно забавляла сложившаяся ситуация — он собирается объясниться Тане в любви, а она пытается сосватать ему другую. Ей наверняка кажется, что она выполняет свой долг, пытается его спасти.

«Тоже мне, спасительница», — с нежностью подумал он и твердо решил, что сегодня непременно ее поцелует. И у этого поцелуя будет двадцатилетняя выдержка и неповторимый вкус и никакого дружеского послевкуся.

— Ведешь себя как дурак, — сердито сказала Таня. — Знаешь, как трудно мне было решиться на этот разговор! Я ведь когда-то тебе нравилась. Еще до того, как вмешался Виктор...

— И после тоже нравилась. Очень, — с чувством ответил Олег и пригубил минералку, которую только что разлил по бокалам торопливый официант.

На этот раз Олег оттягивал объяснение не потому, что не был к нему готов. Просто ему нравилась эта игра в слова и смыслы, а обмен репликами казался почти что флиртом, в котором он отказывал себе год за годом.

— Олег, ты мог бы получить все, что захочешь, — сказала Таня с нажимом. — Если бы не отступал, еще не начав действовать. Ты боишься, что будешь отвергнут, и заранее опускаешь руки! Так еще никому не удалось заполучить свое счастье. В любви, как и на войне, нужно действовать, а не прятаться. Это же простой здравый смысл.

— Ты похожа на профессоршу психологии — такая же серьезная и сыплешь прописными истинами, — улыбнулся Олег. — А теперь давай поменяемся ролями: ты немного помолчишь, а я тебе кое-что скажу, договорились?

Он поднялся со своего места и, быстро скользнув на крохотный диванчик, очутился рядом с Таней. Очень близко, ближе, чем когда-либо раньше. Таня не знала, что и думать, потому что Олег больше не был похож сам на себя. В нем произошли какие-то неведомые ей перемены, как будто сдержанный и не слишком эмоциональный человек уступил место другому — порывистому и страстному. В жесте, которым он взял ее за руку, ощущалась непоколебимая мужская решимость. От этого прикосновения ее охватило волнение — истинно женское, чувственное. Она смутилась, и голос ее явственно дрогнул, когда она спросила:

— Что... что ты хочешь мне сказать?

Все вокруг сейчас казалось ей каким-то расплывчатым и совершенно нереальным. Отчетливо она видела лишь лицо Олега. Пламя свечи колебалось, и огненные отблески рассыпались сухими искрами в его глазах.

— Я хочу тебе сказать... — заговорил он чуть охрипшим от напряжения голосом, но закончить фразу не успел — отвратительный дребезжащий звук прервал его на полуслове.

Мобильный телефон лежал на столе и, вибрируя, двигался к самому краю. Олег тупо смотрел на него, не в силах вырваться из пучины грез и вернуться к грубой реальности. Таня опомнилась первой.

— Лучше бы тебе ответить, — сказала она.

Схватила аппарат и, без спросу нажав на кнопку соединения, сунула его Олегу в руку.

— Да? — механически ответил тот, переводя взгляд на Таню и пытаясь заглянуть ей в глаза.

И в ту же секунду до них обоих донесся истерический крик Лили:

— Олег, приезжай скорее! Виктора застрелили!

* * *

— Где твоя машина? — все время спрашивала Таня, дергая его за рукав.

Губы ее дрожали так, что слова получались неразборчивыми и больше походили на всхлипы.

Олег бросил машину аж на Цветном бульваре — просто потому, что ближе не удалось припарковаться. Бежать было слишком далеко, и он поднял руку, пытаясь остановить такси, частного, кого угодно. Наконец их подобрал какой-то лихач, помчавшийся по городу, словно маньяк, удирающий от рассвирепевших мстителей. «Скорее!» — то и дело подгонял его Олег, и водитель молча вдавливал в пол педаль газа. Светофоры мелькали перед их глазами, словно лампочки елочной гирлянды.

Когда Таня с Олегом ворвались в офис, там царил полная неразбериха. Полиция, рассыпанные по полу бумаги, дружный женский плач, истерические вскрики Лили, доносившиеся из приемной. Олег властно толкнул Таню в сторону бледного Доминика, и тот принял ее в свои объятия, растерянно бормоча:

— Он жив, Таня! Он жив, не плачь. Его увезли в больницу. Мы сейчас все поедem туда. Когда нам позволят уйти, мы сразу поедem.

Однако тем, кто находился на рабочем месте в момент трагического происшествия, уйти не разрешили. Хотя каждый, кто хоть что-то видел, уже несколько раз повторил свои показания. Назвавшись клиентом, преступник беспрепятственно поднялся на второй этаж, прошел через большой зал к приемной Виктора, спросил у Лили, на месте ли ее босс, и, получив утвердительный ответ, достал из кармана пистолет. Это было так неожиданно, что Лиля остолбенела. И лишь когда незнакомец вошел в кабинет и выстрелил, она завизжала. В ту же секунду незнакомец выскочил в приемную, продолжая сжимать пистолет в руке. Его не остановили, потому что не сразу сообразили, что случилось. Выстрела никто не слышал, а когда закричала Лиля и все бросились к ней, то увидели в кабинете окровавленного Потапова. И тут началась легкая паника. Пока вызывали «Скорую», пока приходили в себя, преступник исчез, растворился в пространстве, словно его и не было.

— Он вошел немного торопливо, но я не придавала этому особого значения, — размазывая обеими руками слезы по щекам, рассказывала Вероника Морозова. — Как выглядел? Обыкновенный мужчина, в кепке. Немолодой... Да, и еще в галстук! У него вид был такой... благообразный. Разве можно было подумать, что он замыслил убийство?!

«Это Регинин ухажер, — неожиданно дошло до Олега. — Владлен Леопольдович, кажется? Выходит, ее страхи были не беспочвенны, а с предложением обратиться за помощью к властям я опоздал».

— Кто-нибудь позвонил невесте Потапова? — спросил он, на секунду испугавшись того, что плохую весть придется сообщать именно ему.

Однако, как выяснилось, к Регине уже отправилась полиция, так что переживал он напрасно. И все же он набрал ее номер, остановившись посреди общего зала. Но она не ответила. Длинные гудки здорово действовали на нервы, и Олег не стал перезванивать.

«Надеюсь, она повторит им то, что рассказала сегодня мне, — подумал Олег, продолжая размышлять о Голосовском. — Когда ее начнут подробно расспрашивать, да еще опишут внешность преступника, она наверняка придет точно к такому же выводу, что и я. Ну а если почему-либо промолчит, тогда уж придется мне взять миссию обвинителя на себя. Хотя у Регины, конечно, гораздо больше резонов рассказать о своем бывшем любовнике, чем у меня».

Но какими бы благородными ни были его порывы, сейчас его гораздо больше волновала Таня. За одной из пластиковых перегородок он видел ее макушку — трогательно встрепанную, которую ему совсем недавно хотелось поцеловать.

Доминик усадил Таню за чей-то стол с включенным компьютером. По экрану монитора прыгали разноцветные зайцы, и она смотрела на них во все глаза, не понимая, почему никуда не бежит и ничего не делает. «Я разлюбила Потапова, и вот что случилось. Он в любую минуту может умереть! Из-за того, что моя любовь перестала его оберегать!» Это были самые глупые мысли, которые когда-либо приходили ей в голову, но тем не менее они оказались невероятно мучительными.

Когда Олег понял, что ничего полезного он здесь больше не узнает, то сразу же решил ехать в больницу — сидеть в офисе было невыносимо. Он попросил у Доминика машину, и тот, вытащив из кармана ключи, молча перебросил их ему. Сжав в кулаке увесистую связку, Олег подошел к Тане и успокаивающе погладил ее по плечу.

— Поедем к Виктору, — предложил он. — Если друг борется за жизнь, мы должны быть с ним рядом.

Таня подняла на него глаза — больные, измученные страхом и раскаянием. Олег протянул ей руку и помог подняться. Когда они шли к лифту, он сначала держал ее за руку, а потом обнял за талию и крепко прижал к себе. С этого момента ей стало казаться, что она летит по воздуху, — нужно было только перебирать ногами, а пол сам уплывал назад.

Им с трудом удалось узнать, в какую больницу увезли Виктора. Потом они еще долго выясняли, как туда ехать, но наконец-то тронулись в путь. Всю дорогу Таня сидела очень прямо и нервно сплетала и расплетала пальцы.

— С ним все будет хорошо, я уверен, — время от времени повторял Олег, хотя на самом деле не знал о Витькином состоянии вообще ничего.

Доминик уверял, что когда Потапова увозили, тот был жив. Но с тех пор прошло уже несколько часов, за такой срок могло случиться как что-то хорошее, так и нечто непоправимое. Но думать о плохом Олег не мог. Сегодня рядом с ним была Таня, и уже одного этого было достаточно, чтобы почувствовать оптимизм.

Изрядно поколесив по городу, они все же добрались до места и вскоре, держась за руки и прижимаясь друг к другу, вошли в дверь нужного им корпуса. От больничного запаха и звуков, которыми были наполнены коридоры, Таня окончательно пала духом. Ей стало так тоскливо, что слезы сами собой навернулись на глаза. Олег усадил ее на жесткий деревянный стул, а сам отправился добывать информацию. Он с кем-то разговаривал, чего-то требовал, на чем-то настаивал. Однако прошло не менее трех часов, прежде чем к ним стремительно вышел врач в зеленом халате. У него была воинственно торчащая вперед борода и ворчливый голос.

— Вашего Потапова мы прооперировали, — сообщил он без всякого выражения. — Думаю, с ним все будет в порядке. По крайней мере, пуля не задела жизненно важных органов. Организм у него еще молодой, довольно крепкий, привычками дурными не испорченный. Так что, если не будет никаких осложнений, ваш друг быстро встанет на ноги.

— Спасибо вам, — сказал Олег и от души потряс ему руку.

Таня, у которой слезы комом стояли в горле, не проронила ни слова и только взирала на доктора с молчаливой благодарностью.

— А сейчас поезжайте домой, — приказал тот. — Сегодня вы своего приятеля точно не увидите. Он еще долго не придет в себя. И вообще после операции ему нужен полный покой. Так что отправляйтесь — вас к нему все равно не пустят.

Но они, конечно, никуда не поехали, а остались сидеть на металлической скамейке, обтянутой коричневым кожзаменителем. Через некоторое время послышался стук каблуков, и в конце коридора появилась Регина. Когда она подошла поближе, стало видно, что глаза у нее заплаканы, а на щеках горят огромные красные пятна. Взглянув на Олега, она бурно разрыдалась и сразу же бросилась ему на грудь. Таню она словно бы и не замечала. И даже успокоившись и промокнув припухшие глаза платком, она так и не удосужилась повернуть голову в ее сторону.

Олег, никак не ожидавший от Регины подобной демонстрации чувств, совершенно растерялся. Конечно, она была убита горем, и с этим приходилось считаться. С другой стороны, Тане в этот момент тоже было несладко, и Олег хорошо представлял, какие демоны терзают сейчас ее душу. Поэтому он метался между ними, не в силах решить, кто из девушек больше нуждается в его поддержке.

Таня между тем делалась все мрачнее и мрачнее.

«Зачем я сюда приехала? — в отчаянии думала она. — Виктор не проявил бурной радости по поводу моего возвращения и не горел желанием возобновлять нашу дружбу. Так с какой стати я решила, что ему вообще нужна моя поддержка и мое сочувствие? О Регине даже речи нет — ей было бы приятнее, если бы я здесь не появлялась. Олегу сейчас тоже не до меня — он занят тем, что утешает невесту лучшего друга. Что же тут поделаешь? Он влюблен в нее, и сердце его, наверное, разрывается на части от сострадания. А я... Я только всем мешаю. Я лезу и к нему, и к Виктору, словно по-прежнему имею на это право. Но, к сожалению, дружба теряет все свои права, когда в игру вступает любовь».

Придя к неутешительному выводу, что никому она здесь не нужна, Таня уже собиралась

потихонечку удалиться и даже пару раз поднималась со скамейки. Но все же страх за Виктора, а также почти мистическая убежденность в том, что именно она каким-то образом виновата в происшедшем, держали ее в больничном коридоре, словно привязанную. Прижавшись затылком к стене, она погружалась в забытие, а потом снова из него выныривала, вздрагивая и всхлипывая. Регина куда-то исчезла. Олег тоже уходил, потом появлялся со стаканчиком воды или жидкого кофе и опять удалялся.

А рано утром, когда она еще ничего такого не ожидала, ей неожиданно разрешили войти в палату. Наверное, потому что она сказала кому-то, что она — бывшая жена. Таня толкнула белую дверь, ни на секунду не усомнившись в своем праве быть тут, подле Потапова. Он лежал на спине, накрытый байковым одеялом нежно-голубого цвета, из-за чего лицо его казалось еще более бледным, чем было на самом деле. Глаза его оказались закрыты, вокруг них лежали густые тени. Он сильно осунулся, но при всем при этом не был похож на смертельно раненного. Таня подошла к нему на цыпочках и осторожно дотронулась до безвольно лежащей на покрывале руки. Виктор немедленно открыл глаза. Тане показалось, что в его взгляде промелькнуло удивление. Или же разочарование?

— Это ты? — спросил Потапов потрескавшимися губами. Голос звучал равнодушно. — Что ты здесь делаешь?

— Я пришла тебя навестить, — сказала Таня, с трудом подавив обиду. — Хотела узнать, как ты себя чувствуешь, и пожелать тебе поскорее поправиться.

— Спасибо, — без всякого выражения откликнулся Виктор, глядя в потолок. Потом он скосил глаза на Таню и спросил:

— А где Регина?

На этот раз в голосе его звучала неподдельная заинтересованность. От такого контраста в его настроении Тане окончательно стало не по себе. Тем не менее она постаралась взять себя в руки и спокойно ответила:

— Наверное, она где-то поблизости. Может быть, прикорнула на какой-нибудь кушетке. И Олег тоже здесь. Мы ведь всю ночь провели в больнице, очень волновались за тебя.

Виктор, казалось, ее даже не слышал. Судя по всему, его мысли были заняты только Региной.

— Я хочу ее видеть, — требовательно сказал он. — Пойди и скажи ей, чтобы пришла сюда. А сама можешь ехать домой. Какой толк от того, что ты будешь здесь надо мной кудахтать? Попереживала, и будет. Теперь пусть обо мне невеста позаботится.

Отповедь Виктора оглушила Таню. Она чувствовала себя так, будто ей на за что ни про что вlepили увесистую оплеуху. Виктор ведь с самого начала дал ей понять, что между ними все кончено, но она упорно не хотела с этим соглашаться. Вот и получила! Конечно, с его стороны говорить такие слова человеку, который искренне переживал, волнуясь за его жизнь, было жестоко. Но и она тоже хороша! Зачем она сунулась к нему первой? Почему, когда он пришел в себя, она не позвала Регину или хотя бы Олега?

— Хорошо, я не буду над тобой кудахтать, — пробормотала Таня, отступая назад. — Выздоровливай. И до встречи!

— Увидимся, — бросил в ответ Виктор.

Таня вышла в коридор, осторожно прикрыв за собой дверь. Каблуки ее туфель оглушительно загрохотали по плиткам пола. Этот звук действовал на нервы, и без того натянутые, как струна. Она сняла обувь и пошла босиком, ориентируясь на зеленые указатели со словом «Выход». Разыскивать Олега и Регину она не стала.

«У меня нет ни малейшего желания видеть женщину, которая отняла у меня обоих друзей, — думала Таня, переполненная горьким чувством потери. — А Олег... Что ж, он больше не нуждается в моей помощи. Я предложила ему бороться за Регину, и он решил последовать моему совету. Сейчас он, наверное, всеми силами утешает ее, и это зачтется ему в будущем».

Она вышла на улицу, во влажную предгрозовую духоту. Из-за низко нависших туч все вокруг приобрело нежный кофейный оттенок, и лишь больничные корпуса белели, словно прямоугольные снежные глыбы. Таня огляделась по сторонам и быстрым шагом пошла по узкой асфальтовой дорожке. Она чувствовала, что горечь и обида постепенно отступают, а на смену им приходит спасительная апатия. К тому моменту, когда Таня добралась до главного входа, она уже почти совсем успокоилась.

И тут внезапно увидела Пожидаева. Засунув руки в карманы, он бродил вокруг своей длинной красной машины, которая казалась странно неуместной возле мрачных больничных ворот. Таню он заметил почти сразу и поспешил ей навстречу.

— Ну, что там? — спросил он. — Обошлось?

— Виктору сделали операцию, но он уже пришел в себя. Меня даже пустили к нему, — сказала Таня, размышляя о том, что могло заставить Павла явиться в больницу. Странно было бы думать, что его до такой степени взволновала судьба Потапова.

— Теперь ты успокоилась? — поинтересовался Пожидаев, старательно вглядываясь в Танино лицо. — Можем ехать?

— Ты специально явился для того, чтобы увезти меня отсюда? — удивилась Таня. — А как ты вообще узнал, что я здесь?

— Ты почти сутки не подходила к телефону, и тогда я позвонил твоей Зое. Хотел узнать, не случилось ли чего. Зоя стала тебя разыскивать, обзвонила всех кого можно и кого нельзя, ну и...

— А сама она где? — перебила его Таня.

— Я приказал ей оставаться дома. На всякий случай, для связи. Мало ли, может быть, ты все же с ней связалась бы или захотела приехать. Дать тебе платок?

— Не надо, я не плакала, — ответила Таня.

От осознания того, что он волновался за нее, что она была ему небезразлична, Тане стало так хорошо, что неожиданно для самой себя она шагнула вперед и крепко прижалась щекой к груди Павла. Сейчас ей требовалось утешение, и он был именно тем человеком, который мог обеспечить его в полной мере. Пожидаев положил руки ей на плечи и осторожно поцеловал в висок.

— Я искал тебя, потому что мне сегодня улетать.

— В Швейцарию? — глухо спросила она, хотя и так знала, куда.

— В Лозанну, — подтвердил Павел.

— Я рада, что ты нашел меня, чтобы попрощаться, — сказала Таня, поднимая к нему лицо. — Мы присоединимся к тебе недели через три — даже не успеешь соскучиться.

Пожидаев немного помолчал, задумчиво глядя ей в глаза, а потом неожиданно улыбнулся.

— Боюсь, что успею, — сказал он. — Успею соскучиться, особенно по тебе. Поэтому на всякий случай я заказал на сегодня два билета. Один — на твое имя.

Он ни на чем не настаивал, но это, безусловно, было серьезное предложение. И обещание тоже. Обещание будущего, которого здесь, в Москве, у нее больше нет.

Таня приняла решение сразу. Почему бы хоть один раз в жизни не поступить непредсказуемо? Может, именно в таких спонтанных поступках и кроется секрет человеческого счастья?

— Мне нужно собрать вещи, — сказала она, надеясь избежать каких бы то ни было объяснений.

Павел понял ее с полуслова и, потянув к машине, распахнул перед ней дверцу.

— Забирайся, мы все успеем. Даже к Зое заедем, если ты хочешь попрощаться.

Когда машина мягко тронулась с места, Таня глубоко вздохнула. Несмотря на то что она собиралась поступить необдуманно, ей не было ни страшно, ни горько. Ее жизнь не кончалась, нет! Впереди ждала новая работа, новые впечатления. Но, главное, теперь она будет не одна.

Таня посмотрела на Пожидаева, который небрежно вел машину, удерживая руль одной рукой. Он заметил ее взгляд и улыбнулся в ответ. Это была хорошая улыбка, и Таня почувствовала, что рядом с ним рано или поздно оттаит и, может быть, даже расцветет снова. Конечно, на это потребуется время, но у нее в запасе целая жизнь.

Уже в аэропорту она на какое-то мгновение заколебалась. Достала мобильный телефон и, сжав его в руке, долго стояла, уставившись ничего не видящим взглядом в одну точку. Потом повернулась к Павлу и небрежно бросила:

— Мне нужно в дамскую комнату, я скоро вернусь. До начала регистрации точно успею.

Он кивнул, и Таня, не заметив в его глазах тревогу, быстро пошла через зал. Только очутившись вне поля его зрения, она дрожащей рукой набрала номер Олега. Он долго не брал трубку, но потом все-таки ответил.

— Алло, — сказал он сухо и не слишком приветливо.

«Наверное, обиделся на меня за то, что я так поспешно сбежала из больницы», — подумала Таня.

— Олег, я звоню попрощаться, — сказала она, всеми силами стараясь, чтобы голос не выдал ее волнения.

— Ты куда-то уезжаешь? — поинтересовался он абсолютно будничным тоном. Как будто не было никакой детской дружбы, его влюбленности, вообще ничего.

— Да, мы с Павлом летим в Швейцарию. Ты же в курсе, у нас новый проект... Вообще-то я

собиралась отправиться примерно через месяц, но тут подвернулась возможность... Так вот я и подумала: чего тянуть?

— Что ж... отлично, — ответил он так, будто она сказала, что идет в булочную за хлебом и вернется через пятнадцать минут.

— Что там у Виктора? Надеюсь, все в порядке? Никаких неожиданностей?

— Конечно, он мужик настырный — выкарабкается.

— А еще ничего не узнали про того негодяя, который в него стрелял?

— Ну как же! Его уже поймали. Вернее, он сам явился с повинной. Это бывший Регинин любовник, профессор консерватории, между прочим. Сошел с ума от любви — в прямом смысле этого слова.

— Я очень рада, что все так благополучно закончилось.

— Да, все хорошо...

— Ну что ж, тогда пока? — спросила Таня звенящим от напряжения голосом.

— Пока! Не пропадай. Надеюсь, мы будем созваниваться.

— Как обычно.

Закончив разговор, Таня прислонилась лбом к холодной колонне и несколько минут стояла неподвижно.

— Вам плохо? — участливо спросила ее какая-то добрая женщина и заглянула ей в лицо.

— Ничего, не беспокойтесь, — печально улыбнулась в ответ девушка. — Я просто пытаюсь собрать осколки своего сердца.

* * *

Звонок Зои застал ее врасплох.

— Мы ведь с тобой уже распрощались, — сказала Таня, улынувшись в трубку.

— Ты видела журнал «Наш красивый дом»? — спросила подруга возбужденным тоном. — Или последний выпуск «Хорошего настроения»? Или вообще какой-нибудь глянец?

— Так они уже вышли? — ахнула Таня. — Господи, зачем ты мне сказала!

Она бросилась к газетному киоску. Металлические стойки пестрели нарядными обложками. А вот и знакомая фотография! Одна, вторая, третья... Всего их должно быть ровно десять.

— Их должно быть ровно десять, — сказала она вслух.

— Потаповых? — спросила Зоя. — Кстати, он отлично получился.

Таня не могла с ней не согласиться. Она взяла в руки один из журналов. С рекламной картинке ей широко улыбался Виктор, а внизу шла крупная подпись: «Я люблю тебя,

Гринвиль». Слова «Я люблю тебя» размещались отдельной строкой.

Собственно, Гринвиль был всего лишь коттеджным поселком, который надлежало рекламировать. А улыбаться со страниц журналов должен был профессиональный актер. Но благодаря Таниному вмешательству вместо актера на плакат попали снимки Потапова.

— Теперь я поняла, что ты подразумевала, когда говорила об аванюре! — воскликнула Зоя. — Как ты все это устроила?

— Когда я была в «Самшите», как раз приехал фотограф, чтобы делать рекламные снимки. Приехал немного раньше времени, поэтому, чтобы выставить свет, ему требовался помощник. Ну, надо было, чтобы кто-то посидел немного, попозировал. Не знаю уж почему, но Виктор вызвался помочь. Позже я выкупила его фотографии, а потом встретилась с рекламщиками... В общем, это было непросто.

— И рискованно! Скажи спасибо, что Виктор в больнице лежит, простреленный, а то бы тебе несдобровать. Это ж какие деньги на рекламу угрохали.

— Таким способом я хотела объясниться ему в любви, — призналась Таня.

— А то я не поняла!

— Ужасно глупый поступок.

— Знаешь, если бы ты по-прежнему любила Виктора, поступок не казался бы тебе таким уж глупым. А что? Потапов мог бы и оценить. Он ведь обожает быть на виду.

— Но все изменилось, и теперь я не хочу, чтобы он узнал, что я тут учудила без его ведома. У него ведь есть невеста... Вдруг она разозлится?

— Откуда она узнает, что ты приложила к этому руку? — удивилась Зоя. — Вот Виктор сразу догадается, а она — вряд ли. Так что не бери в голову.

— Порой так хочется поддаться порыву, — с раскаяньем сказала Таня. — Но иной раз порывы заканчиваются довольно жалко.

— Надеюсь, ты не собираешься рвать на себе волосы и посыпать голову пеплом?

— Да нет. Просто странно... Еще недавно все эти глупости казались мне такими невероятно важными. А сейчас мне за них стыдно.

— Чушь собачья! — откликнулась Зоя. — Я вот мужу изменила и даже рассказала ему об этом, мне и то не стыдно.

— Зачем же рассказала? — ахнула Таня. — Бедный Стасик!

— Твой «бедный Стасик» забыл о своих обязанностях, — проворчала Зоя. — Если жена находится в самом расцвете сил, нужно действовать, а не по командировкам шляться.

— И как же ты ему все это преподнесла? — продолжала допытываться Таня.

— Заявила, что если он не выполняет свой супружеский долг, за него это обязательно сделает кто-нибудь другой.

— А он что?

— У него, видишь ли, после моего заявления в голове все перемешалось. Даже крупица здравого смысла способна засорить дураку мозги! Вот Пожидаев у тебя умный. Я рада, что ты согласилась с ним уехать. С таким мужиком не пропадешь! Он и денег заработает, и в постели наверняка не промах. Я уверена, у него была куча баб. Так что он опытный.

— Зоя! — застонала Таня. — Если ты думаешь, что таким образом меня подбадриваешь...

— Ты же не Белоснежка какая-нибудь, — откликнулась подруга. — Это мы с тобой, если не ошибаюсь, лет до пятнадцати мечтали о романах из жизни голубей. До сих пор помню, что целью моей жизни была фата в сеточку. Эх, вот были времена! Ты позвонишь мне из Швейцарии? Я бы на твоём месте обязательно выбрала время и посетила выставку сыроварения.

— Зоя, я не люблю сыр, — сказала Таня. — И вообще. Мне надо идти, Павел уже заждался.

— Ничего. Интеллигентный человек, не побьет.

— Вот еще не хватало!

— Не знаю, некоторым нравятся brutальные мужчины.

— Так ведь brutальные, а не драчливые.

— А что? Ты думаешь, все такие, как ты, трепетные? У меня, вон, докторша знакомая. Чудесная женщина, красавица... Живет с алкоголиком, который постоянно устраивает ей «большой бэмс». То квартиру разгромит, то саму докторшу поколотит... Изменяет ей, кстати. Когда он особенно разоидется, она от него под столом прячется. Я ее спрашиваю: «Люда, зачем же ты с ним живешь?» А она отвечает: «Ты ничего не понимаешь. Когда трезвый, он такой романтичный!»

Таня вынуждена была признать, что женщины — ужасно странные существа.

— Ты думаешь, тебе почему так с мужиками везет? — продолжала философствовать Зоя. — С одним не получилось, тут же другой появился. А все потому, что ты за ними не гоняешься. Знаешь точно, что и без них не пропадешь! И они эту твою независимость чувствуют. Хоть и принято считать, что мужчинам нравятся слабые женщины, на самом деле это всего лишь миф большого города. Им нравятся сильные, самостоятельные, умеющие бороться с трудностями и зарабатывать себе на жизнь. Мягкой женщина должна быть только на ощупь.

— Зоя, остановись! Я пропущу самолет, — взмолилась Таня. — Ты себя или меня пытаешься убедить в том, что все хорошо?

— Нас обеих, — печально ответила Зоя. — Я знаю, ты чувствуешь себя совершенно несчастной. Но иногда то, что сегодня кажется неудачей, завтра оказывается самой большой жизненной победой. Разве ты читала мало любовных романов? Только вспомни! Женщина выходит замуж за мужчину, которого ненавидит, а потом влюбляется в него без памяти, и дело заканчивается сумасшедшей страстью и любовью до гроба. И таких сюжетов — сотни! Это ли не повод для оптимизма?

— Если любовные романы кажутся тебе жизненными, ты действительно находишься в самом расцвете сил, — усмехнулась Таня. — Не волнуйся за меня. Мне нравится Пожидаев, у меня

отличные деловые перспективы и опыт проживания в чужой стране. Вот увидишь, я вернусь ужасно счастливой!

* * *

— Молодец, хорошо поговорил, — ухмыльнулся похититель и выхватил телефон у Олега из рук.

Олег сидел на заднем сиденье «джипа», который несся по трассе, изредка попадая колесами в выбоины. Справа от него сидел лысый детина, а слева — неприятный татуированный тип с пистолетом в руке. Дуло пистолета упиралось Олегу в печень.

— Еще один звонок, и порядочек, — бросил тот из похитителей, который сидел за рулем. — Давай звони на службу и скажи, что берешь отпуск за свой счет. И без фокусов. Ясно?

«Если я позвоню, меня никто уже не хватится и не станет искать», — подумал Олег, лихорадочно размышляя, что бы такое предпринять.

Только Витьке или Тане он мог бы подать какой-нибудь знак. Но Витька боролся за жизнь в больнице, а Таня... Он бы ни за что не рискнул впутывать ее в криминальные дела. Когда она сказала, что улетает в Швейцарию с Пожидаевым, его душа сначала заныла от боли. Но потом он обрадовался! Представил, как она проходит паспортный контроль и садится в самолет — еще немного, и ей уже ничто не будет угрожать.

Олег повернул голову и посмотрел в окно. Вокруг стеной стоял лес, грозное небо лежало на верхушках деревьев, провисая, словно тяжелое одеяло. Он не знал, куда его везут, почему его похитили и чего от него хотят. Они ехали куда-то уже часов двенадцать. Вероятно, вскоре они прибдут в пункт назначения, и ему выставят какие-то требования.

«Если я останусь жив, то первым делом отправлюсь в Лозанну, — подумал Олег. — Я должен остаться жив. Иначе Таня так и не узнает, что я люблю ее по-прежнему. И даже сильнее, чем прежде».

Продолжение следует